

СОДЕРЖАНИЕ

СОБЫТИЯ

- «Право, информационное общество и технологии». Международная научно-практическая конференция,
г. Самара, 16 ноября 2017 г. 7

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

- Луканов А.С. Современные информационные технологии как инструментарий правовой системы
государства 9

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

- Волков В.Э. Глобальное отчуждение: информационный сепаратизм и права человека 13
Чердымова Е.И., Борисова М.О., Перемышлина Е.С., Пешнова Е.И., Шукина А.Н. Госконтроль
за интернет-трафиком в XXI веке 17

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

- Данилина И.В. Развитие электронных СМИ в рамках реализации государственной программы
«Информационное общество (2011–2020 годы)» 22
Долинская В.В. Информационное общество, информационные отношения и право 27
Замотаева Т.Б. Значение информации в обязательствах вследствие причинения вреда 37
Крюкова Е.С., Рузанова В.Д. Вопросы внедрения государственной информационной системы в сферу
жилищно-коммунального хозяйства 41
Поваров Ю.С. Раскрытие информации об участниках юридического лица в Едином государственном
реестре юридических лиц 46

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОММЕРЧЕСКОЕ ПРАВО

- Королева А.Н. Защита прав потребителей в условиях формирования цифрового товарного рынка 50
Свиридов В.А. О соотношении инновационного и информационного права 56
Татаринова С.С. Цифровая экономика и право: новые вызовы – новые перспективы 62

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

- Репин М.Е. О некоторых проблемах обеспечения информационной безопасности в современных
условиях 67
Свобода И., Крайникова М.И. Угрозы безопасности в настоящее время 70
Хиллота В.В. Уголовно-правовая защита отношений собственности в эпоху информационного обще-
ства 77

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

- Малолеткина Н.С. Применение системы электронного мониторинга подучетных лиц в уголовно-
исполнительной системе 86

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Бедняков И.Л., Кубанов В.В. Использование в раскрытии преступлений результатов геномной учет-
но-регистрационной деятельности: современное состояние и перспективы развития 90
Казакова А.В. Новые технологии в российском уголовном процессе 94
Коньгин Р.А., Шестакова Л.А. Использование компьютерного трехмерного моделирования в уголов-
ном судопроизводстве Российской Федерации 99
Олиндер Н.В. К вопросу о доказательствах, содержащих цифровую информацию 107
Таран А.С. Интернет-ресурсы и исследование уголовно-процессуальной правосубъектности 111

КРИМИНАЛИСТИКА

- Халиков А.Н. Информационная система познания преступления 116
Хлус А.М. Правовое регулирование государственных закупок в Республике Беларусь и методы кримина-
листического выявления коррупции в данной сфере 121

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

- Миладинович-Богавец Ж. Нарушения прав детей в киберпространстве: киберопасность и правовое
регулирование 128

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

- Мельникова М.В. Информатизация юридического образования: проблемы и возможности 133

Трибуна молодого ученого

- Гамбарова Е.А. К вопросу о методике использования социальных сетей в работе следователя 137

РЕЦЕНЗИИ

- Рецензия на монографию Якушева Павла Алексеевича «Споры о детях: традиционные ценности и
судебная практика». 142
Сведения об авторах 146
Требования к оформлению статей 152

CONTENTS

EVENTS

- «Law, information society and technologies». International research and practice conference, Samara, November 16, 2017* 7

THEORY OF STATE AND LAW

- Lukanov A.S.** Modern information technologies as tools of legal system of state 9

CONSTITUTIONAL LAW OF RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES

- Volkov V.E.** Global alienation: information separatism and human rights 13
Cherdymova E.I., Borisova M.O., Peremyshlina E.S., Peshnova E.I., Shchukina A.N. State control over Internet traffic in the 21st century 17

CIVIL LAW

- Danilina I.V.** Development of electronic media within the framework of implementation of the state program «Information society (for the years 2011-2020)» 22
Dolinskaya V.V. Information society, information relations and legislation 27
Zamotaeva T.B. The importance of information in obligations as a result of causing harm 37
Kryukova E.S., Ruzanova V.D. Issue of introducing state information system in the sphere of housing and communal services 41
Povarov Yu.S. Disclosure of information about legal entity participants in the united state register of legal entities 46

ENTREPRENEURIAL AND COMMERCIAL LAW

- Koroleva A.N.** Protection of consumer rights in the conditions of formation of the digital goods market 50
Sviridov V.A. About the correlation of innovative and information law 56
Tatarinova S.S. Digital economy and law: new challenge – new perspective 62

CRIMINAL LAW

- Repin M.E.** About some problems of ensuring information security in modern conditions 67
Svoboda I., Kraynikova M.I. Threats of safety in present time 70
Hilyuta V.V. Criminal legal protection of the relations of property during the era of information society 77

CRIMINAL EXECUTIVE LAW

- Maloletkina N.S.** Application of the system of electronic monitoring of the registered persons in the penal system 86

CRIMINAL PROCESS

- Bednyakov I.L., Kubanov V.V.** Use in the disclosure of crimes of the results of genome accounting and registration activities: modern status and prospects of development 90
Kazakova A.V. New technology in the Russian criminal process 94
Konygin R.A., Shestakova L.A. Use of computer three-dimensional modeling in the criminal proceedings of the Russian Federation 99
Olinder N.V. On the issue of evidences containing digital information 107
Taran A.S. Internet resources and investigation of criminal procedural personality 111

CRIMINALISTICS

- Khalikov A.N.** Information system of cognition of crime 116
Hlus A.M. Legal regulation of state procurement in the Republic of Belarus and methods of criminalistic detection of corruption in this sphere 121

INTERNATIONAL PUBLIC LAW

- Miladinovich-Bogavats Zh.** Violations of children's rights in cyberspace-cybersecurity and legal regulations 128

LEGAL EDUCATION

- Melnikova M.V.** Computerization of legal education: challenges and opportunities 133

TRIBUNE OF YOUNG SCIENTIST

- Gambarova E.A.** Technique of using social networks in the work of an investigator 137

REVIEWS

- Review on the monograph by Pavel Alekseevich Yakushev «Disputes about children: traditional values and judicial practice» 142
Information about the authors 146
Requirements to the design of articles 152

СОБЫТИЯ

«ПРАВО, ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И ТЕХНОЛОГИИ». МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, Г. САМАРА, 16 НОЯБРЯ 2017 Г.

«LAW, INFORMATION SOCIETY AND TECHNOLOGY». INTERNATIONAL RESEARCH AND PRACTICAL CONFERENCE, SAMARA, NOVEMBER 16, 2017

16 ноября 2017 г. юридическим факультетом Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева» была проведена международная научно-практическая конференция «Право, информационное общество и технологии».

Организация и проведение конференции осуществлялись в рамках проекта «Теоретические и практические проблемы учения об основаниях, функционировании и развитии отечественной системы права».

С приветственным словом к участникам конференции выступили: проректор по учебной работе Самарского университета Гаврилов Андрей Вадимович, руководитель правового управления Самарской губернской думы Саусин Андрей Валерьевич, начальник правового отдела ГУ МВД России по Самарской области подполковник внутренней службы Кремнев Роман Николаевич, заместитель председателя Самарского областного суда Кудинов Вадим Вячеславович.

Модераторы конференции — декан юридического факультета, д.ю.н., профессор Безверхов Артур Геннадьевич; профессор кафедры гражданского процессуального и предпринимательского права юридического факультета, д.ю.н. Юдин Андрей Владимирович.

Участники конференции обсудили проблемы правового регулирования, обусловленные информатизацией современного общества, обеспечения информационной безопасности, использования современных информационных технологий в правоприменительной практике, ответственности за действия, нарушающие права лиц на защиту информации, и проч.

В работе конференции активное участие принял профессорско-преподавательский состав юридического факультета Самарского университета. С докладами выступили: доцент кафедры государственного и административного права юридического факультета Самарского университета, к.ю.н Волков В.Э.; доцент кафедры гражданского процессуального и предпринимательского права, к.ю.н. Королева А.Н.; доцент кафедры теории и истории государства и права, к.ю.н. Пермяков Ю.Е.; и.о. зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики, доцент, к.ю.н Савельев К.А.; доцент кафедры гражданского процессуального и предпринимательского права, к.ю.н. Свиридов В.А.; доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, к.ю.н Таран А.С.; старший преподаватель кафедры гражданского процессуального и предпринимательского права Татаринова С.С.; доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, к.ю.н. Шапошников А.Ю.; доцент кафедры гражданского процессуального и предпринимательского права, к.ю.н. Юсупов Р.З. и др.

На конференции были представители и других структурных подразделений Самарского университета: кафедры информатики и вычислительной математики (доцент А.С. Луканов), кафедры социологии и культурологи (к.ю.н., доцент Е.И. Чердымова) и др.

В работе конференции приняли участие и ученые из других вузов г. Самары:

- Самарского юридического института ФСИН России (к.ю.н., доцент Бедняков И.Л., к.ю.н., доцент Мельникова М.В., к.ю.н. Малолеткина Н.С.);
- ГБОУ ВО СО СГОАН (к.ю.н. Замотаева Т.Б.);
- Самарской гуманитарной академии (к.ю.н. Ипэк-Артамонова М.А.) и др.

На конференцию приехали также известные российские ученые, представители ведущих юридических вузов страны:

Долинская Владимира Владимировна, профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, д.ю.н.;

Качалова Оксана Валентиновна, зав. отделом проблем уголовного судопроизводства Российского государственного университета правосудия, профессор кафедры уголовно-процессуального права им. Н.В. Радутной Российского государственного университета правосудия, д.ю.н.;

Попова Ирина Павловна, старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Юридического института Байкальского государственного университета (г. Иркутск), председатель Усть-Илимского городского суда Иркутской области в почетной отставке;

Халиков Аслям Наилевич, д.ю.н, профессор кафедры криминалистики Башкирского государственного университета, и другие.

На приглашение принять участие в работе конференции откликнулись и представители научного мира из других стран, в том числе республики Беларусь, Сербии и проч.

Настоящий выпуск журнала «Юридический вестник Самарского университета» посвящен конференции «Право, информационное общество и технологии» и публикует часть статей, подготовленных ее участниками.

*Заместитель главного редактора журнала
«Юридический вестник Самарского университета»,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Самарского университета, к.ю.н., доцент
A.S. Taran*

*Deputy chief editor of the journal
«Juridical Journal of Samara University»,
Assistant professor of the Department of Criminal Process and Criminalistics,
Samara National Research University, Candidate of Law, associate professor
A.S. Taran*

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 001.2

А.С. Луканов*

СОВРЕМЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТАРИЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВА

В статье рассматриваются проблемы при решении интегрированных, междисциплинарных задач, возникающих на стыке таких научных направлений, как юриспруденция и современные информационные технологии. Действительно, в настоящее время все наиболее развитые страны мира находятся на стадии создания и развития своих государственных институтов на базе такого фундаментального понятия, как «информационное общество». Сегодня уровень развития информационных технологий в любом государстве обеспечивает соответствующий уровень производственных и социальных отношений, т. е. уровень жизни людей. В частности, создание единого цифрового правового пространства государства становится стратегической задачей. От ее решения напрямую зависит не только эффективность управления государством, но и само существование государства. А для решения этой задачи необходимо интеграционное взаимодействие юристов и специалистов в области информационных технологий. Более того, автор утверждает, что только современные информационные технологии смогут либо полностью победить коррупцию в нашей стране, либо хотя бы в десятки раз снизить число экономических преступлений.

Ключевые слова: современные информационные технологии, правовая система государства, информационное общество, распределенные базы данных, облачные технологии, системы искусственного интеллекта, Big Data, борьба с коррупцией.

В настоящее время все наиболее развитые страны мира находятся на стадии создания и развития своих государственных институтов на базе такого фундаментального понятия, как «информационное общество». Неограниченно широкое использование информационных технологий и современных средств доступа к информации открыло принципиально иные возможности построения более сбалансированного общества с существенно большей реализацией индивидуальных возможностей его членов [1, с. 1–27]

Информационное общество несет в себе огромный потенциал для улучшения жизни граждан и повышения эффективности социального и экономического устройства государства. Стоящий перед Россией, как и перед всем миром выбор прост: либо использовать преимущества зарождающегося «информационного общества», сводя при этом к минимуму возможные потери, либо отдалиться во власть революционной стихии, вызванной информационным кризисом. В полной мере эти слова относятся и к правовым государственным институтам.

Под правовой системой государства понимается целостный комплекс правовых явлений, обусловленный объективными закономерностями развития общества, осознанный и постоянно воспроизводимый людьми и их организациями (государством) и используемый ими для достижения своих целей.

Под термином «информационные технологии» (ИТ, также — информационно-коммуникационные технологии) понимаются процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, рас-

* © Луканов А.С., 2017

Луканов Александр Сергеевич (las15@mail.ru), кафедра информатики и вычислительной математики, Институт информатики математики и электроники, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

пространения информации и способы осуществления таких процессов и методов; приемы, способы и методы применения средств вычислительной техники при выполнении функций сбора, хранения, обработки, передачи и использования данных; ресурсы, необходимые для сбора, обработки, хранения и распространения информации.

То есть даже бытовое понятие «информатика» сегодня следует рассматривать гораздо шире, чем «компьютерные технологии». Благодаря необыкновенно высоким темпам развития современных информационных технологий (СИТ) информатика уже давно превратилась и в науку, и в прикладной инструмент, в которых компьютер хотя и играет по-прежнему основную роль, но уже является далеко не единственным средством создания, хранения и обработки информации. Поэтому вместо термина «компьютер» в СИТ теперь более корректно использование термина «вычислительная система» (ВС), а понятия «Персональный компьютер» (в физическом смысле) в настоящее время вообще больше не существует.

Например, на сегодняшний день информационные технологии, напрямую или косвенно связанные с правовыми аспектами, можно условно разбить на две группы.

К первой отнесем традиционные информационные технологии, т. е. технологии, которые уже прочно вошли в жизнь любого пользователя-юриста:

- офисные технологии;
- электронный документооборот;
- справочно-правовые системы;
- технология локальных сетей.

Ко второй группе отнесем информационные технологии, которые считаются относительно новыми, но именно на их базе и можно построить единое цифровое правовое пространство (ЕЦПП):

- технология распределенных баз данных;
- Интернет. Облачные технологии;
- большие банки данных;
- системы типа «Искусственный интеллект». Экспертные системы.

Под распределенной базой данных (РБД) понимается набор логически связанных между собой разделяемых данных, которые физически распределены по разным узлам компьютерной сети. Например, данные распределенной БД могут находиться в разных городах и даже на разных континентах. Примерами РБД в юриспруденции могут служить базы данных Интерпола, МВД (ИБД-Ф, ПВС МВД, ГИБДД МВД), «Сирена», «Магистраль» и др.

СИТ в образе Интернета позволяет реализовать неограниченное число сайтов юридической направленности, которые позволяют давать юридические консультации в режиме on-line. Например, на портале argo.ru можно найти более 61 миллиона документов, связанных с правовой тематикой.

Большие банки данных или Big Data — это различные инструменты, подходы и методы СИТ, которые используются для обработки (анализа) как структурированных, так и неструктурированных данных для их дальнейшего использования при решении конкретных задач.

В нашем случае — данных юридических. Например, фирма Ravel Law (<http://ravellaw.com>), основанная в 2012 году двумя адвокатами с большим опытом юридических исследований, предлагает ряд инструментов, применяющих технологии работы с большими данными для поиска, анализа и визуализации прецедентной информации. И, например, один из инструментов-программ позволяет не только юристам, но и рядовым гражданам найти тех судей, кто с наибольшей степенью вероятности окажется восприимчив к их аргументам [2, с. 1–4].

Актуальными примерами технологии Big Data в юриспруденции является создание банков данных абсолютно всех правонарушений с последующей обработкой для решения многих задач. Например, ИС подобного типа успешно применяется для обеспечения безопасности в местах массового пребывания людей с помощью технологии распознавания лиц. К системе распознавания можно подключить неограниченное число баз данных. Например, базы данных местной полиции, ФСБ и судебных приставов. [3, с. 1–2]

Облачное хранилище данных (англ. *cloud storage*) — это такая технология хранения данных в компьютерных сетях, при которой размещение контента осуществляется на удаленных серверах пространства Интернета. Основным преимуществом использования облачных технологий для частных лиц и организаций является возможность размещать значительный объем данных вне своего цифрового устройства (компьютера, телефона, планшета и т. п.) и получать к ним доступ из любой точки Земного шара в любое удобное время. В среде «облака» могут также осуществляться необходимые вычислительные операции, в частности создание и редактирование офисных документов. В результате даже любая частная юридическая фирма может заключить договор с любым провайдером облачного сервиса, не говоря уже о возможностях государственных компаний. При этом возникает множество юридических проблем, связанных с международным правом [4, с. 3–8].

Система типа «Искусственный интеллект» (ИС) — это аппаратная и (или) программная система, способная решать задачи, традиционно считающиеся творческими, принадлежащие конкретной предметной области, знания о которой хранятся в памяти такой системы. Как правило, интеллектуальная система включает три основных блока — базу знаний, машину вывода и интеллектуальный интерфейс, позволяющий вести общение с ВС без специальных программ для ввода данных, например аудиоинтерфейс.

Частным случаем систем ИС являются экспертные системы (ЭС). ЭС – это компьютерная система, способная частично заменить специалиста-эксперта, в частности юриста, в разрешении проблемной ситуации.

В правоохранительной деятельности экспертные системы используются в основном в следственной практике, хотя имеются примеры и других применений. При этом важно подчеркнуть, что никакой искусственный интеллект и никакая экспертная система не могут и не должны полностью подменять законотворческую деятельность, т. к. компьютерные системы всегда являются лишь уникальным, но вспомогательным инструментом деятельности человека, тем более в такой ответственной области, как юриспруденция [5, с. 1–4]

Так, экспертная система «БЛОК», предназначенная для борьбы с экономическими преступлениями, позволяет расследовать хищения в строительстве с использованием экономических, технологических, товароведческих, бухгалтерских, оперативных материалов и признаков, а также данных о лицах и документах в этой области. Эта экспертная система может адаптироваться в процессе эксплуатации.

Экспертная система «СПРУТ» позволяет на основании знаний о преступных формированиях, связях между лицами, экономических составляющих и фактов, представляющих оперативный интерес, устанавливать связи субъектов преступного формирования.

Элементами систем типа ЭС обладают и системы поддержки судебной экспертизы (СПСЭ). С их помощью можно провести исследование и оценку вещественных доказательств, подготовить и сформулировать экспертное заключение. Примерами СПСЭ являются: «КОРТИК» – экспертиза холодного оружия, «БАЛЭКС» – баллистическая экспертиза, «НАРКОЭКС» – экспертиза наркотических веществ и др.

Таким образом современные информационные технологии позволяют создать единое государственное цифровое информационное пространство на основе как региональных компьютерных сетей, так и Рунета в целом. Более того, благодаря техническим возможностям Интернета безгранично (и в прямом, и в переносном смысле) расширяются возможности и международного правотворчества, и соблюдения международных правовых норм в межгосударственных правоотношениях на всех уровнях, включая юридическую защиту рядовых граждан.

Единое цифровое правовое пространство (ЕЦПП) должно включать в себя следующие уровни:

I. Уровень рядового пользователя. Реализован в виде обычных клиентских приложений либо приложений для браузеров Интернета, что позволяет пользователям ЕЦПП формировать правовые запросы к ресурсам системы. Подразумевает наличие у пользователей начальной компьютерной грамотности.

II. Уровень профессионального юриста. Означает участие правоведов в законотворческой деятельности, вызванной активным развитием современных информационных технологий, когда правовые отношения возникают в совершенно новых, зачастую уникальных ситуациях, не прописанных в законе. Например, все пользователи социальных сетей постоянно публикуют личные мультимедийные данные на различных ресурсах сети – в результате возникает проблема правообладания этими ресурсами. Поэтому профессиональные юристы должны постоянно выступать не только в законотворческой роли, но и в роли эксперта при проектировании, реализации, тестировании и эксплуатации экспертных систем, облачных систем, систем Big Data и систем типа «Искусственный интеллект», оказании онлайн-консультаций, обучении студентов профессиональному использованию СИТ и т. д. При этом подразумевается наличие у юристов базовых знаний по информационным технологиям.

III. Государственный уровень. Здесь важно подчеркнуть гарантированное обеспечение качественной и актуальной правовой информацией не только органов власти и управления, но и всех производственных структур как государственного, так и частного сектора. Эта задача является стратегической, от нее напрямую зависит не только эффективность управления государством, но и само существование. Очевидно, что без ЕЦПП эту задачу в современных условиях реализовать невозможно. Кроме того, государство должно гарантировать выполнение своих обязательств перед рядовыми гражданами по обеспечению их актуальной правовой информацией, что тоже без ЕЦПП реализовать невозможно. Все это должно выливаться в техническую, правовую и финансовую поддержку для реализации проекта ЕЦПП [6, с. 22–28]

Наконец, по субъективному мнению автора, только современные информационные технологии смогут либо полностью победить коррупцию в нашей стране, либо хотя бы в десятки раз снизить число экономических преступлений.

Библиографический список

1. Чубукова С.Г., Элькин В.Д. Основы правовой информатики (юридические и математические вопросы информатики). М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ», 2007. 287 с.
2. Михаил Ваннах. Большие Данные приходят по душе юристов. URL: <http://www.computerra.ru/139439/bolshie-dannyye-prihodyat-po-dushu-yuristov>.
3. How Big Data Is Disrupting Law Firms And The Legal Profession. URL: <https://www.forbes.com/sites/bernardmarr/2016/01/20/how-big-data-is-disrupting-law-firms-and-the-legal-profession/#4bfbf7797c23>.

4. Шакель Надежда. Юридические аспекты использования облачных технологий // Журнал международного права и международных отношений. 2014. № 4.
5. Чиландер Фредерик. Судебный процесс: фантастический рассказ. URL: <http://readr.su/frederik-chilander-sudebniy-process.html>.
6. Хургин В.М. Роль государства в системе правовой информации и его взаимодействие с частными структурами // Информационное общество. 2004. Вып. 5. С. 22–28.

References

1. Chubukova S.G., Elkin V.D. *Osnovy pravovoi informatiki (iuridicheskie i matematicheskie voprosy informatiki)* [Fundamentals of legal informatics (legal and mathematical issues of informatics)]. M.: Iuridicheskaya firma «KONTRAKT», 2007, 287 p. [in Russian].
2. Mikhail Vannah. *Bol'shie Dannye prikhodiat po dushu iuristov* [Big Data come on soul of lawyers]. Retrieved from: <http://www.computerra.ru/139439/bolshie-dannye-prihodyat-po-dushu-yuristov/> [in Russian].
3. *How Big Data Is Disrupting Law Firms And The Legal Profession*. Retrieved from: <https://www.forbes.com/sites/bernardmarr/2016/01/20/how-big-data-is-disrupting-law-firms-and-the-legal-profession/#4bfbf7797c23> [in English].
4. Nadezhda Shakel. *Iuridicheskie aspekty ispol'zovaniia oblachnykh tekhnologii* [Legal aspects of the use of cloud technologies]. *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnoshenii* [Magazine of international law and international relations]. 2014, no. 4 [in Russian].
5. Frederik Chilander. *Sudebnyi protsess. Fantasticheskii rasskaz* [«Lawsuit». Fantastic story]. Retrieved from: <http://readr.su/frederik-chilander-sudebniy-process.html> [in Russian].
6. Khurgin V.M. *Rol' gosudarstva v sisteme pravovoi informatsii i ego vzaimodeistvie s chastnymi strukturami* [Role of state in the system of legal information and its interaction with private structures]. *Informatsionnoe obshchestvo* [Information Society], 2004, Issue 5, pp. 22–28 [in Russian].

A.S. Lukanov*

MODERN INFORMATION TECHNOLOGIES AS TOOLS OF LEGAL SYSTEM OF STATE

In the article the issues appearing at solving integrated, interdisciplinary tasks appearing at the junction of such research areas as jurisprudence and modern information technologies are viewed. Indeed, at present all the most developed countries of the world are on the stage of creation and development of their state institutions on the basis of such fundamental notion as «Information Society». Today the level of development of information technologies in any state ensures the corresponding level of production and social relations, i.e. the quality of life of population. In particular the creation of unified digital legal framework of state is becoming a strategic task. From its solving not only effectiveness of management of state, but the very existence of state hinges on. And for solving this task integration interaction of lawyers and specialists in the sphere of information technologies is necessary. Moreover, the author states that only modern information technologies can either fully win corruption in our country, or, at least, ten times reduce the number of economic crimes.

Key words: modern information technologies, legal system of state, information society, distributed databases, cloud computing, systems of artificial intelligence, Big Data.

* Lukanov Alexander Sergeevich (las15@mail.ru), Department of Informatics and Computational Mathematics, Institute of Informatics, Mathematics and Electronics, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

УДК 342.7

*В.Э. Волков**

ГЛОБАЛЬНОЕ ОТЧУЖДЕНИЕ: ИНФОРМАЦИОННЫЙ СЕПАРАТИЗМ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

В статье рассматривается проблема реализации права на информацию в контексте развития коммуникационных технологий. Автор исходит из гипотезы о том, что индивидуализация информационных ресурсов в сети Интернет приводит к асимметрии информационных потоков и содержит в себе потенциальную угрозу ценностям социальной солидарности. На примере современных картографических сервисов исследованы закономерности информирования граждан в условиях фрагментации интернет-пространства. На основе представления о негативных последствиях персонализации информационных продуктов сделан вывод о необходимости дополнительных правовых и организационно-технических гарантий трансграничного распространения общественно значимых сведений. Правовые меры, направленные на восстановление информационного баланса, могут быть реализованы в рамках существующей международно-правовой системы. Также предлагаются организационно-технические меры, способствующие снижению уровня влияния факторов национальной политики на содержание информации, предоставляемой поисковыми системами и социальными сетями.

Ключевые слова: права человека, свобода слова, свобода массовой информации, информационный сепаратизм, правовое регулирование распространения массовой информации, информационная асимметрия, территория государства.

Информационная революция вызвала к жизни ряд парадоксов. Один из них – взаимное отчуждение людей, оказавшихся под влиянием новых источников массовой информации. Технологии, на которые возлагались большие надежды в деле объединения разобщенных социальных групп и целых народов, оказывается, имеют существенный побочный эффект. Стремясь предоставить пользователю наиболее привлекательный для него контент, они ограничивают число источников информации, неизбежно вмешиваясь в процесс формирования картины мира в сознании человека. Технологические компании оказывают нам услугу, спасая от потока ненужной информации, но плата за нее иногда бывает чрезмерной.

4 декабря 2009 года в корпоративном блоге Google появилась на первый взгляд неприметная запись «Индивидуализированный поиск для всех», которая в действительности оказалась манифестом новой информационной революции [1]. С этого дня крупнейшая поисковая система мира, которая для многих стала синонимом современного Интернета, начала использовать 57 индивидуальных параметров пользовательского поведения – начиная от географического положения и используемого типа браузера до истории предыдущего поиска в сети – для характеристики личности конкретного пользователя и предложения ему наиболее релевантных результатов в поисковой выдаче. У каждого человека появился свой собственный Google, а с учетом роли поисковой системы – и свой собственный Интернет. Скоро примеру американской корпорации последовали региональные игроки рынка поисковых систем и круп-

* © Волков В.Э., 2017

Волков Владислав Эдуардович (volkov@ikafedra.com), кафедра государственного и административного права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

нейшие социальные сети. Практически весь информационный мир оказался индивидуализированным [2]. Обратной стороной индивидуализации стало отчуждение — началась фрагментация Интернета. Результаты поиска для разных людей стали существенно отличаться, а следовательно, различалась и картина мира, построенная на их основе. За рубежом явление стало предметом научного анализа, и в 2011 году для его обозначения появился специальный термин — «пузырь фильтров» (Filter Bubble) [3].

Жизнь внутри пузыря легка и приятна: пользователь получает только то, что, по мнению поисковой системы, он хочет получить. Он избавлен от необходимости трудоемкого поиска нужных сведений в бескрайнем море информации. Ценой комфортного потребления оказывается намеренное искажение действительности: пользователь видит только то, что хочет видеть, тогда как реальность может состоять и из нежелательной информации. Дифференциация информационных потоков затрагивает не только предпочтения отдельных людей, но и политические ориентации целых стран и народов. По состоянию на апрель 2016 года известны по крайней мере 10 случаев, когда Google Maps предоставляет в разных странах существенно различающиеся данные о государственных границах. Для российской аудитории особый интерес могут представлять различия в статусе Крыма в русской и украинской версиях сервиса *Яндекс.Карты* (см. рис. 1, 2).

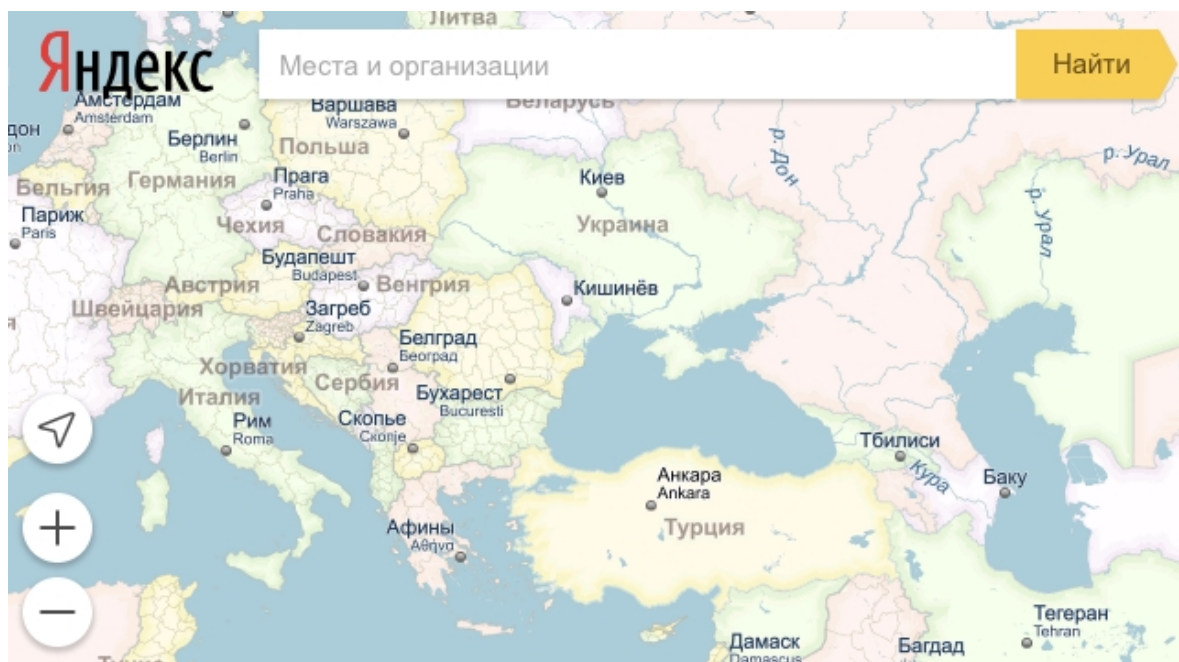

Рис. 1. Карта Восточной Европы для пользователя украинской версии сервиса *Яндекс.Карты* по состоянию на 2 октября 2015 г. (Автономная Республика Крым в составе Украины, Абхазия и Южная Осетия в составе Грузии)

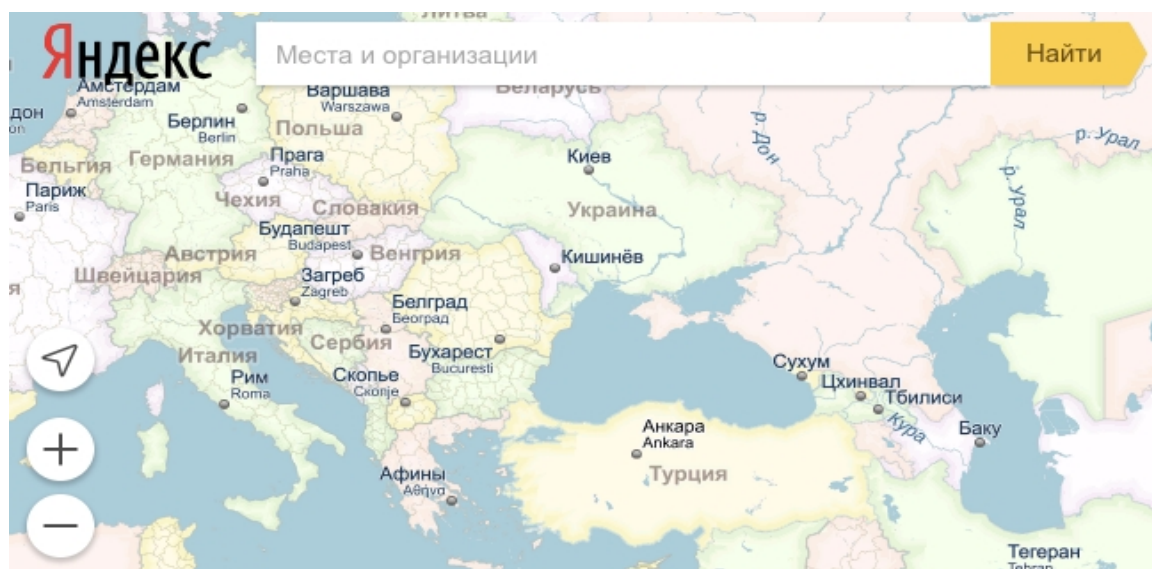

Рис. 2. Карта Восточной Европы для пользователя российской версии сервиса *Яндекс.Карты* по состоянию на 2 октября 2015 г. (Республика Крым в составе Российской Федерации, Абхазия и Южная Осетия — независимые государства)

Сложившаяся информационная асимметрия представляет опасность не только для отдельного гражданина, но и для общества. Она не только существенно затрудняет получение объективной информации о фактах, которые могут иметь юридическое значение, но и служит инструментом и основанием для формирования изоляционистской государственной политики. Картографические сервисы — коммерческие предприятия, зависимые от государственных регуляторов и подверженные политический конъюнктуре. Например, *Яндекс* аргументировал позицию по поводу Крыма в корпоративном блоге так: «После референдума в Крыму Президент России подписал международный договор о присоединении Крыма и Севастополя к России. Конституционный суд Украины признал Крымский референдум противоречащим Конституции Украины. Мы работаем для своих пользователей из разных стран и отражаем для них ту действительность, которая их окружает. Поэтому мы начинаем вносить изменения в работу своих сервисов». Внутри компании изменения объяснялись более откровенно: «Источник, знакомый с планами компании, сообщил TJougnal, что ранее во внутреннем блоге *Яндекса*, доступном сотрудникам, появилась запись, проясняющая официальную позицию компании, — в ней тоже говорилось о планах показывать Крым для разных стран по-разному. Такое решение было принято, чтобы сохранить бизнес компании за пределами России... Запись заканчивалась ремаркой о том, что гендиректор *Яндекс.Украина* Сергей Петренко разделяет позицию украинских властей и также поддерживает такую транслокацию» [4].

Разделив российскую и украинскую действительность, *Яндекс* прежде всего удовлетворил интересы российского и украинского государств. Также он удовлетворил самого себя, сохранив пользовательскую базу и лояльность государственных регуляторов. Заплатили за это пользователи, которым была предложена картина, которую они хотели видеть, а не сведения о действительном положении вещей.

В действительности в сложившейся ситуации проигрывают все: пользователи получают искаженные сведения, интернет-компании несут издержки на создание нескольких параллельно существующих информационных систем, государства все больше изолируют себя друг от друга, отказываясь от сотрудничества в пользу информационного натурального хозяйства. С юридической точки зрения сознательное насаждение информационного сепаратизма выглядит как возврат в начало прошлого века, когда информационные права еще не были признаны и закреплены на межгосударственном уровне. Еще в 1950 году в объединенной Европе было объявлено, что государственные границы больше не должны быть препятствием к распространению информации. В 1966 году аналогичная норма появилась и на глобальном уровне в Международном пакте о гражданских и политических правах.

В соответствии с частью 1 статьи 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. В Конвенции особо подчеркивается трансграничный характер информационных прав человека, соответствующий природе информационного обмена и сущностным свойствам информации. Полагаем, что в XXI веке никем не должно оспариваться право 62 миллионов российских пользователей *Яндекса* [5] знать, что итоги референдума о статусе Крыма не признаны никем, кроме России и ее ближайших союзников. Равно неприемлемо насаждение ложного представления о возможности беспрепятственного перемещения на территорию Автономной Республики Крым среди украинской аудитории *Яндекса*. Иначе скоро реальностью станет новая холодная война, основные столкновения которой будут происходить в информационном пространстве.

Инициаторами развязывания информационного противостояния оказываются государства, поэтому не следует ожидать появления решения обозначенной проблемы в плоскости национального законодательства. Практика последних лет показывает, что российское право скорее работает на информационную изоляцию страны, как бы бессмысленно это ни было в условиях принципиально трансграничного Интернета. Национальное законодательство направлено прежде всего на защиту и продвижение интересов политической элиты, и если изоляция — единственный способ существования элиты, то закон будет обеспечивать информационную закрытость государства.

В то же время право на доступ к информации сегодня является личным правом, не связанным с принадлежностью лица к определенному государству, действующему независимо от государственных границ. И если его реализация зависит от транснациональных технологических компаний, то они должны получить защиту от произвола государственных органов, продиктованного необходимостью искажения сведений об общеизвестных фактах. Такая защита может быть предоставлена в рамках существующей международно-правовой системы и должна быть достаточной для исключения влияния факторов национальной политики на содержание информации, предоставляемой поисковыми системами и социальными сетями. Осознание необходимости международно-правового механизма регулирования данной сферы отношений ощущается и в высказываниях политических лидеров России. В частности, нельзя не поддержать высказывание Д.А. Медведева о том, что «ни одна страна не может претендовать на роль регулятора Интернета, выработкой правил должны заниматься международные организации» [6].

Речь, конечно, не идет о пропаганде единственно верной точки зрения, одобренной всеми без исключения членами международного сообщества. В современном мире такое единство вряд ли возможно. Но уже сейчас доступ к информации может быть организован так, чтобы одновременно предо-

ставить доступ к нескольким подходам к одной проблеме [7]. Более того, различия в национальных подходах к территориальным спорам могут быть представлены весьма наглядно, чтобы гражданин имел возможность сравнить их и получить объективную информацию независимо от поисковой индивидуализации или идеологии, преобладающей в том или ином государстве.

Библиографический список

1. Personalized search for everyone. Google Official Blog. URL: <http://goo.gl/RufLs1> (дата обращения: 01.05.2016).
2. Яндекс дает персональный ответ. URL: <http://goo.gl/R0UiCu> (дата обращения: 01.05.2016).
3. Pariser Eli. The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You, Penguin Press (New York, May 2011). URL: <http://goo.gl/j29V7u> (дата обращения: 01.05.2016).
4. «Яндекс» будет по-разному показывать статус Крыма для россиян и украинцев. URL: <http://tjournal.ru/p/yandex-two-chairs> (дата обращения: 01.05.2016).
5. Google обходит «Яндекс» по популярности на всех типах устройств // Vedomosti.ru. URL: <http://goo.gl/VZHhE1> (дата обращения: 01.05.2016).
6. URL: <http://goo.gl/FfozPC> (дата обращения: 01.05.2016).
7. URL: <http://ikafedra.com/infoseparatism> (дата обращения: 01.05.2016).

References

1. *Personalized search for everyone. Google Official Blog*. Retrieved from: <http://goo.gl/RufLs1> (accessed: 01.05.2016) [in English].
2. *Yandex daet personal'nyi otvet* [Yandex gives personal answer]. Retrieved from: <http://goo.gl/R0UiCu> (accessed: 01.05.2016) [in Russian].
3. Pariser Eli. *The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You*. Penguin Press (New York, May 2011). Retrieved from: <http://goo.gl/j29V7u> (accessed 01.05.2016) [in English].
4. *«Yandex» budet po-raznomu pokazyvat' status Kryma dlia rossiian i ukraintsev* [Yandex will provide different search results about the status of Crimea for the Russians and the Ukrainians]. URL: <http://tjournal.ru/p/yandex-two-chairs> (accessed 01.05.2016) [in Russian].
5. *Google obkhodit «Yandex» po populiarnosti na vseh tipakh ustroistvakh* [Google outpaces Yandex on all types of devices]. On: *Vedomosti.ru*. Retrieved from: <http://goo.gl/VZHhE1> (accessed 01.05.2016) [in Russian].
6. Retrieved from: <http://goo.gl/FfozPC> (accessed 01.05.2016) [in Russian].
7. Retrieved from: <http://ikafedra.com/infoseparatism/> (accessed: 01.05.2016) [in Russian].

V.E. Volkov*

GLOBAL ALIENATION: INFORMATION SEPARATISM AND HUMAN RIGHTS

The article analyses the problem of implementation of information rights in modern states. The author proceeds from hypothesis that the individualization of information resources leads to the asymmetry of information and contains a potential threat to the values of social solidarity. The research of digital mapping services has led to conclusions about patterns of informing citizens in the situation of fragmentation of the internet environment and proved the hypothesis of the negative effect of personalization of internet products. Proposals for additional legal and technical measures of regulation cross-border transmission of social significant information are made. Legal measures aimed at restoring the information balance can be implemented within the framework of the existing international legal system. Also, organizational and technical measures are proposed to reduce the level of influence of national policy factors on the content of information provided by search engines and social networks.

Key words: human rights, freedom of speech, freedom of media, information separatism, legal regulation of media, information asymmetry, territory.

* Volkov Vladislav Eduardovich (volkov@ikafedra.com), Department of State and Administrative Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

УДК 343.1

*Е.И. Чердымова, М.О. Борисова, Е.С. Перемышлина, Е.И. Пешнова, А.Н. Щукина**

ГОСКОНТРОЛЬ ЗА ИНТЕРНЕТ-ТРАФИКОМ В XXI ВЕКЕ

В настоящее время Интернет является неотъемлемой частью жизни современного человека. Говорить о его значимости — весьма тривиальная практика. Но вопрос о регулировании Интернета — это большая общественная проблема, и по этой причине она так широко и горячо обсуждается во всем мире. Министерство связи и массовых коммуникаций предложило установить государственный контроль за проходящим через Россию интернет-трафиком. Согласно предложению ведомства, возможно создание системы мониторинга работы критических элементов инфраструктуры Рунета для того, чтобы госорганы могли понимать устройство российского сегмента Интернета и могли защитить его от внешних атак.

Ключевые слова: госконтроль, правовое регулирование, интернет-трафик.

Интернет — всемирная система компьютеров, локальных сетей, серверов, добровольно объединенных между собой в одну распределенную по планете сеть, служащую для обмена информацией. Данное определение смог бы сформировать любой интернет-пользователь, на базовом уровне владеющий «компьютерной грамотой».

Сегодня во Всемирной паутине легко найти информацию, недоступную и противозаконную в реальном мире. Достаточно набрать нужные слова в поисковой системе, и пользователь попадет в настоящий сад запретных плодов: картинки для педофилов, инструкции по изготовлению взрывчатки, распродажа наркотиков, нацистские лозунги. Эти тайны и многое другое открыты услугам любого, попадающего в сеть. По данным интернет-портала Vavilon, число людей, активно включенных в использование Всемирной паутины, с 1995 года к 2015 году увеличилось с 16 млн до 3,2 млрд человек (с 0,39 до 43,4 % населения планеты). К 2020 году число пользователей сети достигнет 4,1 млрд человек. Это около 60 % населения планеты. По рейтингу включенности стран Европы в использование Интернета Россия находится на первом месте: 17 % всех интернет-пользователей Европы проживают в России, второе место занимает Германия — 71,7 млн человек (11,4 % всех пользователей Европы) и на третьем месте — Великобритания, в которой Интернетом пользуются 53,3 млн человек, т. е. 9,8 % европейцев [1].

Представитель МВД Российской Федерации Д.В. Чепчугов, говоря об аспекте основной служебной деятельности правоохранительных органов, практическом аспекте борьбы с преступностью, отмечает, что несмотря на то, что Интернет считается виртуальным обществом, преступность, существующая в нем, реальна.

Практика правоохранительных органов, анализ уголовных дел показывают, что существует реальная угроза роста правонарушений, связанных с Интернетом. В первую очередь это угроза для государства, угроза его инфраструктурам. Есть конкретные примеры информационной войны или техногенного террора. Многочисленны случаи нарушения конституционных прав и интересов граждан, связанные с нарушением их права на неприкосновенность информации, на неприкосновенность частной жизни, соблюдение тайны переписки и так далее. Особую опасность представляет быстро растущая преступность в сфере электронной коммерции. С каждым годом уровень виртуальных преступлений только растет [2].

Ответственность за электронные виды преступлений, связанных с компьютерной информацией, — это новация нашего уголовного права. Она появилась впервые в новом Уголовном кодексе. Это, в частности, глава 28, защите конституционных прав граждан посвящены статьи 137, 138. Также государство видит перед собой необходимость контролировать Интернет, оно вводит цензуру и анализирует сетевой трафик. Первый шаг на этом пути сделали США после терактов 11 сентября 2001 года, создав проект ТИО — Тотальная Информационная Осведомленность. Согласно данному проекту, спецслужбы Америки могли перехватывать любую информацию, передаваемую через Интернет, если та предположительно несла угрозу интернет-безопасности. Стоит ли говорить об общественном резонансе в стране — «колыбели демократии», вызываемом данной мерой. Апогеем линии правительства США

* © Чердымова Е.И., Борисова М.О., Перемышлина Е.С., Пешнова Е.И., Щукина А.Н., 2017

Чердымова Елена Ивановна (cheiv77@mail.ru), Борисова Мария Олеговна (Youffiyou@yandex.ru), Перемышлина Екатерина Сергеевна (perem.katya@mail.ru), Пешнова Елизавета Игоревна (liza.peshnova@yandex.ru), Щукина Анастасия Николаевна (shhhuka@yandex.ru), кафедра социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

стало нашумевшее дело Эдварда Сноудена, о котором слышал практически каждый человек, хоть немного следящий за происходящим в мире.

В России за последние несколько лет были установлены следующие нововведения в области госконтроля за Интернетом: **14 июля 2007 года** был опубликован **Федеральный список экстремистских материалов** (составляется Министерством юстиции РФ на основании решений российских судов, введен Законом «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 года). С 2008 года российские провайдеры начали блокировать доступ к ресурсам, внесенным в этот список, хотя на тот момент правовой основы для такой блокировки еще не было. **28 июля 2012 года** Президент РФ Владимир Владимирович Путин подписал закон, вводящий понятие **внесудебной блокировки сайтов** («О внесении изменений в Федеральный закон “О защите детей от информации, причиняющей вред здоровью и развитию” и отдельные законодательные акты Российской Федерации»). В соответствии с этим законом с 1 ноября 2012 года в России действует **реестр запрещенных интернет-ресурсов**. В черный список первоначально попадали сайты, содержащие информацию о наркотиках, детскую порнографию и призывы к суициду, а также ресурсы, по которым было вынесено судебное решение о нарушении законодательства. Оператором реестра с вредоносной информацией является Роскомнадзор. Принимать решение о включении сайтов в черный список могут также МВД, Федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН) и Роспотребнадзор. **В ноябре 2013 года** Роскомнадзор, ФСКН и Роспотребнадзор разработали единый список, в котором содержались определения терминов «детская порнография», «пропаганда суицида и наркотиков в Интернете». В нем содержатся **критерии оценки информации на интернет-сайтах, запрещенной к распространению в России**. **1 августа 2013 года** в России вступил в силу так называемый **антипиратский закон** («О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях», был подписан Президентом РФ Владимиром Владимировичем Путиным 2 июля 2013 года), который ввел процедуру досудебной блокировки сайтов с нелегальными фильмами, сериалами. Такая блокировка проводится Роскомнадзором по жалобе правообладателей, заявление которых рассматривает Московский городской суд. **1 февраля 2014 года** вступил в силу закон, дающий Роскомнадзору право по запросу генпрокурора или его заместителей **без суда** вносить в черный список и **блокировать интернет-ресурсы с призывами к экстремизму и массовым беспорядкам**. **25 июля 2014 года** вступил в силу приказ Минсвязи от 16 апреля 2014 года, обязавший операторов связи до 31 марта 2015 года привести оборудование СОРМ к новым критериям функционирования, обеспечивающим **сбор более подробных и точных данных о пользователях** интернет-коммуникаций и хранение полной записи их сетевых взаимодействий за период не менее 12 часов. **1 августа 2014 года** вступил в силу так называемый **закон о блогерах** («О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей», подписан Президентом РФ Владимиром Владимировичем Путиным 5 мая 2014 года). Закон обязывает авторов интернет-ресурсов с аудиторией свыше 3 тыс. пользователей в сутки регистрироваться в Роскомнадзоре. К таким владельцам сайтов и авторам блогов применяются ограничения, установленные в России для СМИ. **15 января 2015 года** на рассмотрение Госдумы внесен пакет законопроектов с предложениями по **усилению контроля за пользователями** Интернета. Авторы предлагают внести дополнения в закон о досудебной блокировке сайтов, обязав интернет-ресурсы и хостинг-провайдеров хранить данные о пользователях в течение полугода после окончания их деятельности, а также уведомлять Роскомнадзор о «начале деятельности, предполагающей распространение информации и организацию обмена данными между пользователями сети». В работе над пакетом законопроектов участвовали ФСБ, МВД и Росфинмониторинг, причем инициатором выступили именно правоохранительные органы. Цель готовящегося закона — выявлять и пресекать террористическую, а также любую другую преступную деятельность на ранних стадиях.

С 1 мая 2015 года Роскомнадзор на основе **поправок к антипиратскому закону** («О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации», подписан Президентом РФ Владимиром Владимировичем Путиным 24 ноября 2014 года) может в досудебном порядке блокировать доступ к сайтам с нелегальными копиями книг, музыки и программ. При систематическом нарушении прав интеллектуальной собственности доступ к сайту может быть заблокирован навсегда. Эта мера применяется в том случае, если правообладатель дважды выиграет судебный процесс против одного и того же ресурса. Принимать решение о постоянной блокировке, как и прежде, имеет право Мосгорсуд. После этого Роскомнадзор в течение суток обязан уведомить оператора о решении суда, на блокировку отведено 24 часа [3].

Законопроект Минкомсвязи о госконтроле за трафиком, выдвинутый в начале 2016 года, нужен не для контроля, а для защиты Рунета в случае зарубежного воздействия, например отключения системы *DNS*, а также документ не налагает финансовых обременений или обязательств по фильтрации трафика, пояснил сотрудник одного из операторов. По его словам, «суть инициативы заключается в том, что государство намерено наблюдать за объемами маршрутизации трафика, что продиктовано экономическими соображениями и соображениями информационной и национальной безопасности» [4].

Думаете, «глаза и уши» в вашем компьютере есть только у государства? Общую картину смажет тот факт, что и простые гражданские сервисы собирают о нас информацию. Стоит использовать так называемые «инструменты разработчика» в браузерах Google или FireFox, чтобы увидеть, какой интерес представляет пользователь для целого ряда организаций.

При попытке зайти на ресурс хакер.гу лишь два запроса адресованы непосредственно сайту, все остальные из списка — сторонним организациям, собирающим информацию о ваших интересах с целью, как правило, сформировать наиболее нацеленную на ваши потребности рекламу.

Коммерческие корпорации собирают информацию о ваших интересах. США следят за своими гражданами с целью предотвратить теракты. А имеет ли правительство нашей страны отношение к данной тенденции? Россия озабочена контролем и правовым регулированием деятельности глобальной сети на своей суверенной территории. 24 июня 2016 года Госдума приняла так называемый «антитеррористический пакет», существенная часть которого посвящена Интернету. Согласно документу, операторы связи и «организаторы распространения информации» должны в течение полугода хранить вообще всю переданную информацию, то есть и записи телефонных звонков, и содержание смс-сообщений. В течение трех лет они также обязаны хранить сведения о переданных данных и помогать ФСБ в расшифровке всего трафика [2; 6]. Против нового закона выступили крупнейшие российские интернет-компании — Mail.ru и «Яндекс», а также профильные ассоциации РАЭК и РОЦИТ и даже рабочая группа «Связь и ИТ» при Правительстве России. Закон предписывает операторам связи и «организаторам распространения информации» (ими могут быть признаны любые сайты, реестр ведет Роскомнадзор) хранить все данные, переданные пользователями (см. рис.).

Рис. Отношение граждан к интернет-контролю

О.В. Рыков, представитель Правительства РФ, говоря о правовом регулировании использования сети Интернет в России, отмечает, что главное в данной ситуации — сосредоточить усилия на том, чтобы модернизировать законодательство, а также законоприменительную практику в отношении определенных областей использования Интернета именно так, чтобы они не нарушали конституционных прав граждан. Он считает, что необходим порядок регистрации доменных имен, предусматривающий пресечение попыток захвата доменных имен, совпадающих с торговыми марками. А также необходимо решить вопрос с электронной цифровой подписью. Данный закон, кстати, уже практически готов. В-третьих, по его мнению, следует внести изменения в Закон «Об информации, информатизации и защите информации». Рыков утверждает, что данный законодательный акт уже готов и находится в правительстве [6].

«Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну...» (ч. 1), «на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений», «ограничение этого права допускается только на основании судебного решения» (ч. 2). Согласно статье 24 Конституции, «сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются» (ч. 1) — так гласят правовые документы РФ. Споры о правомерности принимаемых мер продолжаются до сих пор, здесь в сознании гражданина идет борьба между потребностью в собственной безопасности и потребностью в ощущении собственной свободы [2].

На основе проведенного нами исследования, целью которого было выявление отношения пользователей к интернет-контролю, были получены следующие данные: большинство пользователей интернет-ресурсов отрицательно относится к контролю пользовательского интернет-трафика со стороны государства (74 %). Около 12 % пользователей имеют нейтральное отношение. Что касается положительного отношения к интернет-контролю, то можно сделать вывод, что лишь 14 % проявляют такое отношение. Следовательно, феномен интернет-контроля является актуальной проблемой, так как большинство пользователей относится к политике по легализации интернет-контроля со стороны государства отрицательно даже при наличии у этого закона положительных сторон.

Также были получены следующие результаты: опрошенные демонстрируют в подавляющем большинстве высокий уровень информированности о данном законе. При этом почти 20 % о данной инициативе не слышали. На наш взгляд, законы такого масштаба должны доноситься до людей в обязательном порядке, поскольку их последствия вызывают огромный резонанс: большинство населения не только не готово оплачивать издержки компаниям связи, но и готово проявлять гражданскую активность по воспрепятствованию функционированию закона. Респонденты указали следующие основные цели, которых придерживается государство, контролируя сетевой трафик пользователей: предотвращение вербовки в запрещенные террористические организации (22 %); предотвращение актов терроризма (28 %); предотвращение торговли наркотическими веществами (6 %); получение информации об общественном мнении (5 %); предотвращение акций и митингов нелегального характера (12 %); получение информации о деятельности оппозиционных партий (14 %); получение компрометирующих материалов (12 %).

Борьба с терроризмом называется одной из основных причин принятия закона, но негативная оценка нововведений и недоверие государству в его политике в сети Интернет позволяют считать, что личностные права и свободы люди ставят выше страха за безопасность и стабильность, что говорит о преобладании общечеловеческих гуманистических ценностей над попытками создать ажиотаж вокруг явлений, опирающихся на первобытный страх.

По данным газеты The Guardian, получены результаты исследований, связанных с контролем пользовательского сетевого трафика. Согласно исследованиям, неразборчивый мониторинг государства за своими гражданами способствует недоверию, конформизму и посредственности общества, указывает автор статьи, основываясь на данных многочисленных исследований. Изучение этих доказательств приводит к ясному заключению и предупреждению: сбор информации и массовая слежка представляют серьезный риск для нашего психического здоровья, производительности труда, социальной сплоченности и в конечном счете нашего будущего. Опять-таки готовы ли мы идти на жертвы ради собственной безопасности?

Еще 15 лет назад исследования показали, что слежка приводит к высокому уровню стресса, усталости и тревоги. На рабочем месте она также снижает производительность и приводит к потере чувства личного контроля у сотрудников. Правительство, которое занимается массовой слежкой, не может утверждать, что ценит благополучие и продуктивность своих граждан.

Секретные программы слежения способствуют недоверию между государством и общественностью. Исследования показали, что люди толерантны по отношению к подобным программам только в обмен на гарантии их собственной безопасности. Но приходит момент, когда становится ясно, что люди жертвуют личной свободой, а это может привести к расколу общества. А такое поведение может привести к тому, что больше половины населения перестанет доверять государству, что, в свою очередь, приведет к подрыву демократической политической системы.

Осуществляя массовую слежку за гражданами, правительство может получить ложное ощущение абсолютного контроля, при этом не учитывая, что это приводит к ослаблению государственной власти.

По данным газеты The Guardian, правительство явно недооценивает психологическое влияние на граждан подобных программ слежения. И следует заметить, что в создании и разработке этих программ мнение психологов не учитывалось [7].

В социологии существует множество теорий корреляции между общественным и личностным. Одни исследователи сводят сумму действий и мнений индивидов к общей картине социума, у других «целое» не равно его «частям». Данная дискуссия актуальна и для поднимаемого нами вопроса.

Обращаясь к оценкам международной правозащитной организации Freedom House, отметим, что Россия за последние годы представила явный тренд по усилению контроля за интернет-обществом. Также важно учитывать, что Россия находится в числе стран с частично свободным Интернетом.

К концу 2014 года Роскомнадзор внес в единый реестр запрещенных интернет-ресурсов более 45 700 онлайн-ссылок (URL). 64 % ресурсов уличены в пропаганде и распространении наркотических средств, 15 % – детской порнографии, 12 % – суицида. В реестр блогеров было внесено 317 человек, ожидали внесения 187.

Согласно опросу, проведенному «Левада-центром», более половины опрошенных граждан поддержали введение цензуры в Интернете из-за множества опасных сайтов, материалов; треть опрошенных посчитали введение цензуры в Интернете недопустимым; при этом более трети респондентов отнеслись бы спокойно, если бы Госдума приняла законы, ограничивающие доступ россиян в мировой Интернет. Отрицательный ответ на этот вопрос дали только 13 % респондентов.

Индивид, безусловно, несет урон от законодательных практик. Несет ли урон группа индивидов? Если общество сводится к набору индивидов, то очевидно, что да. Если общество – нечто большее, то здесь уже в игру вступают более обширные понятия – *государственная безопасность*, например. И результаты деятельности страны мы сможем наблюдать лишь спустя некоторое время после освидетельствования последствий. Но не будет ли слишком поздно для рефлексии? Или же мы пожалеем, что не сказали «спасибо» за необходимую нам опеку сразу? Время покажет.

Библиографический список

1. Электронный ресурс Vavilon. URL: <http://vavilon.ru/statistika-interneta/>
2. Рыков О.В., Чепчугов Д.В. О правовом регулировании использования сети Интернет в России // Информационное Общество. 2000. Вып. 4, С. 46-51.
3. Федеральный закон от 6 июля 2016 г., 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности»
4. Электронный ресурс ТАСС. URL: <http://tass.ru/info/693531>.
5. Конституция Российской Федерации. URL: <http://www.constitution.ru>.
6. Электронный ресурс «24 Мир». URL: <https://mir24.tv/news/13900589>.
7. The Guardian [Электронный ресурс]. URL: «NSA and GCHQ: the flawed psychology of government mass surveillance». URL: <https://www.theguardian.com/science/head-quarters/2013/aug/26/nsa-gchq-psychology-government-mass-surveillance>.

References

1. *Elektronnyi resurs Vavilon* [Vavilon [Electronic resource]]. Retrieved from: <http://vavilon.ru/statistika-interneta/> [in Russian].
2. Rykov O.V., Chepchugov D.V. *O pravovom regulirovanii ispol'zovaniia seti Internet v Rossii* [About legal regulation of Internet use in Russia]. *Informatsionnoe Obshchestvo* [Information Society], 2000, Issue 4, pp. 46–51 [in Russian].
3. *Federal'nyi zakon ot 6 iuliia 2016 g., 374-FZ «O vnesenii izmenenii v Federal'nyi zakon «O protivodeistvii terrorizmu» i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii v chasti ustanovleniia dopolnitel'nykh mer protivodeistviia terrorizmu i obespecheniia obshchestvennoi bezopasnosti»* [Federal Law dated July 6, 2016 374-FZ «On Amendments Being Made to the Federal Law «On Counteracting Terrorism» and certain legislative acts of the Russian Federation regarding the establishment of additional measures to counter terrorism and ensure public safety»] [in Russian].
4. *Elektronnyi resurs TASS* [TASS [Electronic resource]]. Retrieved from: <http://tass.ru/info/693531> [in Russian].
5. *Konstitutsiia Rossiiskoi Federatsii* [Constitution of the Russian Federation]. Retrieved from: <http://www.constitution.ru/> [in Russian].
6. *Elektronnyi resurs «24 Mir»* [«24 Mir» [Electronic resource]]. Retrieved from: <https://mir24.tv/news/13900589> [in Russian].
7. The Guardian [Electronic resource]: «NSA and GCHQ: the flawed psychology of government mass surveillance». Retrieved from: <https://www.theguardian.com/science/head-quarters/2013/aug/26/nsa-gchq-psychology-government-mass-surveillance> [in English].

*E.I. Cherdymova, M.O. Borisova, E.S. Peremyshlina, E.I. Peshnova, A.N. Shchukina**

STATE CONTROL OVER INTERNET TRAFFIC IN THE 21ST CENTURY

Today the Internet is an integral part of life of modern people. To talk about importance of Internet is a very trivial practice. But the question of Internet regulation is a big public issue and for this reason it's so discussed all over the world. The Ministry of Communications and Mass Media proposed to establish state control over Internet traffic passing through Russia. According to the proposal of the Ministry, it's possible to create a system for monitoring the critical elements of the RuNet infrastructure to understand the structure of the Russian Internet segment and to protect against external attacks.

Key words: state control, legal regulation, Internet traffic.

* Cherdymova Elena Ivanovna (cheiv77@mail.ru), Borisova Maria Olegovna (Youffiyou@yandex.ru), Peremyshlina Ekaterina Sergeevna (perem.katya@mail.ru), Peshnova Elizaveta Igorevna (liza.peshnova@yandex.ru), Shchukina Anastasia Nikolaevna (shhhuka@yandex.ru), Department of Sociology and Culturology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

УДК 342

*И.В. Данилина****РАЗВИТИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ «ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО (2011–2020 ГОДЫ)»**

Национальное законодательство не содержит определения понятия «электронное средство массовой информации». Информационные ресурсы сети Интернет, которые претендуют на статус электронного средства массовой информации, должны быть зарегистрированы в установленном законом порядке. Первые свидетельства о регистрации электронных СМИ были выданы Министерством по делам печати и массовым коммуникациям в 1996 г. В некоторых странах все электронные ресурсы были приравнены к СМИ: веб-сайты, чаты, блоги, интернет-магазины и электронные библиотеки. 09.05.2017 был подписан Указ Президента РФ № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». В Стратегии определено понятие информационного общества как общества, в котором информация и уровень ее применения и доступности кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни граждан. На сегодняшний день отсутствуют международно-правовые механизмы, позволяющие регулировать отношения в информационных пространствах разных государств. Национальное законодательство в недостаточной мере адаптировано к постоянно возникающим вопросам регулирования отношений в сфере информации и электронных СМИ. В статье исследуется развитие электронных СМИ в рамках реализации государственной программы.

Ключевые слова: электронное средство массовой информации, информационное общество, информационное пространство.

Основными целями развития отрасли информационных и телекоммуникационных технологий являются повышение качества жизни граждан, развитие экономической, социально-политической и культурной сфер жизни общества, а также совершенствование системы государственного управления.

Такие приоритеты определены государственной программой Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)» (далее – Программа) и сопутствующими документами. Такими документами являются Указ Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации», Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации», «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р, Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р, «Стратегия развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014 – 2020 годы и на перспективу до 2025 года», утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 1 ноября 2013 г. № 2036-р, План мероприятий «Развитие отрасли информационных

* © Данилина И.В., 2017

Данилина Ирина Викторовна (idanilina@rttv.ru), АНО «ТВ-Новости», 111020, Российская Федерация, г. Москва, ул. Боровая, 3.

технологий», утвержденный распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2013 г. № 2602-р.

Поддержка создания и распространения телерадиопрограмм и электронных средств массовой информации названа одним из основных мероприятий программы.

Ожидаемыми результатами подпрограммы «Информационная среда» являются:

- обеспечение производства и распространения телерадиопрограмм, в том числе интернет-вещание;
- оперативное доведение до населения достоверной информации о решениях органов государственной власти, актуальных событиях в стране и за рубежом; обеспечение доступа каждого жителя Российской Федерации к общероссийским общедоступным обязательным телеканалам и радиоканалам в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 24 июня 2009 г. № 715 «Об общероссийских обязательных общедоступных телеканалах и радиоканалах»;
- укрепление нравственных и патриотических принципов в общественном сознании; переход федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания» на производство программ в цифровом формате;
- увеличение доли информационной продукции, ориентированной на здоровый образ жизни, социально ответственное поведение, заинтересованность в образовании и профессиональном росте, традиционные культурные, нравственные и семейные ценности;
- обеспечение сохранности и доступности для граждан фондовых материалов аудио- и аудиовизуальной продукции на основе применения современных технологий ее обработки и хранения;
- развитие электронных средств массовой информации и повышение медиаграмотности населения.

Обеспечение производства и распространения через электронные средства массовой информации (в том числе интернет-сайты) информации, отвечающей приоритетам развития государства и общества является частью основных направлений реализации Программы.

В Законе РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» (далее – Законе о СМИ) под средством массовой информации понимается «периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием)», а под продукцией средства массовой информации «тираж или часть тиража отдельного номера периодического печатного издания, отдельный выпуск телеканала, радиоканала, радиопрограммы, телепрограммы, кинохроникальной программы, тираж или часть тиража аудио- или видеозаписи программы, отдельный выпуск либо обновление сетевого издания, отдельный выпуск иного средства массовой информации» (ст. 2).

Национальное законодательство не дает определения понятия «электронное средство массовой информации». При этом в Законе о СМИ содержится понятие сетевого издания: «под сетевым изданием понимается сайт в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”, зарегистрированный в качестве средства массовой информации в соответствии с настоящим Законом» (п. 1 ст. 1). Таким образом, планируемые к вещанию средства массовой информации должны быть зарегистрированы в форме распространения «телеканал» или «радиоканал» [1].

Информационные ресурсы сети Интернет, которые претендуют на статус электронного средства массовой информации, должны быть зарегистрированы в установленном законом порядке. «Сайт в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”, не зарегистрированный в качестве средства массовой информации, средством массовой информации не является» (ст. 8 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации»).

Целью создания электронного средства массовой информации является максимальное раскрытие и доступность для зрителя или читателя информации в любом виде.

К электронным изданиям относятся телевидение, радио, интернет-издания и другие СМИ которые имеют постоянное название и выходят в свет не реже одного раза в год и зарегистрированы должным образом. Регистрации подлежат электронные СМИ, которые могут распространяться в электронной форме, например: телеканал (телепрограмма), радио (радиопрограмма), видео (видеопрограмма), интернет-сайт. Особенностью электронных СМИ является то, что они не могут иметь ни тиража, ни объема издания.

Для регистрации электронного СМИ необходимо определиться с его будущим названием, объемом рекламы и учредителем (физическое или юридическое лицо). От этого зависит перечень документов, которые подаются в Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Этот орган исполнительной власти обязан в течение 30 рабочих дней рассмотреть представленные документы и выдать свидетельство о регистрации электронного СМИ, после чего учредитель может приступить к работе.

Первые свидетельства о регистрации электронных СМИ были выданы Министерством по делам печати и массовым коммуникациям в 1996 г. При этом в графе «тип издания» была надпись «иное», то есть данное СМИ не относилось ни к печатному изданию, ни к радиостанции, ни к телеканалу. Таким образом, правовой режим электронного СМИ оставался неопределенным.

В 2000 г. председатель Центризбиркома А.А. Вешняков заявил: «В ходе предстоящей кампании по выборам Президента РФ Интернет будет рассматриваться Центризбиркомом как средство массовой

информации». По прошествии нескольких месяцев, 23 марта 2000 г., Центризбирком обозначает свою официальную позицию в ответе ЦИК на запрос от Фонда эффективной политики: существование «сайтов, размещенных в глобальной компьютерной сети Интернет, которые не являются средствами массовой информации в смысле Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации», подтверждается». На парламентских слушаниях «О правовом регулировании использования сети Интернет в Российской Федерации» в Москве, однако, в ситуацию с определением статуса СМИ в Интернете снова вносится неясность. Заместитель министра печати А. Романченко усомнился в существовании в российском сегменте Интернета сайтов, которые могли бы не рассматриваться как СМИ с точки зрения государственного лицензирования [2].

Стоит отметить, что, например, в Казахстане все электронные ресурсы были приравнены к СМИ: веб-сайты, чаты, блоги, интернет-магазины и электронные библиотеки (п. 2 ст. 1 Закона Республики Казахстан «О средствах массовой информации»). На них распространялась уголовная, гражданская и административная ответственность, которую несли учредители традиционных изданий. Зарубежные электронные ресурсы подлежали блокировке, если их содержание противоречило законодательству Казахстана. Еще на стадии рассмотрения в парламенте проект вызвал резкую критику журналистского сообщества.

Закон Республики Казахстан «Об информатизации» определяет интернет-ресурс как электронный информационный ресурс, технологию его ведения и (или) использования, функционирующие в открытой информационно-коммуникационной сети, а также организационную структуру, обеспечивающую информационное взаимодействие (п. 46 ст. 1).

Таким образом, закон приравнивает электронные ресурсы к другим СМИ. Это означает, что на них распространяются общие требования к СМИ, например, такие как:

- соблюдение авторских прав;
- нераспространение сведений, порочащих честь и достоинство, а также не соответствующих действительности;
- ответственность за нарушения в виде приостановления или прекращения выпуска и распространения продукции СМИ.

Пояснения к этой ситуации содержались в письме Министерства информации и коммуникаций Республики Казахстан от 15 июля 2016 года № 03-14/Зт-л-73, где пояснялось: «К СМИ относятся не все интернет-ресурсы, а только те, где собственник принял решение об отнесении своего интернет-ресурса к СМИ в качестве сетевого издания».

С развитием практики получения регистрационных свидетельств электронных СМИ обозначение «иное» заменяется на «электронное издание». По общему правилу интернет-сайт не является средством массовой информации, но в то же время закон не запрещает и не ограничивает возможность добровольной регистрации интернет-сайта как средства массовой информации по заявлению его владельца. Такой вывод можно сделать на основании юридического заключения, данного Кафедрой ЮНЕСКО.

09.05.2017 был подписан Указ Президента РФ № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» (далее – Стратегия). В ней определены цели, задачи и меры по реализации внутренней и внешней политики Российской Федерации в сфере применения информационных и коммуникационных технологий, направленные на развитие информационного общества, формирование национальной цифровой экономики, обеспечение национальных интересов и реализацию стратегических национальных приоритетов.

Принципами Стратегии являются: обеспечение прав граждан на доступ к информации, обеспечение свободы выбора средств получения знаний при работе с информацией, сохранение традиционных и привычных для граждан (отличных от цифровых) форм получения товаров и услуг, приоритет традиционных российских духовно-нравственных ценностей и соблюдение основанных на этих ценностях норм поведения при использовании информационных и коммуникационных технологий, обеспечение законности и разумной достаточности при сборе, накоплении и распространении информации о гражданах и организациях, обеспечение государственной защиты интересов российских граждан в информационной сфере.

В Стратегии определено понятие информационного общества как общества, в котором информация и уровень ее применения и доступности кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни граждан. Под информационным пространством понимается совокупность информационных ресурсов, созданных субъектами информационной сферы, средств взаимодействия таких субъектов, их информационных систем и необходимой информационной инфраструктуры.

Электронные средства массовой информации, информационные системы, социальные сети, доступ к которым осуществляется с использованием сети Интернет, стали частью повседневной жизни россиян, что влияет на роль России в современном информационном обществе. Согласно Стратегии, пользователями российского сегмента сети Интернет в 2016 году стали более 80 млн человек. Также российское информационное общество характеризуется широким распространением беспроводных технологий, сетей связи, доступностью мобильных устройств. В среднем на одного россиянина приходится два абонентских номера мобильной связи.

В настоящее время в России создана и продолжает развиваться система предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме, к которой уже подключилось более 34 млн россиян. Информационные и коммуникационные технологии стали частью современных управленчес-

ких систем во всех отраслях экономики, сферах государственного управления, обороны страны, безопасности государства и обеспечения правопорядка. Граждане имеют возможность направить в электронной форме индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления. Объем реализации товаров и услуг россиянам с использованием сети Интернет в 2015 году достиг эквивалента 2,3 % валового внутреннего продукта и имеет тенденцию к росту.

Широкому распространению электронных СМИ является всеобщая доступность сети Интернет независимо от удаленности и численности населенного пункта. Согласно Стратегии, в России с 2014 года осуществляется подключение населенных пунктов с населением от 250 до 500 человек к сети Интернет, в результате чего 5 млн граждан России, проживающих почти в 14 тыс. таких малонаселенных пунктов, получают доступ к сети Интернет.

Интеграция в международное информационное общество невозможна без развития информационных и коммуникационных технологий. Одновременно с задачей обеспечения всеобщего доступа к источникам информации с использованием сети Интернет (телеканалам, радиоканалам, другим электронным СМИ и т. д.) стоит задача создания отечественных аналогов современных технологий, поскольку в настоящий момент информационные и коммуникационные технологии основаны на зарубежных разработках.

В Стратегии подчеркивается, что смещение акцентов в восприятии окружающего мира, особенно в сети Интернет, с научного, образовательного и культурного на развлекательно-справочный сформировало новую модель восприятия — так называемое клиповое мышление, характерной особенностью которого является массовое поверхностное восприятие информации. Такая форма освоения информации упрощает влияние на взгляды и предпочтения людей, способствует формированию навязанных моделей поведения, что дает преимущество в достижении экономических и политических целей тем государствам и организациям, которым принадлежат технологии распространения информации.

Проблема заключается в том, что отсутствуют международно-правовые механизмы, позволяющие регулировать отношения в информационных пространствах разных государств. Зачастую национальное законодательство в недостаточной мере адаптировано к постоянно возникающим вопросам регулирования отношений в сфере информации и электронных СМИ. Еще одной проблемой является неопределенность правового режима электронных СМИ, а также средств обеспечения доступа к информации, которые по многим признакам могут быть отнесены к средствам массовой информации, но законодательно не отнесены к таковым (мобильное телевидение, новостные агрегаторы, социальные сети и т. д.).

Следует отметить, что, несмотря на существующие проблемы, сделан очередной шаг на пути к совершенствованию законодательства, регулирующего взаимоотношения участников в данной сфере [3]. Разработка норм международно-правового регулирования, касающиеся безопасного и устойчивого функционирования и развития сети Интернет, включающих вопросы юрисдикции и определения субъектов правоотношений, на основе равноправного участия членов мирового сообщества с учетом уникальности данной сферы является одной из приоритетных задач Стратегии. Предлагается создание новых механизмов партнерства с участием всех институтов общества с целью выработки системы доверия в сети Интернет, которая будет способна обеспечить конфиденциальность и личную безопасность пользователей, их информации и исключаящую анонимность, безответственность пользователей и безнаказанность правонарушителей в сети Интернет.

В контексте Программы и Стратегии важно координировать международную законодательную деятельность в целях обеспечения максимальной гармонизации правовых норм, обеспечивающих регулирование в сфере информации и электронных СМИ, осуществить интеграцию российских стандартов в сфере информационных и коммуникационных технологий в соответствующие международные стандарты, а также обеспечить гармонизацию межгосударственной и национальной систем стандартов в данной сфере.

Библиографический список

1. Данилина И.В. Средства массовой информации: изменения в законодательстве // *Цивилист*. 2012. № 1.
2. Сюндыуков Н.К. Интернет-СМИ и особенности их функционирования // *Управленческое консультирование*. 2014. № 12 (72). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/internet-smi-i-osobennosti-ih-funktsionirovaniya>.
3. Данилина И.В. Media: changes in legislation // *Civil lawyer*. 2012. № 1.

References

1. Danilina I.V. *Sredstva massovoi informatsii: izmeneniia v zakonodatel'stve* [Mass media: changes in legislation]. *Tsivilist* [Civil Lawyer], 2012, no. 1, p. 18 [in Russian].
2. Syundyukov N.K. *Internet-SMI i osobennosti ikh funktsionirovaniia* [Internet media and features of their functioning]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Management Consulting], 2014, no. 12(72). Retrieved from: <http://cyberleninka.ru/article/n/internet-smi-i-osobennosti-ih-funktsionirovaniya> [in Russian].
3. Danilina I.V. Media: changes in legislation. *Civil lawyer*, 2012, no. 1, p. 20 [in English].

*I.V. Danilina****DEVELOPMENT OF ELECTRONIC MEDIA WITHIN THE FRAMEWORK OF IMPLEMENTATION OF THE STATE PROGRAM «INFORMATION SOCIETY (FOR THE YEARS 2011–2020)»**

In the national legislation, there is no definition for the concept of ‘electronic media.’ Informational resources from the internet network that claim to be electronic media must be registered under the established lawful order. The first certificates regarding the registration of electronic media were issued by the Ministry of Press Affairs and mass communication in 1996. In some countries, all the electronic resources were equal to mass media: websites, chats, blogs, internet shops and digital libraries. May 9th, 2017 the President of the Russian Federation signed a decree No 203 regarding the “development strategy of the information society in Russia for the years 2017 to 2030.” In that strategy the concept of information society is defined as a society where the information and the level of its usage and accessibility, affect the economic and sociocultural living conditions of Russian citizens in a drastic manner. As of today, there is a lack of international legal mechanisms that allow for regulation in the information fields of different states. The national legislation is insufficiently adapted to the constantly emerging issues of regulation of the relations in the sphere of electronic media and information.

Key words: electronic media, information society, information field.

* *Danilina Irina Viktorovna* (idanilina@rttv.ru), Autonomous Nonprofit Orgazation «TV–Novosti» (ANO «TV–Novosti»), 3, Borovaya Street, Moscow, 111020, Russian Federation.

УДК 340, 347

В.В. Долинская*

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО, ИНФОРМАЦИОННЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ПРАВО

Раскрыты понятия «информация», «информационное общество», «информационные отношения». Предложена классификация последних. Освещены источники правового регулирования и принципы информационных отношений.

Определено место права на информацию в системе конституционных прав и свобод человека и гражданина в соответствии со сложившимся в международном сообществе пониманием развития информационного общества.

Рассмотрено взаимодействие информационных отношений и информационных технологий на примере законодательства об актах гражданского состояния и государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (применительно к определению статуса субъекта); государственной регистрации недвижимости, деятельности по ведению реестра эмиссионных ценных бумаг, реестра владельцев ценных бумаг (применительно к квалификации объекта прав и учету этих прав на него); раскрытия информации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, ГИС ЖКХ, расчетов с использованием электронных средств платежа, Единой информационной системы нотариата, электронного документооборота (применительно к информационному обеспечению деятельности).

Выявлены проблемы информатизации и информационных технологий.

Ключевые слова: информация, информационное общество, информационные отношения, доступ к информации.

Со 2-й половины 1960-х гг. в научный и политический оборот вошло понятие «информационное общество».

Впервые его четкие характеристики были определены в докладах японскому правительству, сделанных Институтом разработки использования компьютеров, Агентством экономического планирования и Советом по структуре промышленности («Японское информационное общество: темы и подходы» (1969), «Контуры политики содействия информатизации японского общества» (1969), «План информационного общества» (1971) [1, с. 30–35] и др.): общество, в котором развитие компьютерных технологий сможет обеспечить его гражданам доступ к надежным источникам информации, высокий уровень автоматизации производства и тем самым избавит их от рутинной работы.

Дальнейшее развитие концепции глобального информационного общества связано с выходом в 1973 г. книги американского социолога Д. Белла «Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования» [2].

Концепция постиндустриального информационного общества в качестве социально-философской теории подробно и содержательно разработана рядом западных социологов (Д. Белл, З. Бжезинский, Дж. Гелбрейт, И. Масуде, Дж. Мартин, Ф. Полак, О. Тоффлер, Ж. Фрастье и др.), отечественных ученых (Г.Т. Артамонов, В.М. Глушков, К.К. Колин, Н.Н. Моисеев, А.И. Ракилов, А.В. Соколов, А.Д. Урсул и др.).

Сегодня выделяют следующие основные характеристики информационного общества:

- наличие соответствующей информационной инфраструктуры, состоящей из информационных и телекоммуникационных сетей и распределенных в них информационных ресурсов;
- массовое применение персональных компьютеров и широкое распространение вычислительной техники;
- наличие новых видов и форм деятельности в информационном пространстве;
- качественное изменение работы СМИ, интеграция ее с различными информационными системами, создание единой среды распространения массовой информации;
- соответствующие изменения национального законодательства стран и формирование нового международного информационного права, учитывающего современные информационные реалии (прежде всего, существование и развитие сети Интернет).

* © Долинская В.В., 2017

Долинская Владимира Владимировна (civil-VVD@yandex.ru), кафедра гражданского права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 125993, Российская Федерация, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9.

Этот период требует объективной оценки позитивных и негативных последствий тотальной информатизации и четкого регулирования (в т. ч. правового) информационных отношений в гражданском обороте.

Мы обнаруживаем его источники на международном, наднациональном и национальном уровнях.

Так, стороны Окинавской хартии глобального информационного общества, принятой на совещании «стран восьмерки» 22.07.2000, подтверждают приверженность принципу участия людей во всемирном информационном процессе (ликвидации международного разрыва в области информации и знаний (цифрового разрыва): все люди повсеместно, без исключения должны иметь возможность пользоваться преимуществами глобального информационного общества. Устойчивость последнего основывается на стимулирующих развитии человека демократических ценностях, таких как свободный обмен информацией и знаниями, взаимная терпимость и уважение к особенностям других людей. Также Хартия провозглашает принципы содействия развитию конкуренции в телекоммуникационной сфере, защиты прав интеллектуальной собственности на информационные технологии, развития трансграничной электронной торговли в контексте ВТО, механизма защиты частной жизни потребителя, электронной идентификации, электронной подписи, криптографии и других средств обеспечения безопасности и достоверности операций.

В рамках Содружества Независимых Государств заключено Соглашение об обмене экономической информацией от 26.06.1992, Соглашение о межгосударственном обмене научно-технической информацией от 26.06.1992, Соглашение об обмене правовой информацией от 21.10.1994 и др.

Кроме того, нашей страной заключен ряд двухсторонних международных договоров, например соглашения о сотрудничестве в области информации и вычислительной техники с Правительством Французской Республики от 15.02.1996, Правительством Республики Беларусь от 27.02.1996 и др.

В Российской Федерации базовым законом и в сфере информационных отношений является Конституция РФ. Реализация основных прав и свобод граждан в информационной сфере основывается на принципе свободы информации, закрепленном в Конституции РФ (согласно ч. 4 ст. 29, каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом). Основным объектом правоотношений здесь выступает право на информацию.

Оно занимает особое место в системе конституционных прав и свобод человека и гражданина, т. к. может быть отнесено и к личным правам (ст. 23 Конституции закрепляет право на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны, в т. ч. право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений), и к социально-экономическим (ст. 35 Конституции закрепляет право частной собственности, в т. ч. на информацию, ст. 24 — право на благоприятную окружающую среду и достоверную информация о ее состоянии), и к политическим (ч. 5 ст. 29 закрепляет свободу массовой информации).

Исходя из ст. 17 Конституции РФ, право на информацию характеризуется неотчуждаемостью и принадлежностью каждому от рождения (естественное право).

Это соответствует сложившемуся в международном сообществе пониманию развития информационного общества. Так, например, в докладе Генеральной ассамблеи ООН от 16.05.2011 доступ к информационно-телекоммуникационной сети Интернет отнесен к базовым (или неотъемлемым) правам человека, ограничение доступа к информационно-телекоммуникационной сети Интернет и распространения информации признано нарушением базовых прав человека.

Среди основных информационных прав и свобод человека и гражданина, получивших в России конституционное закрепление, выделяют также: право на свободу мысли и слова (ч. 1 ст. 29), право на свободу выражения своих мнений и убеждений (ч. 3 ст. 29), свободу всех видов творчества (ч. 1 ст. 44), право на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48), свободу преподавания (ч. 1 ст. 44), право на доступ к культурным ценностям (ч. 2 ст. 44) и др. В статье 51 Конституции РФ закреплено, что никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников и др.

Основным источником является Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее — ФЗ об информации).

В его ст. 2 дано определение информации: *«сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления»* (ср. со ст. 2 действовавшего ранее Федерального закона от 20.02.1995 № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации»: *«информация — сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления»*). С учетом социального аспекта можно добавить: *в форме, понятной для восприятия людьми*. Такое определение позволяет исключить программы для ЭВМ, которые закон относит к средствам оснащения ЭВМ, в т. ч. ПК. В статье 5 ФЗ об информации указано, что она может являться объектом публичных, гражданских и иных правовых отношений. ФЗ об информации раскрывает отдельные виды информационных отношений, организационные формы предоставления и распространения информации.

ФЗ об информации регулирует отношения, возникающие при: 1) осуществлении права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации; 2) применении информационных технологий (ст. 2 — процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов); 3) обеспечении защиты информации (ст. 1).

Среди многочисленных программных документов наиболее значимы: Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ от 05.12.2016 № 646, Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, утв. Указом Президента РФ от 09.05.2017 № 203, Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)», утв. Постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 № 313.

Согласно п. 8 Доктрины информационной безопасности РФ, в число национальных интересов в информационной сфере входят: а) обеспечение и защита конституционных прав и свобод человека и гражданина в части, касающейся получения и использования информации, неприкосновенности частной жизни при использовании информационных технологий, обеспечение информационной поддержки демократических институтов, механизмов взаимодействия государства и гражданского общества, а также применение информационных технологий в интересах сохранения культурных, исторических и духовно-нравственных ценностей многонационального народа Российской Федерации; б) обеспечение устойчивого и бесперебойного функционирования информационной инфраструктуры.

Они нашли отражение в основных принципах Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.: обеспечение прав граждан на доступ к информации; обеспечение свободы выбора средств получения знаний при работе с информацией; обеспечение государственной защиты интересов российских граждан в информационной сфере и др.

Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)» включает в себя 4 подпрограммы (Информационно-телекоммуникационная инфраструктура информационного общества и услуги, оказываемые на ее основе; Информационная среда; Безопасность в информационном обществе; Информационное государство) и 1 ФЦП (Развитие телерадиовещания в Российской Федерации на 2009–2018 гг.). Целями Программы провозглашены повышение качества жизни и работы граждан, развитие экономического потенциала страны на основе использования информационных и телекоммуникационных технологий. Они реализуются в таких задачах, как: обеспечение качественными и доступными услугами связи, в т. ч. услугами по предоставлению доступа к информационно-телекоммуникационной сети Интернет; развитие информационной среды и обеспечение равного доступа граждан к медиасреде; предупреждение угроз, возникающих в информационном обществе; обеспечение предоставления гражданам и организациям государственных, муниципальных и социально значимых услуг (функций) в электронном виде.

Сопоставим их с т. н. информационными отношениями.

В гражданском обороте относительно четко выделяются отношения, объектом которых является информация, и отношения, где действия с информацией выступают как служебные по сравнению с основными.

Первая группа подпадает под действие ч. 4 ГК: Раздел VII «Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации».

Вторая весьма разнообразна. Мы выделили бы в ней:

- информационные отношения по определению статуса субъекта (его идентификации) и реализации его прав;
- отношения по квалификации объекта прав и учету этих прав на него;
- информационное обеспечение деятельности – сделок, решений и т. п. (в частности, служебные информационные отношения в сфере договорного права и служебные информационные отношения в сфере ответственности).

Применительно к определению статуса субъекта новеллами являются перевод, согласно Постановлению Правительства РФ от 03.03.2017 № 254, до конца 2019 г. книг государственной регистрации актов гражданского состояния (актовых книг) в электронную форму.

Напомним, что гражданин приобретает и осуществляет права и обязанности под своим именем (п. 1 ст. 19 ГК), которое подлежит регистрации в порядке, установленном для регистрации актов гражданского состояния (п. 3 ст. 19 ГК, Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния»).

Запись акта гражданского состояния, конвертированная (преобразованная) в форму электронного документа, хранится в информационной системе уполномоченного органа власти субъекта Федерации или администрации г. Байконура. В случае утери, порчи или невозможности прочтения первого экземпляра записи акта гражданского состояния в электронную форму переводится второй экземпляр такой записи с указанием данного факта в электронном документе.

Согласно изменениям, внесенным Федеральным законом от 30.10.2017 № 312-ФЗ, с апреля 2018 г. документы, связанные с государственной регистрацией юридических лиц (далее – ЮЛ) и индивидуальных предпринимателей (далее – ИП), по общему правилу регистрирующий орган будет направлять в форме электронных документов, подписанных усиленной квалифицированной электронной подписью, по включенному в ЕГРЮЛ или ЕГРИП адресу электронной почты ЮЛ или ИП и по адресу электронной почты, указанному заявителем при представлении документов на регистрацию (а также в МФЦ или нотариусу, если необходимые для государственной регистрации документы направлялись через них).

При этом заявителю (его представителю) могут быть выданы составленные на бумажных носителях документы, подтверждающие содержание электронных документов, связанных с государственной регистрацией, но лишь по его запросу.

Аналогичные правила предусмотрены и для направления решений о приостановлении государственной регистрации либо об отказе в государственной регистрации.

Занятие отдельными видами деятельности, участие в определенных организациях влечет за собой сбор, фиксацию, раскрытие и предоставление информации об этом. Например, государственная регистрация ИП (ст. 23 ГК, Федеральный закон «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»), лицензирование (Федеральный закон от 08.08.2001 № 128-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»), участие в саморегулируемых организациях (Федеральный закон от 01.12.2007 № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях») и т. д.

Министерство юстиции РФ обеспечивает работы таких федеральных государственных информационных систем как «Учет адвокатов Российской Федерации и адвокатов иностранных государств, осуществляющих адвокатскую деятельность на территории Российской Федерации» (ФГИС «Учет адвокатов») и «Учет государственных нотариальных контор и контор нотариусов, занимающихся частной практикой» (ФГИС «Учет нотариальных контор»).

Представляется, что их актуальность повысится в связи с внесением в ГК изменений о т. н. «самозанятых» — на самом деле об ИП, не требующих государственной регистрации.

Гражданский оборот ряда объектов требует подтверждения их существования и учета прав на них.

Первое место среди таких объектов занимает недвижимость. Согласно п. 3 ст. 7 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», реестры Единого государственного реестра недвижимости, кадастровые карты и книги учета документов ведутся в электронной форме. Реестровые дела хранятся в электронной форме и (или) на бумажном носителе.

Постановлением Правительства РФ от 22.12.2016 № 1444 продлена до 2020 г. ФЦП «Развитие единой государственной системы регистрации прав и кадастрового учета недвижимости». В паспорт программы внесены поправки, учитывающие создание Единого государственного реестра недвижимости.

Второе место мы отведем ценным бумагам. Согласно п. 4.1. Положения Банка России «О требованиях к осуществлению деятельности по ведению реестра владельцев ценных бумаг» (утв. Банком России 27.12.2016 № 572-П), записи по лицевым счетам (иным счетам), записи в учетных регистрах, записи в регистрационном журнале, записи в системе учета документов — учетные записи — должны содержаться и храниться в электронных базах данных.

Согласно Указанию Банка России от 05.10.2017 № 4146-У, скорректирован порядок ведения реестра эмиссионных ценных бумаг. Это обусловлено созданием нового программного продукта, обеспечивающего ведение реестра Департаментом допуска на финансовый рынок и территориальными учреждениями, осуществляющими государственную регистрацию выпусков ценных бумаг эмитентов, не являющихся кредитными организациями. Уточнены перечень информации, содержащейся в реестре, правила внесения записей в реестр, порядок предоставления доступа к сведениям реестра. Любое заинтересованное лицо может получить выписку из реестра в электронном виде через специальный ресурс, размещенный на официальном сайте ЦБ РФ.

По разбросу в правовых актах близко к предыдущему вопросу информационное обеспечение деятельности.

Все большее число видов деятельности обязательным условием содержит раскрытие информации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (например, ст. 3.1 Федерального закона от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации», ч. 13 ст. 44 Федерального закона от 29.12.2015 № 382 «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», Положение о раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг, утв. Банком России 30.12.2014 № 454-П).

Здесь возникают свои вопросы. Например, как соотносятся сайт НКО и «официальный сайт» постоянно действующего арбитражного учреждения (далее — ПДАУ)? Ориентируясь на терминологию ФЗ об информации (особенно пп.13 и 17 ст. 2) хотелось бы понять, как подразделение НКО (а очевидно, именно оно выступит владельцем сайта) будет «самостоятельно и по своему усмотрению», т. е. вне зависимости от НКО, определять порядок использования сайта в сети Интернет.

При обращении по аналогии к Положению по созданию и сопровождению официальных интернет-сайтов судов общей юрисдикции Российской Федерации, утв. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 24.11.2004, обнаруживаем, что «контроль за работой интернет-сайта возлагается на председателя суда или его заместителя» (ч. 1 п. 3). Но ТС не является постоянно действующим образованием. Кто тогда должен осуществлять эти функции — руководитель НКО (его заместитель) или руководитель ПДАУ? «Непосредственное руководство разработкой и сопровождением интернет-сайта обеспечивает начальник отдела правовой информатизации или администратор суда. // В целях обеспечения информационного наполнения интернет-сайта приказом председателя суда создается редакционная коллегия и назначается лицо, ответственное за подготовку и обновление информации, размеща-

емой на интернет-сайте...» (ч. 2, 3 п. 3). Редакционная коллегия, если таковая будет в ПДАУ, может создаваться только из сотрудников подразделения? любых сотрудников НКО? третьих лиц?

Взаимодействию услугодателей и потребителей посвящен Федеральный закон от 21.07.2014 № 209-ФЗ «О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства». Согласно его ст. 6, в ГИС должна размещаться информация в т. ч. о нормативах потребления коммунальных услуг, минимальном взносе на капремонт (и конкретном размере взноса для каждого дома), объеме услуг и работ по управлению домом (с приложением расчета их стоимости и скан-копий договоров с исполнителями), ценах и тарифах на коммунальные ресурсы и т. д.

Однако, по сведениям Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ и Министерства связи и массовых коммуникаций РФ, были выявлены проблемы ГИС, а участники рынка оказались не готовы к работе с таким объемом информации и к регулярному взаимодействию с федеральными информационными ресурсами.

В результате обязанность поставщиков информации по размещению информации в ГИС ЖКХ, срок, с начала течения которого платежный документ считается не представленным потребителю ЖКУ, в случае, если информация о размере платы, подлежащей внесению потребителем, не размещена в ГИС ЖКХ или размещенная информация не соответствует платежному документу на бумажном носителе, срок наступления административной ответственности для поставщиков информации за неразмещение или размещение не в полном объеме информации в ГИС ЖКХ были перенесены на более поздние даты (в среднем — на 1–2 года). До 31.12.2017 (до 30.06.2019 — в городах федерального значения) лицензионным требованием является соблюдение управляющими организациями требования ЖК РФ о размещении информации о деятельности в соответствии с требованиями стандарта раскрытия информации, в т. ч. на сайте www.reformagkh.ru. С 01.01.2018 (в городах федерального значения — с 01.07.2019) лицензионным требованием будет являться размещение информации о деятельности управляющей организации в ГИС ЖКХ (Письмо Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ от 13.01.2017 № 570-АЧ/04).

Применительно к расчетным отношениям в Письме Департамента налоговой и таможенной политики Минфина России от 14.12.2016 № 03-01-15/74923 разъяснено, что при совершении расчетов с использованием электронных средств платежа, исключающих возможность непосредственного взаимодействия покупателя (клиента) с пользователем или уполномоченным им лицом, и применением устройств, подключенных к Интернету и обеспечивающих возможность дистанционного взаимодействия покупателя (клиента) с пользователем или уполномоченным им лицом, требуется обеспечить передачу кассового чека или бланка строгой отчетности в электронной форме на абонентский номер либо адрес электронной почты, указанные покупателем (клиентом) до совершения расчетов. При этом кассовый чек или бланк строгой отчетности на бумажном носителе пользователем не печатается.

Федеральный закон от 01.05.2017 № 88-ФЗ «О внесении изменений в статью 16.1 Закона Российской Федерации “О защите прав потребителей” и Федеральный закон “О национальной платежной системе”» установил обязанность банков использовать только национальные платежные инструменты при осуществлении операций по счетам физлиц, получающих денежные выплаты из бюджета РФ или государственных внебюджетных фондов, а также обязанности лиц, получающих такие выплаты, и продавцов по использованию карт «Мир».

С 01.07.2014 функционирует Единая информационная система нотариата, которая выступает основой электронного нотариата. В ней ведутся электронные реестры по открытым наследственным делам и уведомлениям о залоге движимого имущества. С 01.01.2018 будет осуществлен переход на полную электронную регистрацию всех нотариальных действий.

На сайте <http://reestr-dover.ru> размещаются сведения обо всех совершенных в нотариальной форме доверенностях. Однако по состоянию на август 2017 г. в Москве ответ на запрос нотариуса о них поступал в среднем в течение 5–10 дней.

В конце 2015 г. нотариусы получили право совершать нотариальные действия и путем изготовления электронных нотариальных документов (ч. 1 ст. 44.2 Основ законодательства РФ о нотариате от 11.11.1993 № 4462-I). Граждане и юридические лица могут оформить у нотариуса не только бумажные, но и равнозначные им по юридической силе электронные документы, например электронную доверенность, или заверить договор, заключенный в электронном виде. Эта услуга может пригодиться, когда нужно срочно представить заверенный нотариусом документ в другой город. По словам руководителя пресс-службы Федеральной нотариальной палаты Георгия Краснова, в 2016 г. равнозначность бумажных документов электронным была удостоверена нотариусами более 188 тыс. раз, более 92 тыс. раз — электронных документов документам в бумажной форме.

Удостоверение равнозначности электронного документа бумажному носителю означает подтверждение тождественности содержания изготовленного нотариусом электронного документа содержанию документа, представленного нотариусу на бумажном носителе (ст. 103.8 Основ законодательства о нотариате). При этом для получения удостоверенного в электронном виде документа, гражданин обязан подписать его в присутствии нотариуса усиленной квалифицированной электронной подписью, которая должна быть проверена нотариусом (ч. 2 ст. 44.2 Основ законодательства о нотариате, ст. 11 Федерального закона от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи»). Вместе с тем пока невозмож-

но предъявить отсканированный документ, к примеру, сотруднику органа власти, у которого отсутствует цифровая подпись, даже если документ был удостоверен нотариусом, т. к. без цифровой подписи получатель не сможет проверить действительность предъявляемого электронного документа.

С 01.07.2017 в Единой информационной системе нотариата начал функционировать реестр списков участников обществ с ограниченной ответственностью. Это связано с тем, что с указанной даты общее собрание участников ООО вправе передать ведение и хранение списка участников общества Федеральной нотариальной палате.

По просьбе общества, а также участника такого ООО нотариус будет выдавать выписки из этого реестра. Выписка может быть выдана в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью нотариуса

С 01.07.2017 вступили в силу поправки в Закон об ОСАГО. В связи с этим заново установлены требования к использованию электронных документов и порядок обмена информацией в электронной форме (Указание Банка России от 14.11.2016 № 4190-У).

Федеральный закон от 23.06.2016 г. № 220-ФЗ ввел правила электронного документооборота в деятельность органов судебной власти (в Верховном суде РФ, в арбитражных судах и судах общей юрисдикции). Порядок подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, утв. приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 № 251.

Большое внимание в последнее время стало уделяться информационному обеспечению деятельности органов различных ветвей власти. Основные акты в этой сфере: Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»; Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»; Постановление Правительства РФ от 25.12.2009 № 1088 «О государственной автоматизированной информационной системе “Управление”»; Постановление Правительства РФ от 24.11.2009 № 953 «Об обеспечении доступа к информации о деятельности Правительства Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти»; Постановление Правительства РФ от 24.10.2011 № 861 «О федеральных государственных информационных системах, обеспечивающих предоставление в электронной форме государственных и муниципальных услуг (осуществление функций)»; Закон г. Москвы от 31.03.2004 № 20 «О гарантиях доступности информации о деятельности органов государственной власти города Москвы».

Значительную роль в таком обеспечении играют средства массовой информации (Федеральный закон от 13.01.1995 № 7-ФЗ «О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации»; Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации»).

Одним из приоритетов Стратегии инновационного развития РФ на период до 2020 г. является максимально широкое внедрение в деятельность органов государственного управления современных инновационных технологий, обеспечивающих в т. ч. формирование электронного правительства и перевод в электронную форму большинства услуг, оказываемых населению.

Как видим, постепенно ряд правоотношений смещается в виртуальную реальность, как минимум, наряду с бумажным документооборотом равным становится электронный.

Этому даже не мешают многочисленные и не всегда совпадающие определения электронного документа в правовых актах (ч. II п. 2 ст. 434 ГК, п. 11.1 ст. 2 ФЗ об информации, п. 2 Правил обмена документами в электронном виде при организации информационного взаимодействия, утв. постановлением Правительства РФ от 25.12.2014 № 1494, «ГОСТ Р ИСО 15489-1-2007. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Управление документами. Общие требования», утв. приказом Ростехрегулирования от 12.03.2007 № 28-ст).

А вот что представляет собой реальную проблему, так это то, что электронный документ должен подписываться квалифицированной электронной подписью (в соответствии с Федеральным законом от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи»), и только это делает его равнозначным бумажному, подписанному собственноручно.

Информационные и связанные с ними отношения [3] объединяет то, что они регулируются правом, основным источником которого являются нормативно-правовые акты (далее – НПА).

Напомним о подпрограмме 4 «Информационное государство» Государственной программы РФ «Информационное общество (2011–2020 годы)».

Во многих странах мира реализуется концепция электронного государства, подразумевающая трансформацию государственного управления при широком использовании информационных технологий в процессе государственной деятельности и оказании государственных услуг. Это требует создания и обеспечения функционирования единого правового пространства.

Перед государством, тем более федеративным, и его гражданами и организациями стоят проблемы: обеспечения верховенства Конституции РФ и федеральных законов в России, соответствия нормативных правовых актов с меньшей юридической силой нормам актов более высокой юридической силы; устранения «дублирования» и противоречий в нормативных правовых актах; реализации конституци-

онного права граждан на получение достоверной информации о нормативных правовых актах; создания условий для получения информации о нормативных правовых актах органами государственной власти, органами местного самоуправления, должностными лицами, организациями и гражданами.

Распоряжением Правительства РФ от 25.04.2006 № 584-р «Об утверждении перечня регистров, реестров, классификаторов и номенклатур, отнесенных к учетным системам федеральных органов государственной власти» утвержден перечень регистров, реестров, классификаторов и номенклатур, отнесенных к учетным системам федеральных органов государственной власти. Среди них для системы источников права особо значимы: Единый регистр нормативных правовых актов Российской Федерации (№ 2), Государственный реестр нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти (№35), Федеральный регистр нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации (№ 1), Интегрированный полнотекстовый банк правовой информации (эталонный банк данных правовой информации) (№ 26), Национальное фондохранилище обязательных бесплатных экземпляров официальных документов (№ 34).

Основные проблемы их ведения — несогласованность понятийного аппарата, распыленность по субъектному составу.

Анализ правовых актов, информационных ресурсов позволяет сделать вывод, что понятие «Единый регистр нормативных правовых актов Российской Федерации» является собирательным и включает в себя ряд других регистров.

Государственный реестр нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти ведет в соответствии с п. 11 Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, утв. постановлением Правительства РФ от 13.08.1997 № 1009, Минюст РФ.

Расплывчатые формулировки этого НПА приводят подчас к смешению в литературе понятий «государственная регистрация нормативных правовых актов» и «ведение Государственного реестра нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти». Пункт 11 Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации однозначно говорит о занесении в Государственный реестр нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти как о заключительном этапе государственной регистрации НПА.

Анализ Федерального закона от 29.12.1994 № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов» и Положения о Национальном фондохранилище отечественных печатных изданий, утв. в соответствии с п. 1 ст. 17 этого закона Постановлением Правительства РФ от 07.04.2017 № 420 «Об утверждении Положения о Национальном фондохранилище отечественных печатных изданий», позволяет сделать вывод, что как синоним понятию «Национальное фондохранилище обязательных бесплатных экземпляров официальных документов» сейчас используются термины «Национальный библиотечно-информационный фонд документов Российской Федерации» и «Национальное фондохранилище отечественных печатных изданий», хотя, на наш взгляд, это нетождественные информационные базы и ресурсы.

Министерство юстиции РФ ведет информационно-аналитический портал «Нормативные правовые акты Российской Федерации» (<http://zakon.scli.ru>), Государственный реестр нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, Федеральный регистр нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации (ведется в электронном виде с использованием подсистемы «Нормативные правовые акты Российской Федерации» Единой системы информационно-телекоммуникационного обеспечения Министерства юстиции РФ), Федеральный регистр муниципальных нормативных правовых актов (ведется исключительно в электронной форме).

Федеральная служба охраны РФ является учредителем Интегрированного полнотекстового банка правовой информации (эталонный банк данных правовой информации) «Законодательство России», который зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций как средство массовой информации 26.04.2013 в форме распространения «Электронное периодическое издание» (свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77-53715 от 26.04.2013). В соответствии с Положением о Федеральной службе охраны Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ от 07.08.2004 № 1013, одним из полномочий ФСО России является реализация государственной политики в области правовой информатизации Российской Федерации и осуществление работ в этой области (подп. 26 п.1 2). Также ФСО России осуществляет:

- разработку, создание, эксплуатацию и развитие федеральных информационных систем для специального информационного обеспечения государственных органов, а также обеспечивает надежное функционирование и информационную безопасность этих систем;
- информационно-технологическое обеспечение, техническое обслуживание и программное сопровождение информационно-телекоммуникационных сетей, предназначенных для обеспечения деятельности Президента РФ, Администрации Президента РФ, Аппарата Правительства РФ, палат Федерального Собрания РФ, Управления делами Президента РФ, Совета Безопасности РФ;
- участие в обеспечении информационного взаимодействия самостоятельных подразделений Администрации Президента РФ, Аппарата Правительства РФ и иных государственных органов; доступа государственных органов и организаций к внутренним и внешним информационным ресурсам (включая зарубежные), содержащимся в информационных системах;

- функции удостоверяющего центра в федеральных информационных системах;
- участие в формировании государственных информационных ресурсов, организует создание, оперативное обслуживание и поддержку интегрированного полнотекстового банка правовой информации (эталонного банка данных правовой информации), содержащего правовые акты государственных органов, органов местного самоуправления, и обеспечивает доступ к нему указанных органов, организаций и физических лиц, в т. ч. через сеть публичных центров правовой информации;
- развитие государственной системы правовой информации, функционирование и развитие официального интернет-портала правовой информации (www.pravo.gov.ru);
- размещение (опубликование) в установленном порядке на официальном интернет-портале правовой информации (www.pravo.gov.ru) НПА РФ и иные акты, для которых в соответствии с законодательством РФ предусмотрен такой порядок размещения (опубликования) (соответственно подп. 23, 27, 29–31, 36–38 п. 12 Положения о Федеральной службе охраны Российской Федерации).

Комплектование Национального фондохранилища, государственную регистрацию печатных изданий (библиографическую и статистическую), ведение государственного библиографического и статистического учета, бесплатное предоставление справочной информации в отношении печатных изданий и печатных изданий в электронной форме по запросам государственных органов, а также государственных и общественных организаций в соответствии с гражданским законодательством РФ осуществляет Информационное телеграфное агентство России (ИТАР-ТАСС (пп. 4, 14 Положения о Национальном фондохранилище отечественных печатных изданий)).

Министерство связи и массовых коммуникаций РФ является оператором федеральной государственной информационной системы «Единая система нормативной справочной информации» (ФГИС ЕСНСИ), созданной во исполнение Постановлений Правительства РФ от 08.09.2010 № 697 «О единой системе межведомственного электронного взаимодействия» и от 14.09.2012 № 928 «О базовых государственных информационных ресурсах».

Может возникнуть вопрос: для чего нужны все эти информационные ресурсы?

Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» в ст. 7.1 предусмотрел предоставление по межведомственному запросу органов и организаций, предоставляющих (принимающих участие в предоставлении) государственные и муниципальные услуги, а также многофункциональных центров документов и информации с использованием единой системы межведомственного электронного взаимодействия и подключаемых к ней региональных систем межведомственного электронного взаимодействия. Законом установлено, что требования к порядку формирования, актуализации и использования базовых государственных информационных ресурсов определяются Правительством РФ и что они должны содержать перечень мер, направленных на обеспечение соблюдения прав субъектов персональных данных, а также предусматривать меры по защите информации в соответствии с законодательством РФ.

Согласно п. 1 Требований к порядку формирования, актуализации и использования базовых государственных информационных ресурсов, утв. Постановлением Правительства РФ от 14.09.2012 № 928, базовые государственные информационные ресурсы формируются федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов РФ и органами государственных внебюджетных фондов путем размещения в созданных или создаваемых государственных информационных ресурсах уникальных сведений об объекте либо о субъекте (физическом или юридическом лице), которые предназначены для использования при осуществлении межведомственного информационного взаимодействия в целях предоставления государственных и муниципальных услуг или исполнения государственных и муниципальных функций и на создание которых указанные органы уполномочены в соответствии с федеральными законами (далее соответственно — базовые ресурсы, уполномоченные органы, эталонные сведения).

Кроме того, при наличии справочно-правовых систем (их создание началось в мире в 60-х гг. XX в., в СССР — в 1975 г. — Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 25.06.1975 № 559 «О мерах по дальнейшему совершенствованию хозяйственного законодательства») (государственных, как правило, конкретных органов, например, «Закон», «Эталон» и др.) и коммерческих (типа *Гарант*, *Кодекс*, *КонсультантПлюс* и др.), помимо проблем, которые могут возникнуть с перебоями в электроэнергии, и раздражения, которое вызывают у преподавателей ссылки недобросовестных студентов на Интернет как источник правовых актов, есть более серьезные причины обращаться именно к государственным информационным ресурсам, в частности:

- включаемые в Единый регистр правовые акты проходят правовую экспертизу;
- он содержит значительно больший объем источников права;
- повышенная информационная безопасность государственных ресурсов;
- некорректные в ряде случаев указания на реквизиты документов в коммерческих БД [4].

Регулирование информационных отношений сталкивается с проблемами общего характера и специального (по видам отношений). К первым относятся:

- 1) стихийность образования информационных потоков, практическое отсутствие до недавнего времени регулирования этих процессов;
- 2) постоянный рост объемов и скорости информационного обмена;

3) устаревание информации и его 2 аспекта:

— отличный от морального износа основных фондов и старения материальных потребительских благ механизм устаревания информации — она не «израбатывается», хотя ее ценность, как правило, со временем снижается, но для отдельных категорий потребителей (например, историки) именно старая информация обладает увеличивающейся со временем ценностью;

— единица искажения (несоответствия) или устаревания информации зависит от времени ее опоздания к получателю — чем больше времени требуется для передачи информации, тем больше ее несоответствие объективной реальности);

4) устаревание (износ) носителей и средств обработки, хранения и трансляции информации;

5) тотальная информатизация, рост потребности в достоверной информации в различных сферах, необходимость в критериях такой достоверности и ответственности за виды ее нарушения;

6) потребность в «фильтрах», которые дают возможность потребителю найти нужную информацию;

7) сложность однозначной стоимостной оценки приобретаемого количества информации;

8) информационная безопасность;

9) сложность однозначной регистрации потребителя (обычно поставщик информации заблаговременно не знает, кто ее будет использовать, хотя встречаются и адресные, закрытые потоки).

Специальные проблемы проиллюстрируем на примере электронных документов:

— доказывание права авторства на информацию;

— обнаружение и доказывание факта распространения контрафактных экземпляров;

— идентификация содержания электронного документа с его творцом;

— утверждение факта и даты ввода в Интернет документа;

— определение и фиксация понятия электронного документа.

При решении этих проблем в качестве требований при регулировании информационных отношений можно использовать следующие информологические параметры информации [5, с. 53]: содержание (определяет предметную область информации; неразрывно связано с параметром охвата); охват (определяет, ограничивает и описывает содержание); время (фиксирует момент или период осуществления информационного взаимодействия); источник (идентифицирует происхождение информации; неразрывно связан с параметром охвата); качество (определяет свойства, отражающие степень пригодности информации для достижения цели); уникальность (информация в единственном экземпляре); соответствие потребности (необходимость в получении информации).

С ними пересекаются принципы информационных отношений:

— обеспечение и реализация информационных свобод и прав;

— свобода производства и распространения информации;

— запрет производства и распространения информации, представляющей угрозу для личности, общества или государства;

— открытость информации (ни одна государственная структура не может ограничивать доступ к информации, которой она обладает в силу своей компетенции);

— обособленность информации от ее создателя (информация, будучи обнародованной, становится частью информационного поля и принадлежит одновременно неограниченному кругу пользователей);

— признание за производителем и потребителем определенных прав при соблюдении соответствующих обязательств относительно содержания и использования информации;

— ответственность получателей информации за ее неправомерное использование;

— установление сроков сбора, хранения и предоставления информации.

Все они провозглашены и работают для достижения таких основных целей развития информационных отношений, а также отрасли информационных и телекоммуникационных технологий, как повышение качества жизни граждан, развитие экономической, социально-политической и культурной сфер жизни общества, совершенствование системы государственного управления.

Библиографический список

1. Алексеева И.Ю. Возникновение идеологии информационного общества // Информационное общество. 1999. № 1. С. 30–35.
2. Bell D. The Coming of Post-industrial Society. A Venture in Social Forecasting. N.Y., Basic Books, Inc., 1973.
3. Долинская В.В. Информационные отношения в гражданском обороте // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 4. С. 3–14.
4. Долинская В.В. Источники гражданского права: учеб. пособ. М.: МГИМО (У) МИД РФ, 2005. 81 с.
5. Вальтх К.К. Информационная теория стоимости в неравновесных системах. М.: Янус-К, 2001. 868 с.

References

1. Alekseeva I.Yu. *Vozniknovenie ideologii informatsionnogo obshchestva* [Formation of the ideology of information society]. *Informatsionnoe obshchestvo* [Information Society], 1999, no. 1, pp. 30–35 [in Russian].

2. Bell D. *The Coming of Post-industrial Society. A Venture in Social Forecasting*. N.Y.: Basic Books, Inc., 1973 [in English]
3. Dolinskaya V.V. *Informatsionnye otnosheniia v grazhdanskom oborote* [Informational relations in civil circulation]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: experience, analysis, practice], 2010, no. 4, pp. 3–14 [in Russian].
4. Dolinskaya V.V. *Istochniki grazhdanskogo prava: Ucheb. posob.* [Sources of civil law: textbook]. M.: MGIMO (U) MID RF, 2005, 81 p. [in Russian].
5. Valtukh K.K. *Informatsionnaia teoriia stoimosti v neravnovesnykh sistemakh* [Informational theory of value in nonequilibrium systems]. M.: Ianus-K, 2001, 868 p. [in Russian].

*V.V. Dolinskaya**

INFORMATION SOCIETY, INFORMATION RELATIONS AND LEGISLATION

The notions «information», «information society», «information relations» are revealed. The classification of the latter is suggested. The sources of legal regulation and principles of information relations are highlighted.

The place of the right to know in the system of constitutional civil rights and liberties in relation with the existing in the international community of the understanding of development of information society is defined.

The interaction of information relations and information technologies through the example of legislation on acts of civil status and incorporation and individual entrepreneurs (as applied to the status of the subject); official registration of real estate, activities on maintenance of register of equity securities, register of security holder (as applied to the qualification of an object of law and consideration of these rights in him); revealing of information in the information and telecommunications network «Internet», GIS of housing and public utilities, calculations made with the usage of electronic payment facilities, Universal information notarial system, electronic document management (as applied to the informational ensuring of activity) is viewed.

The problems of informatization and information technologies are revealed.

Key words: information, information society, information relations, access to information.

* *Dolinskaya Vladimira Vladimirovna* (civil-VVD@yandex.ru), Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University, 9, Sadovaya-Kudrinskaya street, Moscow, 125993, Russian Federation.

УДК 347.51

Т.Б. Замотаева*

ЗНАЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ В ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ ВСЛЕДСТВИЕ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА

В статье дается анализ значения информации при причинении вреда в будущем (ст. 1065 ГК РФ). В рамках состава деликтного обязательства недоведение информации в целом или ее части до заинтересованных лиц либо умышленное сокрытие информации относится к противоправным действиям. Подобные действия являются потенциальной причиной наступления вреда, а сам наступивший вред порождает деликтное обязательство при наличии таких условий, как вина лица и причинно-следственная связь между противоправными действиями и вредом.

Автор систематизирует такие действия в несколько групп, выделяя при этом, во-первых, действия, которые могут привести к причинению вреда окружающей среде; во-вторых, действия по самовольному возведению объекта, не относящегося к недвижимости; третью группу составляют действия по сокрытию информации о товаре, которая должна быть доведена до граждан-потребителей; четвертую группу образуют действия органов власти и лиц, проводящих работы (оказывающих услуги), которые могут создать угрозу проживания (нахождения) физических лиц.

Ключевые слова: длящееся правонарушение, причинение вреда, деликтное обязательство, противоправные действия, сокрытие информации.

На сегодняшний день «информация» исключена из состава объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ). Законодатель посчитал, что более значимым будет использование дефиниции «охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность)». Однако анализ нормативных правовых актов позволяет констатировать, что информация, безусловно, — объект гражданско-правовых отношений. Так, прямое указание ст. 5 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 19.12.2016) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» закрепляет, что информация может являться объектом публичных, гражданских и иных правовых отношений.

Существенное значение информация имеет в корпоративных отношениях, в договорных и внедоговорных обязательствах. Последние и станут непосредственным предметом нашего исследования.

Как правило, виновное причинение вреда жизни и здоровью граждан противоправными действиями образует состав деликтного обязательства.

Действия по поводу информации (недоведение до контрагента, умышленное сокрытие в целом или в части либо, наоборот, указание ложной информации) в обязательствах вследствие причинения вреда рассматриваются в двух аспектах: во-первых, как противоправное действие — одно из условий причинения вреда в составе генерального деликта (ст. 1064 ГК РФ) и, во-вторых, как потенциальная возможность причинения вреда в будущем (ст. 1065 ГК РФ). Проанализируем оба варианта с позиции теории и правоприменительной практики.

Статья 1065 ГК РФ предусматривает запрет деятельности (эксплуатации предприятия, сооружения, иной производственной деятельности), если она может явиться основанием причинения вреда в будущем. Информация о ненадлежащей деятельности предприятия должна быть известна органам управления этого юридического лица, контролирующим органам, гражданам, здоровью и жизни которых в будущем может быть причинен вред.

Что касается действий, которые могут причинить вред, то это потенциальная причина наступления вреда; при этом обязательство из причинения вреда может не наступить в силу отсутствия самого вреда. Следовательно, в целях его предотвращения возможно приостановить деятельность будущего причинителя вреда.

Однако не любая деятельность, влекущая опасность наступления вреда, может быть приостановлена. В силу п. 2 ст. 1065 ГК РФ, если приостановление или прекращение деятельности противоречит общественным интересам, то суд вправе отказать в таком иске.

Так, Постановлением ФАС Северо-Западного округа от 25.02.2009 по делу № А56-11218/2008 при рассмотрении иска Роспотребнадзора о запрете ОАО эксплуатировать трансформаторную подстанцию,

* © Замотаева Т.Б., 2017

Замотаева Татьяна Борисовна (zamotaevatb@mail.ru), кафедра гражданского права и гражданского процесса, Самарская государственная областная академия (Наяновой), 443001, Российская Федерация, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 196.

встроенную в жилой дом и граничащую с квартирой, суд сделал вывод о несоответствии уровней шума от работы подстанции и параметров электромагнитных излучений в помещении квартиры допустимым нормам. Но суд отказал в удовлетворении заявленных требований в связи с невозможностью перевода нагрузки по электроснабжению данного дома на другие источники ввиду их отсутствия.

Преобладание публичных интересов над частными характерны для многих правовых систем. Например, ст. 1472 ГК Квебека предусматривает в качестве основания освобождения от ответственности — превалирование общественного интереса над сохранением коммерческой тайны, когда ее раскрытие оправдано интересами здравоохранения или общественной безопасности [1, с. 232].

Анализ литературы и правоприменительной практики в отношении действий, влекущих причинение вреда в будущем, позволил систематизировать их в определенные группы.

Первую группу составляют действия, которые могут привести к причинению вреда окружающей среде, т. е. действия, нарушающие экологию (например, отсутствие очистных сооружений или их ненадлежащая работа).

На основании п. 39 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» опасность причинения вреда окружающей среде в будущем может являться основанием к запрещению деятельности, создающей такую опасность. Суд вправе отказать в иске о приостановлении либо прекращении соответствующей деятельности (например, деятельности очистных сооружений и т. д.) при условии, если ее приостановление либо прекращение противоречит общественным интересам. Отказ в удовлетворении таких требований не лишает потерпевших права на возмещение вреда, причиненного этой деятельностью.

Поскольку подобное правонарушение может привести к наступлению вреда и, как следствие, к возникновению деликтного обязательства, то можно сделать вывод, что действия, причиняющие вред окружающей среде, являются длящимся правонарушением. При этом наличие вреда выступает квалифицирующим признаком, основанием деликтного обязательства, влияющим на законченность правонарушения и возникновения деликтного обязательства в целом. Наличие лишь противоправных действий при отсутствии негативного результата свидетельствует об отсутствии возникновения субъективного права на возмещение вреда. Согласно п. 40 вышеназванного Постановления, судам необходимо устанавливать не только факт причинения вреда, но и его последствия, выразившиеся в виде деградации естественных экологических систем, истощения природных ресурсов и иных последствий. В связи с этим и в целях правильного разрешения вопросов, требующих специальных познаний в области экологии, в том числе и при определении размера вреда, причиненного экологическим правонарушением, по делу должны проводиться соответствующие экспертизы с привлечением специалистов: экологов, санитарных врачей, зоологов, ихтиологов, охотоведов, почвоведов, лесоводов и других.

В силу непосредственного указания Конституции РФ (ст. 42) каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением.

Ко второй группе можно отнести действия по самовольному возведению объекта, не относящегося к недвижимости (например, возведение антенны, монтирование станции с мощным электромагнитным излучением, влияющим на здоровье граждан).

В силу Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» в случаях, когда самовольно возведенный объект, не являющийся новым объектом или недвижимым имуществом, создает угрозу жизни и здоровью граждан, заинтересованные лица вправе на основании п. 1 ст. 1065 ГК РФ обратиться в суд с иском о запрещении деятельности по эксплуатации данного объекта.

Определенным подвидом этой группы также являются действия по перепланировке и переустройству жилого или нежилого помещения, создающего угрозу для жизни граждан.

Все перечисленные действия: возведение объекта, перепланировка и переустройство — носят, безусловно, разрешительный порядок (регулируемый в том числе публичным правом), нарушение которого приводит к самоуправству и превышению полномочий. Потому в рамках рассматриваемой темы среди определенных видов информации следует выделить технические нормы, нормы министерств и ведомств, а также нормы права, регулирующие ответственность, которые должны быть доведены до сведения граждан, самовольно нарушающих субъективные права других лиц.

Так, в соответствии с п. 1 ст. 26 ЖК РФ переустройство либо перепланировка жилых помещений должны быть согласованы с органом местного самоуправления, на территории которого находится жилое помещение. Согласование осуществляется посредством принятия соответствующим органом местного самоуправления решения о перепланировке или переустройстве жилого помещения.

На основании Постановления Госстроя России от 27.09.2003 № 170 «Об утверждении Правил и норм технической эксплуатации жилищного фонда» [2] осуществление перепланировки и (или) переустройства жилых помещений не допускается, если: во-первых, они ведут к нарушению прочности или разрушению несущих конструкций здания, нарушению в работе инженерных систем и (или) ухудшению сохранности и внешнего вида фасадов, нарушению противопожарных устройств; во-вто-

рых, они ухудшают условия эксплуатации и проживания всех или отдельных граждан дома или квартиры.

Переустройство и (или) перепланировка не допускаются в случае нарушения строительных, санитарных и противопожарных норм и правил.

Переоборудование жилых помещений может включать в себя: установку бытовых электроплит взамен газовых плит или кухонных очагов, перенос нагревательных сантехнических и газовых приборов, устройство вновь и переоборудование существующих туалетов, ванных комнат, прокладку новых или замену существующих подводящих и отводящих трубопроводов, электрических сетей и устройств для установки душевых кабин, джакузи, стиральных машин повышенной мощности и других сантехнических и бытовых приборов нового поколения.

Доведение информации до субъектов о запрете на самовольное переустройство, перепланировку и переоборудование позволит предупредить возможность наступления вреда в будущем жизни и здоровью граждан и избежать имущественных убытков.

К третьей группе относятся действия по сокрытию информации о товаре, которая должна быть доведена до граждан-потребителей.

Статьи 8 и 9 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» устанавливают право потребителя на безопасность товара (услуги), на полную и достоверную информацию об изготовителе и реализуемых им товарах.

На основании ст. 10 указанного Закона информация о товарах (работах, услугах) в обязательном порядке должна содержать: наименование технического регламента или иное установленное законодательством Российской Федерации о техническом регулировании и свидетельствующее об обязательном подтверждении соответствия товара обозначение; сведения об основных потребительских свойствах товаров (работ, услуг), в отношении продуктов питания сведения о составе (в том числе наименование использованных в процессе изготовления продуктов питания пищевых добавок, биологически активных добавок, информация о наличии в продуктах питания компонентов, полученных с применением генно-инженерно-модифицированных организмов, в случае если содержание указанных организмов в таком компоненте составляет более девяти десятых процента), пищевой ценности, назначении, об условиях применения и хранения продуктов питания, о способах изготовления готовых блюд, весе (объеме), дате и месте изготовления и упаковки (расфасовки) продуктов питания, а также сведения о противопоказаниях для их применения при отдельных заболеваниях.

Сокрытие информации о товаре и употребление товара (продуктов питания, лекарственных препаратов, биологически активных добавок) ненадлежащего качества может привести к причинению вреда здоровью и жизни граждан. Использование компенсационных мер, закрепленных в главе 59 ГК РФ, не восстановит утраченное здоровье, потому нарушение производителем (продавцом) обязанности по информированию потребителя должно стать одним из оснований приостановления деятельности производителя (продавца). К сожалению, нормы о такой мере воздействия российское законодательство не содержит.

Четвертую группу образуют действия органов власти и лиц, проводящих работы (оказывающих услуги), которые могут создать угрозу проживания (нахождения) физических лиц (граждан). Непосредственно правовое регулирование деятельности указанных лиц носит публичный характер, однако причинение вреда населению порождает также частноправовые средства защиты.

Здесь можно выделить подгруппы: а) действия в отношении неопределенной группы лиц (например, построение мусоросжигательного завода для утилизации радиоактивных отходов; строительство зданий, сооружений с явным нарушением СНиПов, нарушением правил техники безопасности). Особенно это актуально в свете подготовки к чемпионату мира по футболу 2018 года. СМИ неоднократно освещали проблемы ненадлежащего исполнения госконтрактов по строительству стадионов в связи с нарушением сроков работ (особенно характерно для г. Самары). Ускорение темпов строительства в зимний период при упущенных сроках приведет в итоге к ненадлежащему качеству результата работы и возможному наступлению вреда; в таком случае ненадлежащее исполнение обязательств можно рассматривать как противоправное действие.

В соответствии с Федеральным Законом от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» и Письмом Федеральной службы по надзору в сфере природопользования от 27.10.2017 № АА-10-02-28/2399 «О направлении информации» субъекты малого и среднего предпринимательства в результате хозяйственной и иной деятельности которых образуются отходы, представляют в уполномоченные федеральные органы исполнительной власти или органы исполнительной власти субъекта Российской Федерации в соответствии с их компетенцией отчетность об образовании, использовании, обезвреживании, размещении отходов в уведомительном порядке;

б) действия по несвоевременному информированию руководителей автотранспортных предприятий городского транспорта, участников дорожного движения об угрозе возникновения чрезвычайных ситуаций на автомобильных дорогах; а также неинформирование местных, региональных и федеральных (при наличии соответствующих представительств) средств массовой информации о ситуации, складывающейся на дороге, и принятых мерах — в соответствии с Распоряжением Росавтодора от 18.07.2016 № 1296-р «О представлении информации о состоянии автомобильных дорог общего пользования

федерального значения, дорожно-транспортных происшествиях, нештатных и чрезвычайных ситуациях на них»;

в) действия в отношении конкретных граждан (например, отказ медицинской организации в своевременном квалифицированном обследовании и лечении пациента). В указанном случае возможна административная ответственность и договорная ответственность по возмещению убытков. Так, в силу ст. 18, 19 Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» медицинские учреждения независимо от форм собственности несут ответственность перед потребителем за неисполнение или ненадлежащее исполнение условий договора, несоблюдение требований, предъявляемых к методам диагностики, профилактики и лечения, разрешенным на территории РФ, а также в случае причинения вреда здоровью и жизни потребителя.

Подводя итоги о специфике состава рассматриваемого деликтного обязательства, констатируем, что общей характерной чертой для всех выделенных групп действий является презюмирование вины. Поскольку результат лишь предполагается («в будущем может привести к причинению вреда») и причинно-следственная связь между вредом и противоправными действиями отсутствует, то напрашивается вывод о наличии потенциальной возможности возникновения деликтного обязательства, предусмотренного ст. 1065 ГК РФ. При этом действия, направленные на сокрытие информации (в целом или ее части) от заинтересованных лиц, должны быть отнесены лишь к противоправным действиям.

Применение ст. 1065 ГК РФ позволит предупредить причинение вреда, предотвратить гибель граждан и избежать причинения вреда их здоровью и имуществу.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Квебека. М.: Статут, 1999. 472 с.
2. Постановления Госстроя России от 27.09.2003 № 170 «Об утверждении Правил и норм технической эксплуатации жилищного фонда» // Еженедельный бюллетень законодательных и ведомственных актов. 2003. № 46, 47.

References

1. *Grazhdanskii kodeks Kvebeka* [Civil Code of Quebec]. M.: Statut, 1999, 472 p. [in Russian].
2. *Postanovleniia Gosstroia Rossii ot 27.09.2003 № 170 «Ob utverzhdenii Pravil i norm tekhnicheskoi ekspluatatsii zhilishchnogo fonda»* [Decree of the State Construction Committee of Russia dated 27.09.2003 № 170 «On Approval of the Rules and Norms of Technical Maintenance of the Housing Fund»]. In: *Ezhenedel'nyi biulleten' zakonodatel'nykh i vedomstvennykh aktov* [Weekly bulletin of legislative and departmental acts], November 2003, no. 46, 47 [in Russian].

*T.B. Zamotaeva**

THE IMPORTANCE OF INFORMATION IN OBLIGATIONS AS A RESULT OF CAUSING HARM

The article analyzes value of information in causing harm in the future (Art. 1065 of the Civil Code of the Russian Federation). Within structure of tort obligation not finishing information in general or in a part to interested persons, or deliberate concealment of information refers to illegal actions. Such actions are a potential cause of the occurrence of injury; and damages gives rise to tortious liability in the presence of such conditions as the fault of the person and a causal relationship between the wrongful action and the injury.

The author systematizes such actions in several groups, distinguishing, firstly, actions that can cause harm to the environment; secondly, actions for unauthorized construction of an object which is not related to real estate; the third group is made by actions for concealment of information about goods, which has to be brought to citizens-consumers; the fourth group is formed by actions of authorities and persons, carrying out works (rendering services), which may create a threat to residence (location) of individuals.

Key words: continuing offence, infliction of harm, tort obligation, illegal actions, concealment of information.

* *Zamotaeva Tatiana Borisovna* (zamotaevab@mail.ru), Department of Civil Law and Civil Process, Nayanova Academy, 196, Molodogvardeyskaya Street, Samara, 443001, Russian Federation.

УДК 347.254

*Е.С. Крюкова, В.Д. Рузанова**

ВОПРОСЫ ВНЕДРЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ В СФЕРУ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА

В статье рассмотрены особенности правового регулирования отношений, связанных с внедрением в сферу ЖКХ информационной системы, при этом указывается, что такая система должна быть исключительно государственной. Подчеркивается важность задачи формирования такого правового режима систем, в рамках которого обеспечивались бы единство и дифференциация правового регулирования и гармоничное сочетание всех его элементов. Исследуется правовое положение каждого из участников информационного взаимодействия: оператора системы, поставщиков и пользователей информации. Устанавливается роль администратора собрания как участника ряда мероприятий в рамках использования информационной системы. Анализируются различные правовые режимы информации, размещенной в ГИС ЖКХ, а также характеризуется обязанность организаций, осуществляющих управление многоквартирным домом, по обеспечению свободного доступа к информации о своей деятельности. Определяются меры по охране интересов и защите прав потребителей в жилищной сфере.

Ключевые слова: государственная информационная система ЖКХ, информация, правовой режим, участник информационного взаимодействия, права, обязанности, ответственность, общее собрание собственников помещений в многоквартирном доме, управляющая организация.

В последние десятилетия благодаря развитию и совершенствованию информационных технологий значительно возрос объем используемой обществом информации, не стала исключением и правовая сфера. В то же время появились и новые механизмы внедрения, обработки и использования информационных ресурсов, в том числе посредством информационных систем. Последние способны оптимизировать управленческие процессы практически в любой области. Концепция электронного государства, как известно, сейчас реализуется во многих странах мира [1, с. 4]. Поэтому не случайно вопросы информационной безопасности широко обсуждаются как в российской [2], так и зарубежной литературе [3]. Как верно отмечается в доктрине, на сегодняшний день высокую актуальность приобретают механизмы выстраивания информационного взаимодействия двух сложных институтов — власти и общества. Действенность же этих механизмов в России должна быть гарантирована в нормативных правовых актах [4, с. 8]. Однако, как обоснованно подчеркивается в литературе, современный уровень нормативно-правового регулирования формирования информационного общества в РФ нельзя признать достаточным [5, с. 27]. В настоящее время создано и активно эксплуатируется большое количество различных информационных систем, правовое закрепление которых приобретает повышенную значимость, учитывая тот факт, что целый комплекс нормативно-правовых актов посвящен вопросам их создания, внедрения и эксплуатации, а с некоторыми из них связан и достаточно обширный круг общественных отношений, на содержание которых влияет использование данной системы.

Сегодня информационные системы в качестве вспомогательного правового механизма регламентации общественных отношений активно внедряются во все сферы жизни общества, в том числе и в такую социально значимую область, как жилищно-коммунальное хозяйство.

Прежде всего отметим, что в российском законодательстве практически каждый год появляются десятки новых информационных систем, в связи с чем актуализируется задача формирования в конечном итоге такого их правового режима, в рамках которого обеспечивалось бы единство и дифференциация правового регулирования и гармоничное сочетание всех его элементов.

Действующая нормативная база закрепляет как общие правила, применяемые ко всем информационным системам, так и специальные нормы, регулирующие отношения по поводу отдельных из них.

Так, ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» определяет информационную систему как совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств. В рамках развития и детализации общего понятия ст. 2 Федерального закона от 21.07.2014 № 209-ФЗ «О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства» (далее

* © Крюкова Е.С., Рузанова В.Д., 2017

Крюкова Елена Сергеевна (cl@ssu.samara.ru), Рузанова Валентина Дмитриевна (vd.ruz@mail.ru), кафедра гражданского и предпринимательского права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, ул. Московское шоссе, 34.

по тексту — Закон о ГИС ЖКХ) формулирует понятие государственной информационной системы жилищно-коммунального хозяйства, которая представляет собой единую федеральную централизованную информационную систему, функционирующую на основе программных, технических средств и информационных технологий, обеспечивающих сбор, обработку, хранение, предоставление, размещение и использование информации о жилищном фонде, стоимости и перечне услуг по управлению общим имуществом в многоквартирных домах, работах по содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирных домах, предоставлении коммунальных услуг и поставках ресурсов, необходимых для предоставления коммунальных услуг, размере платы за жилое помещение и коммунальные услуги, задолженности по указанной плате, об объектах коммунальной и инженерной инфраструктур, а также иной информации, связанной с жилищно-коммунальным хозяйством.

При использовании ГИС ЖКХ важное значение имеют положения не только ЖК РФ, но и целого ряда подзаконных нормативных актов, в том числе совместных приказов Минкомсвязи и Минстроя, носящих нормативный характер. В теории по этому поводу подчеркивался факт полного завершения формирования подзаконной нормативной базы для ГИС ЖКХ [6, с. 31].

К числу участников информационного взаимодействия Закон о ГИС ЖКХ относит оператора системы, поставщиков и пользователей информации. Субъекты, размещающие информацию в системе, именуются поставщиками информации. Роль и функции пользователей очевидны. Оператор системы — юридическое лицо, выполняющее работы по созданию, эксплуатации и модернизации системы. Деление субъектов на поставщиков и пользователей достаточно условно, поскольку органы власти, граждане и организации вполне могут выступить и в той и в другой роли на разных этапах своего участия.

Считаем, что информационная система в сфере жилищно-коммунального хозяйства должна быть исключительно государственной. Однако ст. 47.1 ЖК РФ допускает проведение общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме в форме заочного голосования с использованием иных информационных систем, но в порядке и в сроки, которые предусмотрены Кодексом. Такой подход, на наш взгляд, осложнит задачу контроля за полнотой и достоверностью полученных в результате данных.

Сам по себе вопрос о критерии отнесения информационной системы к числу государственных активно обсуждается в литературе. Квалифицирующим признаком государственной информационной системы выступает ее создание на основании закона. К сожалению, как отмечается в литературе, этот подход к дефиниции неудачен по многим причинам. Во-первых, он не соответствует сложившемуся правосознанию, которое опирается на бюджетный критерий. Во-вторых, термин «создание» приходится понимать довольно широко, иначе из-под определения выпадет множество ГИС, получивших правовое закрепление уже после их создания, или такие системы, где термин «создание» просто не используется в нормативных актах. Таким образом, под созданием в широком смысле следует понимать «использование», «введение в эксплуатацию» или просто «правовое регулирование» соответствующим нормативным актом. Причем эти системы предназначены для непосредственного взаимодействия с обществом (в лице граждан и организаций, у которых появляются в связи с этим особые права и обязанности), а не замкнуты внутри системы государственного управления [2, с.10].

ГИС ЖКХ носит комплексный характер, ее использование сопровождается как внешним взаимодействием между органами власти, организациями и гражданами, так и возникновением внутренних отношений граждан между собой. И если органы власти и часть организаций уже подготовлены к ее эксплуатации (наличие технических средств, электронной подписи и т. п.), то участие в ней граждан, не связанное с ознакомлением с размещенной информацией, а направленное на непосредственное достижение правовых целей, например принятие решения общим собранием собственников помещений в многоквартирном доме, сопровождается трудностями, вызванными в том числе недостаточной проработанностью в этой части правовых норм. Помимо этого, при полноценном внедрении ГИС ЖКХ могут возникнуть большие сложности, связанные с отсутствием у субъектов информационных отношений, включая государственные органы, полных комплектов документов на многоквартирные дома и обслуживающие их объекты: котельные, водозаборные узлы и канализационно-насосные станции, — на восстановление которых потребуются достаточно длительный период времени и денежные ресурсы. Кроме того, поставщики информации, как нам видится, должны иметь уже свои отработанные информационные системы, например на тарифы, перечень услуг и т. п., и влиться в более масштабный проект ГИС ЖКХ, но, к сожалению, не во всех организациях информационные системы уже созданы и функционируют, а если и действуют, то не всегда эффективно, сопровождаются многочисленными ошибками, недостоверными сведениями, перерасчетами и т. п.

Особого внимания заслуживает тот факт, что у большинства участников информационных правоотношений возникают права, обязанности и ответственность в связи с использованием государственной информационной системы. В частности, не только на государственные и муниципальные органы, но и на юридические лица (товарищества собственников жилья, жилищные кооперативы, управляющие организации) и граждан может возлагаться обязанность по размещению (раскрытию) в информационной системе ряда сведений, обязанность применения специальных средств передачи данных в такую систему, необходимость использования содержащейся в системе информации для осуществления своей деятельности. Указанные права и обязанности закреплены в законе, определяющем правовой режим государственной информационной системы. В этом смысле возможность использования иных (негосударственных) систем в жилищно-коммунальной сфере также вызывает сомнения.

Для согласованной работы всех участников информационного взаимодействия необходимо, во-первых, максимально конкретно определить содержание и объем прав, обязанностей и ответственности каждого из них; во-вторых, обеспечить их заинтересованность в эффективном функционировании ГИС; в-третьих, создать условия для наименее затратного (с точки зрения времени, усилий, финансов) исполнения информационных обязанностей. Это важно потому, что не все участники в равной мере защищены с точки зрения наличия у них возможностей. Для ГИС ЖКХ это особенно актуально, поскольку основными внешними поставщиками информации являются граждане, которым необходимо создавать максимально благоприятные условия для исполнения ими своих информационных обязанностей. Нельзя признать правильной, например, ситуацию, при которой граждане обязаны ежемесячно сообщать о количестве потребленной электрической энергии в соответствующие организации. Между тем ранее существовавшая система, при которой они ежемесячно сами фиксировали количество потребленной электроэнергии, а в конце года совместно с энергетической компанией проводили сверку расчетов, вполне оправдала себя. Да, здесь возникает проблема по формированию соответствующего платежного документа, отвечающего требованиям законодательства, однако этот вопрос носит организационный характер и должен быть решен в нормативном порядке. Система прежде всего должна быть удобна для потребителя, а не для компаний, имеющих значительные финансовые и кадровые ресурсы. На первоначальном этапе внедрения ГИС ЖКХ возникали серьезные трудности и в работе ТСЖ, связанные с отсутствием штатов, позволяющих качественно исполнять информационные обязанности. В настоящее время ситуация постепенно стабилизируется.

Одной из ключевых фигур при эксплуатации информационной системы выступает ее оператор. Однако закон не в полной мере отражает его функции, в частности при взаимодействии с администратором общего собрания собственников в многоквартирном доме. В ЖК РФ содержится указание на администратора собрания как участника ряда мероприятий в рамках использования информационной системы, в том числе при организации и проведении собрания в форме заочного голосования с использованием системы (ст. 47.1 ЖК РФ).

Администратор общего собрания размещает переданное ему в установленном законом порядке сообщение о проведении общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме в системе не позднее чем за десять дней до даты и времени начала проведения такого собрания. В указанный срок администратор общего собрания направляет сообщение о проведении общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме каждому собственнику помещения в данном доме посредством системы. Голосование по вопросам повестки дня собрания с использованием системы осуществляется собственниками в электронной форме либо посредством передачи администратору общего собрания оформленных в письменной форме решений собственников помещений в многоквартирном доме по вопросам, поставленным на голосование, до даты и времени окончания такого голосования. Администратор общего собрания обязан указать в системе сведения о лице, участвующем в голосовании, сведения о документе, подтверждающем право собственности лица, участвующего в голосовании, на помещение в соответствующем многоквартирном доме, переданное ему собственником помещения в многоквартирном доме в письменной форме и выраженное формулировками «за», «против» или «воздержался» решение по каждому вопросу повестки дня, а также разместить в системе электронный образ указанного решения собственника помещения в многоквартирном доме в течение одного часа с момента получения такого решения. Решения общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме, принятые по результатам голосования с использованием системы, по вопросам, поставленным на голосование, автоматически формируются в виде протокола и размещаются в системе в течение одного часа после окончания такого голосования. Протоколы общих собраний собственников помещений в многоквартирном доме по вопросам повестки дня собрания, сформированные с использованием системы, электронные образы решений собственников помещений в многоквартирном доме по поставленным на голосование вопросам, переданные администратору общего собрания, хранятся в системе.

Поскольку в данном случае от правильности и своевременности действий как администратора, так и оператора системы зависит наступление желаемого правового результата, возникает необходимость четкого разграничения их функций, закрепление механизма их взаимодействия на уровне закона и самое главное — определение зоны и объема ответственности каждого из двух названных участников данных взаимоотношений за достоверность и полноту информации.

В свете сказанного следует упомянуть о том, что ГИС ЖКХ стоит в ряду тех информационных систем, где внешние поставщики информации имеют прямой доступ к системе с целью внесения в нее информации и, соответственно, несут ответственность за своевременность, достоверность и полноту размещенных сведений. И если смотреть на поставленную проблему более широко, то можно предложить также возложить на оператора ГИС ЖКХ (наряду с поставщиками) соответствующие обязанности и ответственность за объем и качество размещенной информации. Включенные в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ статьи 13.19.1 и 13.19.2 содержат лишь часть возможных вариантов нарушений со стороны оператора системы. Так, установлена ответственность соответствующих организаций федеральной почтовой связи общего пользования за нарушение сроков регистрации поставщиков и пользователей информации и требований к определенным средствам обеспечения пользования ГИС ЖКХ в виде административного штрафа в размере двухсот тысяч рублей.

Возлагая дополнительное бремя и ответственность на поставщиков информации, Закон о ГИС ЖКХ, к сожалению, не предоставляет им возможности исправления в разумные сроки недочетов в размещенной информации, что снижает эффективность внедрения и эксплуатации системы. Подобные нормы содержатся, например, в постановлении Правительства РФ от 03.12.2014 № 1301 «Об утверждении Правил представления информации в единую государственную автоматизированную информационную систему учета древесины и сделок с ней».

Достоверность размещенных в ГИС ЖКХ соответствующих сведений в значительной мере зависит от того, насколько своевременно участники информационного взаимодействия такие сведения обновляют. Так, по одному из дел арбитражный апелляционный суд, опираясь на данные из ГИС ЖКХ, признал правомерным требование истца (теплоснабжающей организации) производить начисление тепловой энергии по нормативу в соответствии с согласованными сторонами данными, поскольку ответчик в адрес истца по внесению изменений, дополнений в характеристики объекта не обращался. Суд обоснованно исходил из того, что, согласно п. 35 Постановления Правительства РФ от 08.08.2012 № 808 (ред. от 04.02.2017) «Об организации теплоснабжения в Российской Федерации и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации», при заключении договора теплоснабжения заявитель направляет теплоснабжающей организации заявку на заключение договора, содержащую сведения об объекте теплопотребления, а в соответствии с заключенным между сторонами договором все изменения и дополнения должны быть совершены в письменной форме (постановление тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.08.2017 № 13АП-10938/2017).

Информация, размещенная в ГИС ЖКХ, может иметь различный правовой режим. Это как общедоступные сведения, так и информация с ограниченным доступом. ГИС ЖКХ также содержит закрытую часть, предназначенную для ведения личных кабинетов пользователей системы. В свете сказанного в процессе внедрения системы приобретает важность вопрос о соблюдении законодательства о защите персональных данных физических лиц, например при размещении протоколов общих собраний, учитывая требования закона к их содержанию. С одной стороны, сведения, которые, согласно ФЗ от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее по тексту — ФЗ о персональных данных), отнесены к персональным данным, должны иметь в ГИС ЖКХ режим информации с ограниченным доступом (доступ к последней имеет место только при соблюдении установленных нормативными актами процедур), а с другой — если персональные данные подлежат обязательному раскрытию в соответствии с федеральным законом, то в соответствии со ст. 6 ФЗ о персональных данных распространение персональных данных допускается. По данному вопросу мы согласны с мнением Е.В. Емельяновой, полагающей, что обязанность лица, управляющего многоквартирным домом, раскрывать персональные данные в системе ГИС ЖКХ без согласия субъектов, предусмотрена ЖК РФ в рамках исполнения возложенной на управляющего обязанности по передаче органу государственной жилищной инспекции протоколов решений общих собраний собственников помещений в многоквартирном доме. Поэтому не следует закрывать данные о собственниках при передаче копий протоколов и приложений к ним [7, с. 36–43].

Важно подчеркнуть, что на управляющую организацию возложена обязанность по обеспечению свободного доступа к информации о своей деятельности по указанным в ЖК РФ направлениям, а в отношении ТСЖ, жилищных кооперативов и иных специализированных потребительских кооперативов, осуществляющих управление многоквартирным домом (без заключения договора с управляющей организацией), уполномоченным федеральным органом исполнительной власти устанавливаются порядок, состав, сроки и периодичность размещения в системе информации о деятельности по управлению многоквартирным домом и предоставления для ознакомления соответствующих документов (ч. 10.1 ст. 161 ЖК РФ). Таким образом, в жилищной сфере интересы потребителей в части получения необходимой информации надежно защищены.

Следует также сказать, что нередко на практике возникает проблема наличия противоречивых сведений в предоставленной из различных источников информации. В настоящее время законодатель разрешил эту проблему путем установления приоритета сведений, содержащихся в информации в ГИС. Необходимо отметить, что применительно к ГИС ЖКХ установлены дополнительные гарантии прав потребителей, состоящие в том, что платежный документ считается не предоставленным в соответствии с требованиями законодательства РФ, если в системе не размещена информация о размере подлежащей внесению потребителем платы за жилое помещение и коммунальные услуги либо размещена информация, которая не соответствует платежному документу, предоставленному потребителю на бумажном носителе.

Поскольку в настоящее время ГИС ЖКХ не эксплуатируется в полном объеме и взаимосвязанные с ее использованием нормы ЖК РФ вступают в силу поэтапно, возникает ряд проблем, характерных для переходного периода. Так, управляющие организации перестали выполнять свои обязанности по наполнению сайта www.reformaghh.ru, возложенную на них ранее в соответствии со Стандартом раскрытия информации, утвержденным Постановлением Правительства РФ от 23.09.2010 № 731 «Об утверждении стандарта раскрытия информации организациями, осуществляющими деятельность в сфере управления многоквартирными домами», в связи с тем, что аналогичная обязанность у них возникла в отношении системы. Но Стандарт раскрытия информации предполагал не только предоставление сведений, но и работу с гражданами посредством ответов на запросы. Считаем, что следовало бы более подробно урегулировать отношения, связанные с переходным периодом, сохранив действие указанного Стандарта до полного внедрения ГИС ЖКХ. Кроме того, полагаем, что обязанность управляющих организаций осуществлять работу с гражданами посредством ответов на запросы должна полноценно осуществляться и на переходном этапе.

Библиографический список

1. Долинская В.В. Источники права и официальные информационные ресурсы // Законы России. 2017. № 10. С. 3–10.
2. Амелин Р.В. Правовой режим государственных информационных систем. М.: ГроссМедиа, 2016. 337 с.
3. Richard Bejtlich. *The Practice of Network Security Monitoring: Understanding Incident Detection and Response*. No Starch Press, 2013. 376 p.
4. Паламарчук А.В. Свобода информации и законность: теория и практика: монография. М.: Генеральная прокуратура РФ, 2013. 304 с.
5. Гриценко В.Г., Щербинина Н.Н. О проблемах правового регулирования государственных и муниципальных услуг сквозь призму формирования информационного общества // Законы России. 2017. № 10. С. 24–27.
6. Олейник Е.В. Государственная информационная система жилищно-коммунального хозяйства: изменения в законодательстве России // Законы России. 2017. № 10. С. 28–31.
7. Емельянова Е.В. Передача копий протоколов собраний и решений органам ГЖН // Жилищно-коммунальное хозяйство: бухгалтерский учет и налогообложение. 2016. № 5. С. 36–43.

References

1. Dolinskaya V.V. *Istochniki prava i ofitsial'nye informatsionnye resursy* [Sources of law and official information resources]. *Zakony Rossii* [Laws of Russia], 2017, no. 10, pp. 3–10 [in Russian].
2. Amelin R.V. *Pravovoi rezhim gosudarstvennykh informatsionnykh sistem* [Legal regime of state information systems]. M.: GrossMedia, 2016, 337 p. [in Russian].
3. Richard Bejtlich. *The Practice of Network Security Monitoring: Understanding Incident Detection and Response*. No Starch Press, 2013, 376 p. [in English].
4. Palamarchuk A.V. *Svoboda informatsii i zakonnost': teoriia i praktika: Monografiia* [Freedom of information and legality: theory and practice: Monograph]. M.: General'naia prokuratura RF, 2013, 304 p. [in Russian].
5. Gritsenko V.G., Shcherbinina N.N. *O problemakh pravovogo regulirovaniia gosudarstvennykh i munitsipal'nykh uslug skvoz' prizmu formirovaniia informatsionnogo obshchestva* [On the problems of legal regulation of state and municipal services through the prism of the formation of the information society]. *Zakony Rossii* [Laws of Russia], 2017, no. 10, pp. 24–27 [in Russian].
6. Oleinik E.V. *Gosudarstvennaia informatsionnaia sistema zhilishchno-kommunal'nogo khoziaistva: izmeneniia v zakonodatel'stve Rossii* [State information system of housing and communal services: changes in the legislation of Russia]. *Zakony Rossii* [Laws of Russia], 2017, no. 10, pp. 28–31 [in Russian].
7. Emelyanova E.V. *Peredacha kopii protokolov sobranii i reshenii organam GZhN* [Transfer of copies of the minutes of meetings and decisions to the bodies of the GJN]. *Zhilishchno-kommunal'noe khoziaistvo: bukhgalterskii uchët i nalogooblazhenie* [Housing and communal services: accounting and taxation], 2016, no. 5, pp. 36–43 [in Russian].

*E.S. Kryukova, V.D. Ruzanova**

ISSUE OF INTRODUCING STATE INFORMATION SYSTEM IN THE SPHERE OF HOUSING AND COMMUNAL SERVICES

The article considers the peculiarities of legal regulation of relations connected with the introduction of the information system to the housing and utilities sector, and indicates that this system should be controlled by the state. The importance of formation of such legal regime of the system, which would guarantee the unity and differentiation of legal regulation and a harmonious combination of all its elements is stressed. Legal statuses of every information interaction participants: of a system operator, suppliers and users of information are defined. The role of administrator of the general meeting of owners as a member of some activities under using of the information system is defined. Different legal regimes of the information contained in the State information system of the housing maintenance and utilities board and characterizes duty of the organizations engaged in the management of an apartment house to ensure free access to information about its activities are analyzed. The measures for protection of interests and consumer rights in the housing sector are defined.

Key words: state information system of housing maintenance and utilities board, information, legal regime, participant of information interaction, rights, duties, responsibility, general meeting of owners of premises in apartment house, management organization.

* *Kryukova Elena Sergeevna* (cl@ssu.samara.ru), *Ruzanova Valentina Dmitrievna* (vd.ruz@mail.ru), Department of Civil and Business Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

УДК 346.2, 347.19

Ю.С. Поваров*

РАСКРЫТИЕ ИНФОРМАЦИИ ОБ УЧАСТНИКАХ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В ЕДИНОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ РЕЕСТРЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

В статье в системном ключе рассматриваются вопросы отражения в Едином государственном реестре юридических лиц сведений об участниках организаций с учетом действия принципа публичной достоверности. Автор раскрывает содержание данного принципа, отмечая недостатки его законодательного воплощения; указывает на «ступенчатый» подход при нормировании законом набора сведений, касающихся участия в организации, и на отступления от него в процессе правоприменения (что требует внесения соответствующих изменений в законодательство); обосновывает необходимость закрепления четкого алгоритма аннулирования записи о недостоверности сведений о юридическом лице. Особое внимание уделяется проблематике соотношения государственного реестра и списка участников общества с ограниченной ответственностью с точки зрения их содержания, юридической силы и открытости; при этом заявляется о логичности «размежевания» реестра и списка (в том числе содержательного), высказываются предложения относительно перспективных направлений такой диверсификации.

Ключевые слова: Единый государственный реестр юридических лиц, публичная достоверность, запись о недостоверности сведений о юридическом лице, участник юридического лица, список участников общества с ограниченной ответственностью, правоустанавливающее и правоподтверждающее значение.

Основным источником информации о правовом положении организаций, зарегистрированных в Российской Федерации, выступает Единый государственный реестр юридических лиц (далее — ЕГРЮЛ), ведение и «использование» которого подчиняется крайне значимому для оборота **принципу публичной достоверности** содержащихся в нем сведений. В соответствии с названным принципом, раскрываемым в п. 2 ст. 51 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ):

1) лицо, *добросовестно полагающееся* на данные ЕГРЮЛ, вправе исходить из того, что они соответствуют действительным обстоятельствам; при этом, как разъясняет Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (п. 22), презюмируется, что такое лицо не знало и не должно было знать о недостоверности данных (стоит вместе с тем согласиться с критическим заявлением В.А. Белова о том, что Пленум «пошел значительно дальше Кодекса, который все-таки предлагает убеждаться в добросовестности лица, положившегося на данные ЕГРЮЛ...» [1]). Со сказанным сопряжен логичный тезис о том, что сведения, подлежащие обязательной государственной регистрации, считаются достоверными до внесения в публичный реестр соответствующих изменений, из чего правомерно исходят и судебные инстанции (см., к примеру, п. 1.4 Обзора судебной практики по спорам с участием регистрирующих органов № 3 (2017), направленного письмом ФНС России от 11 октября 2017 г. № ГД-4-14/20509@);

2) организация в отношениях с лицом, полагавшимся на данные ЕГРЮЛ, лишена возможности ссылаться на данные, не включенные в ЕГРЮЛ, а равно на недостоверность данных, содержащихся в ЕГРЮЛ, правда, *кроме случаев*, когда они получили «реестровую прописку» *помимо воли юридического лица* (подчеркнем, что обозначенное изъятие встретило обоснованное «сопротивление» в науке, ибо, по сути, как верно указывает Т.С. Яценко, «...законодатель все риски фактической недостоверности сведений... возложил на добросовестного субъекта» [2]).

Большую роль (с позиции охраны интересов как участников, так и третьих лиц) имеет вопрос обеспечения фиксации и доступа к достоверной информации об учредителях (участниках, членах) юридического лица. Поэтому вполне понятным оказывается «объявление» сведений о названных субъектах в качестве **необходимого содержательного компонента** ЕГРЮЛ. Нормируя данный аспект в подп. «д» п. 1 ст. 5 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее — Закон о регистрации), законодатель использует «ступенчатый» подход, при котором:

* © Поваров Ю.С., 2017

Поваров Юрий Сергеевич (povus@mail.ru), кафедра гражданского и предпринимательского права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

1) вводится общее требование об обязательности фиксации указанных сведений (без их конкретизации), причем *безотносительно к виду юридического лица*;

2) уточняется набор включаемых в ЕГРЮЛ сведений *для хозяйственных обществ* (занимающих наибольший удельный вес в общей массе коммерческих организаций, функционирующих в России):

— применительно к акционерным обществам в него *также* помещаются сведения о держателях реестров акционеров;

— в отношении обществ с ограниченной ответственностью ЕГРЮЛ должен содержать сведения:

а) о размерах и номинальной стоимости долей в уставном капитале, принадлежащих обществу и его участникам; б) о передаче долей (частей долей) в залог или об ином их обременении; в) о лице, осуществляющем управление долей, переходящей в порядке наследования.

Итак, базовое требование, как эксплицитно следует из анализируемой законодательной формулировки, имеет максимально обобщенный характер, ибо оно, во-первых, касается любых обладающих гражданской правосубъектностью организаций (коммерческих и некоммерческих, корпоративных и унитарных и т. д.) и, во-вторых, имеет в виду всякого учредителя (участника) (вне зависимости от основания и момента приобретения статуса и т. п.); при этом для хозяйственных обществ перечень отражаемых сведений *расширяется*.

Между тем обозначенный концепт раскрытия информации является трудно реализуемым в отношении организаций с «подвижным» (и, как правило, многочисленным) составом участников. В этой связи в правоприменительной практике рассмотренные нормативные установки получили существенную корректировку. Так, касаясь акционерной формы соединения, имманентно предполагающей динамичность структуры уставного капитала и перманентное обновление состава акционеров (в максимальной степени — если речь идет о публичных акционерных обществах), налоговые органы, отталкиваясь от тезиса о невыполнении ими функций по ведению реестров владельцев ценных бумаг акционерных обществ, исходят из того, что в ЕГРЮЛ не указываются сведения об изменениях состава акционеров (а потому выписка из ЕГРЮЛ не содержит сведений об акционерах, а равно о лицах, которые уступили свои права на акции) (см., в частности, письмо МНС РФ от 30 июня 2004 г. № 09-1-02/2698@). Не оспаривая рациональность и целесообразность приведенного постулирования, все-таки констатируем его неполную корреспондентность правилам подп. «д» п. 1 ст. 5 Закона о регистрации (что, конечно, диктует необходимость внесения соответствующих изменений в текст Закона о регистрации).

Следует учитывать, что акт регистрации, сопряженный с включением определенных сведений об участниках и принадлежащих им долях участия в ЕГРЮЛ, нередко выступает составной (причем иногда — решающей) **частью юридико-фактической основы процедуры приобретения** (либо «трансформации») **статуса участника (члена) организации**, например:

— по общему правилу доля (часть доли) в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью переходит к ее приобретателю именно с момента внесения соответствующей записи в ЕГРЮЛ (см. п. 12 ст. 21 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»); тем самым регистрационному действию в данном случае придается *правоустанавливающее* значение;

— членство в жилищном накопительном кооперативе возникает только после внесения определенных сведений о гражданине, подавшем заявление о приеме в члены, в ЕГРЮЛ (хотя оно действительно и со дня внесения вступительного членского взноса и первого платежа в счет паевого взноса) (см. ч. 5 ст. 5 Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 215-ФЗ «О жилищных накопительных кооперативах»).

При отсутствии подобного рода законодательных оговорок фиксация сведений об участниках также имеет важную, хотя и исключительно *правоподтверждающую* роль (как для участников, так и для контрагентов юридического лица).

Изложенное объясняет повышенное внимание со стороны законодателя к созданию действенных механизмов обеспечения «правдивости» данных ЕГРЮЛ. Одним из таких инструментов в настоящее время является внесение **записи о недостоверности сведений о юридическом лице**, производимое регистрирующим органом в двух вариациях:

а) вследствие получения составленного по установленной форме *заявления физического лица* о недостоверности сведений *о нем* (п. 5 ст. 11 Закона о регистрации);

б) при установлении *по результатам* проведенной проверки недостоверности содержащихся в ЕГРЮЛ определенных сведений, *в том числе сведений, о которых говорится в подп. «д» п. 1 ст. 5 Закона о регистрации* (см. п. 4.2 ст. 9, п. 6 ст. 11 Закона о регистрации).

Наличие в ЕГРЮЛ «порочащей» записи влечет весьма суровые юридические последствия, в частности, если данная запись присутствует в течение более чем шести месяцев, то правосубъектность юридического лица может быть прекращена (!), причем во внесудебном (административном) порядке — путем исключения организации из ЕГРЮЛ (п. 5 ст. 20.1 Закона о регистрации). Это обуславливает необходимость нормативного закрепления отсутствующего на сегодня четкого алгоритма *аннулирования записи* о недостоверности (форма соответствующего заявления, порядок его заполнения, процедура дополнительных проверочных действий и пр.).

Необходимо учитывать, что информация об учредителях (участниках) юридического лица может отражаться и в иных реестрах (списках и т. п.), имеющих условно-публичный (реестр акционеров, ведение которого осуществляется профессиональным участником рынка ценных бумаг, список участников общества с ограниченной ответственностью при передаче его ведения и хранения Федеральной нотариальной палате и др.) или «частный» (список участников общества с ограниченной ответственностью, ведение и хранение которого производится самой организацией, и пр.) характер. Отсюда, актуальным оказывается вопрос о «**взаимодействии**» **ЕГРЮЛ с обозначенными реестрами (списками и т. д.)**.

Применительно к списку участников общества с ограниченной ответственностью (далее — Список) в *содержательном плане* имеет место, с одной стороны, очевидное и не совсем оправданное «дублирование» большинства указываемых в Списке сведений в ЕГРЮЛ (по сути, в последнем не «проходит» лишь информация об оплате долей в уставном капитале); с другой стороны, отражение в ЕГРЮЛ дополнительных данных, незнание которых может оказаться весьма «чувствительным» для контрагентов корпорации и (или) ее участников, — об обременении долей (для чего, кстати, требуется ясная «расшифровка» данного понятия с учетом корпоративного аспекта [3]) и пр.

Поэтому резонными и продуктивными представляются выдвигаемые в науке предложения по поводу оправданности расширения перечня отражаемых в Списке сведений, а также идея о санкционировании возможности включения в Список прямо не поименованных в законе сведений на факультативной основе (по инициативе общества и (или) его участников).

Значительно «проигрывает» Список в сравнении с ЕГРЮЛ в «организационном» и охранительном аспектах — с позиции:

1) **юридической силы**.

Так, при возникновении споров по поводу несоответствия сведений, указанных в Списке, сведениям, содержащимся в ЕГРЮЛ, право на долю в уставном капитале устанавливается на основании сведений, содержащихся именно в ЕГРЮЛ (п. 5 ст. 31.1 Закона об ООО). Рациональность данного подхода, хотя и корреспондирующего правоподтверждающему значению Списка, нередко подвергается критике. В частности, А.А. Александрова не без оснований задается вопросом — «...а зачем вообще давать... данные из списка, если большая сила изначально закреплена за данными реестра?»; «наличие списка, — резюмирует ученый, — ...не достигает цели достоверного информирования других субъектов оборота о действительном составе участников общества и принадлежащих им долях, поскольку приоритет оставлен за официальной выпиской из ЕГРЮЛ» [4]. На взгляд В.А. Микрюкова, Список по причине «низкой степени достоверности и откровенной информационной бесполезности» «явился избыточным (лишним) документом» [5, с. 30–31].

Показательной в данном контексте оказывается интерпретация в нотариальной практике Списка с точки зрения возможности его квалификации в качестве «предусмотренного законом документа с перечнем лиц, имеющих право на участие в собрании» для целей удостоверения решений общего собрания участников (см. ч. 3 ст. 103.10 Основы законодательства РФ о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (далее — Основы)): в подготовленном Комиссией ФНП по методической работе Обобщении практики применения нотариусами ст. 67.1 ГК РФ и ст. 103.10 Основ за период с 01.09.2014 г. по 31.05.2015 г. заявляется об уместности определения нотариусом названного перечня лиц по двум документам в совокупности — Списку и выписке из ЕГРЮЛ (т. е. представление одного лишь Списка недостаточно для выявления круга управомоченных лиц);

2) **открытости** (доступности для третьих лиц).

Если ЕГРЮЛ открыт для всеобщего ознакомления (см. п. 2 ст. 51 ГК РФ, ст. 6 Закона о регистрации), то выдача сведений из реестра Списков (в форме выписки) осуществляется по просьбе общества, а также его участника (ст. 103.12 Основ), т. е. третьи лица не наделены правом запроса информации из реестра Списков.

Попутно отметим, что, имея в виду многообразие ситуаций использования сведений, содержащихся в Списке, уместной и в целом удачной стоит признать предложенную Порядком ведения реестров единой информационной системы нотариата, утв. приказом Минюста России от 17 июня 2014 г. № 129 (п. 58.1), содержательную вариативность выписок. Они могут включать: 1) все сведения, внесенные в отношении ООО; 2) сведения, актуальные на дату формирования выписки и находящиеся в реестре Списков: а) в отношении всех участников ООО; б) одного из участников ООО;

3) **публичной достоверности**.

В частности, раскрытие принципа публичной достоверности данных ЕГРЮЛ производится законодателем не только в негативном ключе (через введение запрета юридическому лицу ссылаться на данные, не включенные в ЕГРЮЛ, и на недостоверность данных, содержащихся в ЕГРЮЛ), а и положительным образом — посредством закрепления общего правила о том, что лицо, добросовестно полагающееся на данные ЕГРЮЛ, вправе исходить из того, что они соответствуют действительным обстоятельствам.

Размышляя о перспективах нормативного «размежевания» *Списка и ЕГРЮЛ* (необходимость которого кажется бесспорной), можно прогнозировать обсуждение в науке различных вариантов снятия анализируемой проблемы, в том числе:

а) наиболее простого и радикального способа, сводящегося к предложению «превратить реестр списков участников в реальный аналог реестра акционеров, исключив дублирование в ЕГРЮЛ вносимой в него информации», либо «избавиться от ненужного института [Списка. — Ю.П.], расширив состав информации,

подлежащей включению в ЕГРЮЛ, и оставив за обществом лишь обязанность своевременно представлять ... государственному органу все ставшие известными обществу сведения об изменениях...» [5, с. 32–33];

б) рекомендаций по усилению содержательной составляющей Списка, а также по «переформатированию» принципа публичной достоверности данных Списка в направлении повышения их «ценности» для третьих лиц.

Библиографический список

1. Белов В.А. «Двадцать пятое» постановление Пленума: толкование или... законодательство? // Вестник экономического правосудия. 2015. № 11. С. 53–90.
2. Яценко Т.С. Проблема обеспечения достоверности сведений в Едином государственном реестре юридических лиц // Юрист. 2014. № 13. С. 13–16.
3. Карнаков Я.В. О недостатках и противоречиях нового режима оборота долей в уставном капитале ООО // Вестник ВАС РФ. 2012. № 6. С. 16–57.
4. Александрова А.А. Список участников общества с ограниченной ответственностью: теоретические и практические проблемы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 3. С. 70–74.
5. Микрюков В.А. Реестр списков участников обществ с ограниченной ответственностью: значение в гражданском обороте и нотариальной деятельности // Нотариальный вестник. 2017. № 9. С. 26–37.

References

1. Belov V.A. «*Dvadsat' p'iatoe*» *postanovlenie Plenuma: tolkovanie ili ... zakonodatel'stvo?* [«Twenty-fifth» decision of the Plenum: interpretation or ... legislation?]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiia* [Bulletin of Economic Justice], 2015, no. 11, p. 53–90 [in Russian].
2. Yatsenko T.S. *Problema obespecheniya dostovernosti svedenij v Edinom gosudarstvennom reestre yuridicheskikh lic* [The problem of ensuring the reliability of information in the Unified State Register of Legal Entities]. *Yurist* [Lawyer], 2014, no. 13, p. 13–16 [in Russian].
3. Karnakov Ya.V. *O nedostatkah i protivorechiyah novogo rezhima oborota dolej v ustavnom kapitale ООО* [On the shortcomings and contradictions of the new regime of turnover of shares in the authorized capital of LLC]. *Vestnik VAS RF* [Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation], 2012, no. 6, p. 16–57 [in Russian].
4. Alexandrova A.A. *Spisok uchastnikov obshchestva s ogranichennoj ot-vetstvennost'yu: teoreticheskie i prakticheskie problemy* [List of participants in a limited liability company: theoretical and practical problems]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: experience, analysis, practice], 2010, no. 3, p. 70–74 [in Russian].
5. Mikryukov V.A. *Reestr spiskov uchastnikov obshchestv s ogranichennoj otvetstvennost'yu: znachenie v grazhdanskom oborote i notarial'noj deyatel'nosti* [Register of lists of participants of limited liability companies: the importance of civil turnover and notarial activities]. *Notarial'nyj vestnik* [Notary Journal], 2017, no. 9, p. 26–37 [in Russian].

Yu.S. Povarov*

DISCLOSURE OF INFORMATION ABOUT LEGAL ENTITY PARTICIPANTS IN THE UNITED STATE REGISTER OF LEGAL ENTITIES

The article systematically discovers the issues of disclosure of information about legal entity participants in the united state register of legal entities, taking the principal of public confidence into account. The author discovers the essence of principle, taking attention to defects of its legislative realization; describes so called step-like approach in legislative forming of data list about participation in organization, and deviations from the approach during law enforcement (which demands appropriate novation of law); argues for need of detailed establishing of algorithm of nullifying a record of falsity of legal entity data. Special attention is paid to the issue of correlation of state register and list of participants of limited liability company in their content, legal force and publicity; at the same time it is said that the differentiation of register and list (including substantial) and it is supposed about perspective directions of such differentiation.

Key words: united state register of legal entities, public confidence, record of falsity of legal entity data, legal entity participant, list of participants of limited liability company, right-constitutive and right-proving meaning.

* Povarov Yuriy Sergeevich (povus@mail.ru), Department of Civil and Business Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОММЕРЧЕСКОЕ ПРАВО

УДК 346.7

*А.Н. Королева**

ЗАЩИТА ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВОГО ТОВАРНОГО РЫНКА

В настоящей статье рассмотрены вопросы совершенствования правового регулирования защиты прав потребителей цифрового рынка в РФ с учетом анализа зарубежного опыта и рекомендаций международных организаций. Электронная торговля с участием потребителей (сегмент рынка B2C) развивается наиболее быстрыми темпами, а в некоторых зарубежных странах достигает 10–20 % торгового оборота. Между тем ряд вопросов, связанных с обеспечением защиты прав потребителей цифрового рынка, остается нерешенным. В статье исследован правовой статус новых участников электронной торговли, например агрегаторов, в том числе торговых агрегаторов, агрегаторов социальных сетей, проанализированы возможные виды нарушений прав потребителей и даны предложения о необходимости урегулирования их прав и обязанностей на цифровом рынке. Если агрегатор в сфере электронной торговли наделяется правом заключать договоры с потребителями, принимать платежи потребителей, осуществлять переводы на счет продавца, он должен являться финансовой организацией, подконтрольной Банку России, которая по правовому статусу будет близка к клиринговой организации и центральному контрагенту, действующих на финансовых рынках. С появлением новых видов цифровых рынков, например рынков 3D-печати, появляются новые объекты купли-продажи, в том числе 3D-чертежи (модели), которые не могут быть квалифицированы ни как товары (услуги) как объекты гражданских прав, ни как базы данных или программы для ЭВМ (ст. 1261 ГК РФ). Они являются сложными объектами – графическими решениями, заключенными в трехмерные конструкции, охраняемые нормами авторского права. В статье проанализированы нормы российского, зарубежного и международного законодательства, сделаны предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: цифровая экономика, информационные технологии, товарный рынок, защита прав потребителей.

Формирование цифровой экономики обозначено Президентом РФ как приоритетное направление стратегического развития РФ. В программе «Цифровая экономика РФ» (утв. распоряжением Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р поставлена цель формирования новой регуляторной среды, обеспечивающей благоприятный правовой режим для возникновения и развития современных технологий и осуществления экономической деятельности, связанной с их использованием. Неотъемлемой составляющей цифровой экономики должен стать цифровой товарный рынок, в рамках которого функционирует система электронной торговли, участники которой взаимодействуют посредством обмена электронными данными, документами и совершением сделок в электронной форме. Цифровые рынки регулируются на национальном и глобальном (транснациональном) уровне.

* © Королева А.Н., 2017

Королева Анна Николаевна (korolevaannan@mail@mail.ru), кафедра гражданского процессуального и предпринимательского права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Серьезное внимание развитию электронной торговли и цифрового рынка уделяется также в зарубежных странах. Например, в Европейском Союзе принята Стратегия Единого цифрового рынка ЕС (Digital Single Market (DSM) Strategy) от 06.05.2015, ставящая целью перейти с 28 национальных рынков на единый рынок в рамках ЕС. Европейская комиссия приняла ряд мер по предотвращению необоснованных геоограничений электронной коммерции, повышению прозрачности цен на доставку товаров и защиты прав потребителей.

В США действуют Основы глобальной электронной коммерции (1997), включающие три раздела: 1) финансовые аспекты (пошлины, налогообложение, электронные платежи); 2) юридические аспекты (унифицированный кодекс электронной торговли, защита интеллектуальной собственности, защита конфиденциальной информации, безопасности); 3) допуск к рынкам товаров и услуг (телекоммуникационная инфраструктура и информационные технологии, интернет-контент, технические регламенты) [1, с. 200]. Важное значение также придается вопросам защиты прав потребителей. Большое влияние на регулирование электронной торговли оказывают некоммерческие организации – Commerce NET Consortium, Electronic Frontier и Council of Better Business Bureaus.

В рамках Всемирной Торговой Организации (ВТО) была одобрена декларация о глобальной электронной торговле (Declaration on global electronic commerce, 20.05.1998, WT/MIN(98)/DEC/2) и создана рабочая группа по всестороннему изучению всех аспектов электронной торговли, включая выработку общих принципов, регламентирующих и регулирующих электронную торговлю в глобальных масштабах. С 2016 г. Всемирный почтовый союз (Universal Postal Union, UPU), Конференция ООН по торговле и развитию (*ЮНКТАД*, United Nations Conference for Trading and Development, UNCTAD), Организация экономического сотрудничества и развития (*ОЭСР*, Organisation for Economic Cooperation and Development, OECD) и ВТО реализуют совместный проект в целях квалификации и измерений трансграничных транзакций электронной торговли.

Программные документы для развития электронной торговли приняты в АТЭС, где действует специальная рабочая группа АТЭС по электронной коммерции (APEC ECSG). В рамках БРИКС РФ предложила начать работу по формированию единого цифрового рынка. В рамках ЕАЭС разрабатывается концепция формирования цифрового пространства Евразийского экономического союза (распоряжение совета Евразийской экономической комиссии № 6 от 17.03.2016), создана рабочая группа по выработке предложений по формированию цифрового пространства ЕАЭС.

В России источниками правового регулирования отношений в сфере электронной торговли на цифровом рынке выступают ГК РФ, ГПК РФ и АПК РФ, Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ, Федеральный закон «Об электронной подписи» от 06.04.2011 № 63-ФЗ (преимущественно в секторе B2B), Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 01.05.2017) «О защите прав потребителей».

По статусу субъектов цифровой товарный рынок подразделяется на сегменты: 1) Business-to-Business (B2B) – торговля между предпринимателями; 2) Business-to-Consumer (B2C) – торговля между предпринимателем и потребителем (гражданином, домохозяйством); 3) Consumer-to-Consumer (C2C) – торговля между гражданами (домохозяйствами); 4) Business-to-Government (B2G) – торговля между предпринимателем и государством (органом публичной власти), например сфера закупок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд. В настоящее время по количеству совершенных сделок (электронных транзакций) лидирует сегмент B2B, но более быстрыми темпами развивается B2C, в том числе, по показателю фактического объема покупок в интернет-магазинах стран с большим населением, таких как Бразилия, Китай и Россия (по данным ОЭСР).

По данным, приведенным в Стратегии государственной политики РФ в области защиты прав потребителей на период до 2030 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 28.08.2017 № 1837-р), доля продаж посредством сети Интернет в общем объеме оборота розничной торговли ежегодно увеличивается (2014 год – 0,7 %, 2015 год – 0,9 %, 2016 год – 1,1 %). По экспертным оценкам Ассоциации компаний интернет торговли (АКИТ), приведенным на официальном сайте Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека [2], объем онлайн-продаж в РФ в 2015 году вырос на 7 % к уровню 2014 года, составив 760 млрд руб. (при этом доля трансграничной торговли в этом объеме составила 2,9 %).

Посредством электронной торговли потребители получают все больше возможностей для выбора и приобретения товаров, работ и услуг от большего числа поставщиков и по более низким ценам. Преимущества электронной торговли для потребителей требуют надлежащего обеспечения правовыми средствами безопасности товаров, работ, услуг, раскрытия информации, защиты платежей и быстрого и справедливого разрешения споров. Поэтому Руководящие принципы Организации Объединенных Наций (ООН) для защиты интересов потребителей (прин. Генеральной Ассамблеей ООН 22.12.2015, резолюция № 70/186) рекомендуют правительствам стран разработать национальные стратегии по защите интересов потребителей, нацеленные на поощрение добросовестной деловой практики, которая может также применяться к электронной торговле в различных аспектах.

В Стратегии государственной политики РФ в области защиты прав потребителей на период до 2030 год (утв. распоряжением Правительства РФ от 28.08.2017 № 1837-р) при признании важности защиты прав потребителей указываются основные нарушения прав потребителей при приобретении товаров

(услуг) дистанционным способом в сети Интернет: реализация опасных товаров, не соответствующих обязательным требованиям; непоставка товара (неоказание услуги) по оплаченному договору; нарушение сроков поставки товара (оказания услуги); реализация некачественного товара (услуги) или товара (услуги), не соответствующего описанию (ожиданию); целенаправленное введение в заблуждение потребителя относительно потребительских свойств товаров; сокрытие или неполное раскрытие информации о продавце (изготовителе, исполнителе); уклонение от рассмотрения требований потребителя; невозврат (уклонение от возврата) уплаченных потребителем средств; отказ потребителю в возмещении убытков (неустоек). Отдельной проблемой является эффективное и оперативное пресечение распространения через сеть Интернет продукции, оборот которой запрещен либо ограничен (применяемый судебный порядок пресечения деятельности сайтов продавцов, осуществляющих продажу такой продукции дистанционным способом, хотя и является действенным, однако сопряжен со значительными временными затратами, а регистрация и перенос на новый ресурс (доменное имя) запрещенной информации могут занимать несколько минут).

Для решения указанных вопросов необходимы следующие концептуальные изменения.

В Законе РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 01.05.2017) «О защите прав потребителей» электронная торговля рассматривается как дистанционный способ продажи товара (ст. 26.1). Правила продажи товаров дистанционным способом (утв. постановлением Правительства РФ от 27.09.2007 № 612 (ред. от 04.10.2012) устанавливают одинаковые общие правила при продаже товаров: а) с использованием сетей почтовой связи; б) сетей электросвязи, в том числе информационно-телекоммуникационной сети Интернет; в) сетей связи для трансляции телеканалов и (или) радиоканалов; г) иными способами, исключающими возможность непосредственного ознакомления покупателя с товаром либо образцом товара при заключении такого договора.

Между тем использование каждого из названных способов дистанционной продажи товаров влечет существенные отличия в статусе продавцов, влияющие на порядок и условия продажи (заключение договора, способ доставки, роль технологических посредников и др.), а следовательно, на права и обязанности покупателя. Кроме того, Правила продажи товаров дистанционным способом не учитывают новеллы развития цифрового рынка. Например, в сети Интернет используются платформы-агрегаторы (в том числе социальных сетей), собирающие открытые данные с разнообразных сервисов в сети о пользователях, которые могут стать будущими покупателями товаров. С одной стороны, продавцы и производители товаров могут принимать быстрые решения о модификации производственной и торговой деятельности с учетом меняющихся запросов потребителей, что снизит их затраты и повысит удовлетворенность потребителей. Однако, как отмечается ОЭСР (доклад рабочей группы по статистике международной торговли товарами и услугами «Измерение цифровой торговли: к концептуальной основе» [3]), несмотря на преимущества агрегаторов, их использование приведет к повышению степени уязвимости потребителей перед рисками в плане конфиденциальности данных и кибербезопасности. Основанные на потребительских алгоритмах, системы способны собирать, регистрировать и агрегировать гигантские массивы персональных данных, к которым могут получить несанкционированный доступ другие стороны без согласия потребителей. Их правовой статус остается неурегулированным, а права потребителей — незащищенными. Например, во Франции было признано право потребителей на изъятие информации, находящейся в распоряжении коммерческих поставщиков онлайн-услуг связи (Закон № 2016-1321). Возможно, России также следует заимствовать данное положение.

Использование потоков данных необязательно приводит к торговой сделке и денежным расчетам как таковым, но может, например, генерировать доход от рекламы. Например, сайт социальной сети Facebook предлагает «бесплатные» услуги пользователям, которые взамен предоставляют свои данные. Нет никакой денежной транзакции между Facebook и пользователем, однако данные, собранные Facebook, являются основой доходов, которые компания получает от рекламодателя.

Одной из важных особенностей цифрового рынка международной торговли является возникновение посреднических технологических платформ, таких как: Amazon, Uber, Alibaba или AirBnB. Например, приложение компании Uber использует новую торговую цифровую услугу, которая позволяет совершать сделку между водителем такси и его пассажиром, управляя совершением сделки и платежа. Транзакция между водителем (владельцем) такси и пассажиром (потребителем) происходит в конкретной стране, но предоставление необходимых информационных услуг, проведение платежей и страховое покрытие предоставляются из другой страны (при условии, что Uber не оказывает услуги в стране происхождения). Хотя не все цифровые торговые операции требуют использования таких платформ, но они меняют экономические и конкурентные условия как на международном, так и национальном уровне, что требует регулирования их деятельности и учета в национальном законодательстве.

Появляются новые объекты права в связи с развитием новых цифровых рынков. Например, формирующиеся рынки 3D-печати приводят к появлению новых видов товаров — 3D (трехмерных) чертежей (моделей), которые можно либо купить в интернет-магазине, либо скачать с сайта в Интернете. Их нельзя отнести к товарам или услугам в традиционном понимании. Не являются они и базами данных или программами для ЭВМ (ст. 1261 ГК РФ). С одной стороны, 3D-чертежи (модели) создаются, модифицируются и хранятся с использованием ЭВМ и программ для ЭВМ. Но, с другой стороны, они являются графическими решениями, выполненными 3D-моделлерами и 3D-художниками. Вместе с

тем трехмерные модели могут считаться компонентами программы для ЭВМ в составе компьютерных игр, но только с того момента, как компьютерная игра начинает объективно существовать как единый объект [4, с. 40]. Таким образом, необходима новая классификация объектов электронной торговли на цифровом рынке.

Не до конца решен вопрос об обеспечении возврата платежа за товар при отказе покупателя от товара. С одной стороны, п. 21 Правил продажи товаров дистанционным способом устанавливает, что при отказе покупателя от товара продавец должен возратить ему сумму, уплаченную покупателем в соответствии с договором, за исключением расходов продавца на доставку от покупателя возвращенного товара, не позднее чем через 10 дней с даты предъявления покупателем соответствующего требования. С другой стороны, как потребитель может обеспечить выполнение данной обязанности продавцом? Можно использовать механизмы, выработанные в других странах. В Китае платежи за покупку товаров в интернет-магазинах осуществляются с привлечением третьей стороны. Потребитель депонирует причитающуюся по договору купли-продажи сумму третьей стороне, а последняя хранит ее у себя до получения потребителем товара, после чего при отсутствии жалоб со стороны потребителя переводит эту сумму продавцу. Однако данные отношения урегулированы не на уровне закона, а на уровне *lex mercatoria* (Доклад «Депонирование платежей у третьих лиц в электронной торговле» ЮНКТАД [5]).

В Пакистане после проведения общенациональной проверки мобильных идентификационных карт пользователей на основе их идентификационных данных и аннулирования всех неподтвержденных карт к установленному сроку потребители, располагая картой с подтвержденными данными, могут открывать дистанционные банковские счета для оплаты покупок в интернет-магазинах в большинстве банков своей страны непосредственно со своих мобильных телефонов.

В США и Европейском Союзе введен механизм возвратных платежей для покупок, сделанных с помощью банковских карт, что является законным правом потребителя в случае нарушения обязательства продавцом и не требует согласия продавца на списание средств с его счета. Возвратный платеж (*chargeback*) представляет собой процедуру опротестования транзакции банком-эмитентом (в целях защиты прав плательщика), при которой сумма платежа безакцептно списывается с получателя и возвращается плательщику, после чего обязанность доказательства истинности транзакции ложится на получателя.

Важным вопросом защиты прав потребителя является механизм урегулирования споров между потребителем и продавцом. Учитывая, что заключение сделок может происходить между продавцами и потребителями, находящимися в разных юрисдикциях, должны вырабатываться общие правила между странами.

По данным обследования, проведенного в 2013 году Международной ассоциацией потребителей по вопросу о защите интересов потребителей, 32 % стран имеют альтернативные механизмы урегулирования споров, связанных с электронной торговлей, включая посредничество, арбитраж, процедуры примирения, привлечение омбудсменов и использование комиссий по рассмотрению жалоб (см. http://ec.europa.eu/consumers/solving_consumer_disputes/non-judicial_redress/adr-odr/index_en.htm). Наиболее часто используемыми механизмами альтернативного урегулирования споров являются посредничество и арбитраж. Вынесенное решение может носить юридически обязательный характер (см. <http://www.consumer.ftc.gov/articles/0162-alternativedispute-resolution>).

Национальный секретариат по вопросам защиты прав потребителей Бразилии в 2014 году создал согласительную онлайн-процедуру (см. <http://www.consumidor.gov.br>). Этот государственный механизм позволяет наладить непосредственный обмен мнениями между потребителями и поставщиками для урегулирования споров в режиме онлайн. В настоящее время таким образом разрешаются 80% жалоб, а время удовлетворения жалоб потребителей составляет в среднем 7 дней. Эта услуга предоставляется государством в целях поощрения прямого взаимодействия между потребителями и продавцами и сокращения количества потребительских конфликтов. Воспользоваться этим механизмом могут лишь те компании, которые добровольно и официально зарегистрировались в системе.

Мексика в 2008 году запустила механизм онлайн-ого урегулирования споров под эгидой Канцелярии Федерального прокурора по делам потребителей (см. <http://concilianet.profeco.gob.mx/Concilianet/comosconciliar.jsp>). Этот механизм предоставляет потребителям, которые приобрели товары или услуги в режиме онлайн или обычным способом, доступ к согласительной процедуре, посредством которой они могут подавать и урегулировать жалобы через виртуальную интернет-платформу.

Европейская комиссия в 2016 году запустила платформу для урегулирования споров, с тем чтобы помочь потребителям и продавцам в разрешении споров, касающихся интернет-покупок, в режиме онлайн (см. <http://ec.europa.eu/consumers/odr/main/index.cfm>).

На основании вышеизложенного необходимо системное решение вопросов, связанных с обеспечением защиты прав потребителей на цифровом рынке, путем принятия специальных нормативных правовых актов и внесения изменений в отдельные действующие акты. Идти по пути «точного изменения законодательства», как предлагает Министерство промышленности и торговли РФ [6], – не самый лучший путь.

Основу правового регулирования электронной торговли на цифровом рынке должно составлять унифицированное международное законодательство, регулирующее международную коммерцию как

составную часть цифрового права. Государства и международные организации должны стремиться вырабатывать общие правила обращения товаров, гармонизировать законодательство о техническом регулировании в отношении товаров, работ и услуг, устанавливать общий порядок разрешения споров, связанных с защитой прав потребителей при транснациональных торговых отношениях.

Необходимы изменения в действующее российское законодательство. Так, представляется важным установить понятие агрегатора для разных сфер цифровых операций. В настоящее время понятие новостного агрегатора используется только ФЗ от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 25.11.2017) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ст. 10.4). Агрегатор (от лат. *aggregatio* – «накопление») – лицо, с использованием программы для ЭВМ собирающее, группирующее, обрабатывающее и распространяющее информацию в сети Интернет. Предлагается ввести требование запрашивать у потребителя согласие на использование и обработку его данных. Потребитель должен быть наделен правом отзыва и изъятия всех своих данных у агрегатора. Если агрегатор в сфере электронной торговли наделяется правом заключать договоры с потребителями, принимать платежи потребителей, осуществлять переводы на счет продавца, он должен являться финансовой организацией, подконтрольной Банку России, которая по правовому статусу будет близка к клиринговой организации и центральному контрагенту, действующим на финансовых рынках.

Необходима новая классификация объектов электронной торговли на цифровом рынке в связи с появлением новых объектов купли-продажи. Примером являются 3D (трехмерные) чертежи (модели), которые можно использовать в том числе для вывода на 3D-принтер. Они не являются базами данных или программами для ЭВМ (ст. 1261 ГК РФ), создаются, модифицируются и хранятся, а также печатаются с использованием ЭВМ и программ для ЭВМ. На наш взгляд, они являются графическими решениями и должны охраняться нормами авторского права, но имеется ряд специфических особенностей.

Представляется возможным создание электронной согласительной процедуры как альтернативного способа разрешения споров с участием прав потребителей, которые предусмотрены в зарубежных странах. Такие площадки можно интегрировать на официальном сайте электронной торговли, который может быть создан при участии Министерства промышленности и торговли РФ.

Библиографический список

1. Козинец Н.В. Эволюция правового регулирования трансграничной электронной торговли в законодательстве США // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 9 (58). С. 195–201.
2. Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека. URL: <http://77.rosпотrebnadzor.ru/index.php/napravlenie/zpp/4863-l-r-15-2017> (дата обращения 15.12.2017).
3. Доклад рабочей группы по статистике международной торговли товарами и услугами «Измерение цифровой торговли: к концептуальной основе» (Measuring digital trade: Towards a conceptual framework) STD/CSSP/WPTGS(2017)3, 22-24.03.2017. URL: [http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=STD/CSSP/WPTGS\(2017\)3&docLanguage=En](http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=STD/CSSP/WPTGS(2017)3&docLanguage=En) (дата обращения: 15.12.2017).
4. Гурко А. 3D-печать и право интеллектуальной собственности: взгляд в будущее // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2016. № 5. С. 29–42.
5. Доклад «Депонирование платежей у третьих лиц в электронной торговле» ЮНКТАД, Женева, 19.10.2016. URL: <http://unctad.org/en/Pages/MeetingDetails.aspx?meetingid=1157> (по состоянию на 18 апреля 2017 года).
6. Лучший путь регулирования электронной торговли – точечное изменение законодательства // Министерство промышленности и торговли РФ: офиц. сайт. URL: <http://minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/#!1340312586> (дата обращения: 18.10.2017).

References

1. Kozinets N.V. *Evolutsiia pravovogo regulirovaniia transgranichnoi elektronnoi trgovli v zakonodatel'stve SShA* [Evolution of legal regulation of cross-border electronic commerce in US legislation]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2015, no. 9(58), pp. 195–201 [in Russian].
2. *Ofitsial'nyi sait Federal'noi sluzhby po nadzoru v sfere zashchity prav potrebitelei i blagopoluchiiu cheloveka* [Official website of the Federal Service for Supervision over Consumer Rights Protection and Human Welfare]. Retrieved from: <http://77.rosпотrebnadzor.ru/index.php/napravlenie/zpp/4863-l-r-15-2017> [in Russian].
3. *Doklad rabochei gruppy po statistike mezhdunarodnoi trgovli tovarami i uslugami «Izmerenie tsifrovoi trgovli: k kontseptual'noi osnove»* [Report of the Working Party on Statistics of International Trade in Goods and Services «Measuring digital trade: Towards a conceptual framework»] STD/CSSP/WPTGS(2017)3, 22-24.03.2017. Retrieved from: [http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=STD/CSSP/WPTGS\(2017\)3&docLanguage=En](http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=STD/CSSP/WPTGS(2017)3&docLanguage=En) (accessed 15.12.2017) [in English].
4. Gurko A. *3D-pechat' i pravo intellektual'noi sobstvennosti: vzgliad v budushchee* [3D-print and the law of intellectual property: a look into the future]. *Intellektual'naia sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava* [Intellectual property. Copyright and related rights], 2016, no. 5, pp. 29–42 [in Russian].
5. *Doklad «Deponirovanie platezhei u tret'ikh lits v elektronnoi trgovle»* *IuNKTAD, Zheneva, 19.10.2016* [Report on «Deposit of payments from the third parties in electronic commerce» United Nations Conference on Trade and Development, Geneva, 19.10.2016. Retrieved from: <http://unctad.org/en/Pages/MeetingDetails.aspx?meetingid=1157> [in English].

6. *Luchshii put' regulirovaniia elektronnoi trgovli – tochechnoe izmenenie zakonodatel'stva* [The best way to regulate e-commerce - point-change of legislation]. *Ofitsial'nyi sait Ministerstva promyshlennosti i trgovli RF* [Official website of the Ministry of Industry and Trade of the Russian Federation]. Retrieved from: <http://minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/#!1340312586> [in Russian].

*A.N. Koroleva **

PROTECTION OF CONSUMERS' RIGHTS IN CONDITIONS OF FORMATION OF THE DIGITAL COMMODITY MARKET

In this article, the issues of improving the legal regulation of consumer rights protection of the digital market in the Russian Federation are considered, taking into account the analysis of foreign experience and recommendations of international organizations. Electronic commerce with the participation of consumers (B2C market segment) is developing at the fastest rates, and in some foreign countries it reaches 10-20% of the trade turnover. Meanwhile, a number of issues related to the protection of consumer rights of the digital market remain unresolved. The article examines the legal status of new participants in electronic commerce, for example, aggregators, including trade aggregators, aggregators of social networks, possible types of violations of consumer rights are analyzed and proposals on the need to regulate their rights and responsibilities in the digital market are submitted. If the aggregator in the field of electronic commerce is allowed to conclude contracts with consumers, accept payments from customers, transfer to the account of the seller, it must be a financial organization under the control of the Bank of Russia, which by legal status will be close to a clearing organization and a central counterparty operating in the financial markets. With the advent of new types of digital markets, for example, 3-D printing markets, new objects of sale and purchase, including 3D (three-dimensional) drawings (models) that can not be qualified either as goods (services) as objects of civil rights, nor as a database or a computer program (Article 1261 of the Civil Code of the Russian Federation). They are complex objects - graphics solutions, enclosed in three-dimensional designs, protected by copyright rules. The article analyzes the norms of Russian, foreign and international legislation, makes suggestions for improving the current legislation.

Key words: digital economy, information technology, commodity market, consumer protection.

* *Koroleva Anna Nikolaevna* (korolevaannan@mail@mail.ru), Department of Civil Procedure and Business Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

О СООТНОШЕНИИ ИННОВАЦИОННОГО И ИНФОРМАЦИОННОГО ПРАВА

Свобода научного, художественного и технического творчества, провозглашенная Конституцией России, претерпела значительные изменения в своем содержании в связи с развитием информатизации, информационных технологий и инновационными переменами в российской политике, экономике и праве. Помимо традиционного правового регулирования отношений в сфере интеллектуальной деятельности нормами гражданского права и права интеллектуальной собственности, появились новые комплексы правовых норм, которые в правовой науке обозначают как информационное и инновационное право. Сравнительный анализ этих двух правовых образований имеет существенное значение в современных условиях развития российского общества и права. В предлагаемой статье проводится исследование сходных черт и различий информационного и инновационного права с целью выработки дальнейших перспектив пути их развития.

Ключевые слова: информация, инновация, инновационное право, информационное право, законодательство, информационные технологии.

Для того чтобы провести сравнительный анализ между инновационным и информационным правом, целесообразно найти общие черты и различия этих комплексов правовых норм.

Первое сходство данных комплексов заключается в том, что они являются новыми, не до конца признанными в российской правовой доктрине.

Немного истории. Еще Платон употребил слово «кибернетика», характеризуя это явление как науку об управлении. Но курс правовой информатики и основ информационного права, по официальной версии, начал преподаваться в США в 1946 году, когда там была создана первая в мире электронно-счетная машина «ЭНИА» (электронный компьютер и вычислитель). В 1948 году Норберт Винер — американский ученый, выдающийся математик и философ, который считается основоположником кибернетики и теории искусственного интеллекта, — издал свою знаковую работу «Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине» [1]. В ней он доказал существование сложных динамических систем, в виде которых можно представить технические, биологические устройства, а самое главное — социальные системы (общество, сообщество, группы и др.).

Быстрое развитие кибернетики за рубежом сопровождалось появлением в советских изданиях критики буржуазных теорий, где, подобно генетике, получившей в 30-е годы клеймо «продажной девки империализма», кибернетика называлась лженаукой. Развитие информатики и кибернетики было связано с доказательством того положения, что компьютеры могут не только считать, но и обрабатывать информацию. Тогда же началась разработка первых информационно-поисковых систем. Интенсивное развитие науки и техники, получившее в философии наименование научно-технической революции, вынудило в конце 60-х годов признать партию и правительство Советского Союза необходимость применения кибернетики в гуманитарных науках, в частности в праве.

Затем был принят ряд нормативных актов, в частности Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 21.05.1963 № 564 «Об улучшении руководства внедрением вычислительной техники и автоматизированных систем управления в народное хозяйство». Появились первые АСУ (автоматизированные системы управления) в министерстве внутренних дел, потом в органах прокуратуры и юстиции, постепенно преобразовались в единую систему информационного обеспечения ГАСУ (государственные автоматизированные системы) «Выборы», «Правосудие», «Персона» и др.

С появлением персональных ЭВМ и Интернета начинается формирование информационного права. Разработка концепции информационного права и преподавание этой дисциплины в вузах было положено правоведами уголовно-процессуального направления. В Воронежском государственном университете профессор Ю.Г. Просвирнин с 1985 года начал читать курс правовой кибернетики и информатики, основываясь на изданной в ЧССР книге «Кибернетические направления в праве». Позднее им было издано учебное пособие «Информационное право» и еще ряд работ по данной проблематике [2].

В Московском государственном университете проблемами криминалистической кибернетики занимался профессор Н.С. Полевой. В 1989 году вышло второе издание его научной работы «Криминалис-

* © Свиридов В.А., 2017

Свиридов Владимир Анатольевич (witla@mail.ru), кафедра гражданского процессуального и предпринимательского права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

тическая кибернетика». Позднее появились его новые интересные исследования по правовой информатике и кибернетике [3].

Развитие информатики, информатизации и применения компьютерной техники привело к появлению нового вида правоотношений – информационных, в связи с чем М.М. Рассоловым была исследована проблема формирования новой отрасли российского права – информационного права [4]. В дальнейшем появились новые учебники и учебные пособия по информационному праву различных авторов (И.Л. Бачило, М.А. Федотов, В.А. Копылов и др.).

Идея о существовании инновационного права возникла значительно позже, ближе к началу XXI века. В сборнике, посвященном 30-летию юридического факультета Куйбышевского государственного университета была опубликована моя статья «О концепции инновационного права», в которой были изложены основные положения о существовании комплекса норм, регулирующих отношения в сфере инновационной деятельности. Этой проблеме была посвящена также одна из глав учебного пособия «Право интеллектуальной собственности» [6]. Затем вышли монография М.В. Волынкиной «Правовое регулирование инновационной деятельности: проблемы теории» (2007 г.), глава в учебнике «Коммерческое право» и серьезное исследование «Правовая инноватика (правовое регулирование инновационной деятельности)» профессора О.А. Городова (2008 г.), монография Т.В. Ефимцевой «Инновационное право Российской Федерации» (2014 г.) и др.

Одной из главных проблем при формировании новой отрасли, подотрасли или института права является проблема места данной совокупности правовых норм в системе российского права. В юридической литературе было высказано несколько точек зрения по этому вопросу. Ученые-правоведы писали о том, что информационное право – это:

- 1) комплексная отрасль публичного права;
- 2) система норм права, регулирующая общественные отношения в информационной сфере общества и его составляющих частей;
- 3) правовой фундамент информационного общества, активно формирующегося по всем странам и континентам с помощью глобальных информационных сетей и иных новых информационных технологий;
- 4) право, действующее лишь в рамках организационно-правовых форм регламентации общественных отношений, возникающих в процессе аккумуляции, аналитической обработки и распространения информации с помощью электронных средств).

Все эти определения не совсем точно характеризуют место информационного права в системе права.

В своей работе «Юрист и Интернет» (Самара, 2000 г.), мы отмечали ранее, что информационное право входит в подотрасль «право интеллектуальной собственности», которая, в свою очередь, включена в отрасль российского гражданского права. Это было обусловлено тем положением, что в соответствии со ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) информация являлась одним из видов объектов гражданских прав.

Исключение информации как объекта гражданских прав из ст. 128 ГК РФ было связано главным образом с принятием части 4 ГК РФ. Появилось новое понятие – *ноу-хау*, которое ранее упоминалось в праве интеллектуальной собственности как право на незапатентованные или неохраняемые национальным законодательством объекты изобретательского права или объекты в сфере международного частного права.

Это позволяет выделить такой аспект информации, как ее ценность и значение для отдельных отраслей деятельности. Не всякая информация подлежит правовой охране, а секреты производства (*ноу-хау*), информация, содержащая сведения, относящиеся к коммерческой, банковской, налоговой тайне, секретная информация и т. д. Говоря о гражданско-правовой природе информационного и инновационного права, следует также напомнить, что согласно ст. 1259 ГК РФ информационные материалы не являются объектами авторского права, то есть информационные и инновационные отношения в предмет гражданского права не входят (за исключением прямого плагиата научных публикаций).

Обобщая вышеизложенное, можно сказать, что при определении правовой природы и разработки понятия инновационного и информационного права возникают определенные трудности. Профессор О.А. Городов, например, предлагает следующее определение информационного права: «Информационное право – система правовых норм, регулирующих на комплексной основе дозволений, позитивных обязанностей и запретов область общественных отношений по поиску, передаче, производству и распространению информации и производных от нее продуктов, а также смежных с ними отношений, признанных действующим законодательством информационными» [5]. При этом он предполагает, что информационное право занимает самостоятельное место в системе права и можно считать информационное право комплексной отраслью права.

Такой подход к определению отраслевой принадлежности был бы уместным и по отношению к инновационному праву. Но поскольку выделение комплексных отраслей в российском праве до сих пор вызывает сомнения, целесообразнее говорить о том, что пока место инновационного и информационного права в системе российского права окончательно не определено.

Возможно, соответственно, сформулировать примерно такое определение инновационного права. Инновационное право – система правовых норм, регулирующих общественные отношения по созда-

нию, использованию, распространению и реализации инноваций и инновационных проектов, охране объектов инновационной деятельности и защите прав и интересов ее участников.

Мы рассматриваем информационное и инновационное право не только как комплекс правовых норм, но и как новые учебные дисциплины. В этом плане информационному праву повезло больше, чем инновационному. Преподавание информационного права или подобных ему дисциплин началось, как было уже отмечено, в Воронежском государственном университете профессором Ю.Г. Просвирным с 1985 года. В начале XXI века этот предмет вошел в учебные планы многих юридических вузов. Инновационное же право в это время стало преподаваться будущим юристам в Самарском государственном университете с 2000 года в порядке эксперимента на специальном факультете. К сожалению, эксперимент не удался, так как не было ни теоретической и учебной литературы, ни законодательной базы для преподавания этой дисциплины. Впоследствии этот предмет преподавался в двух самарских вузах и филиалах московских, а сейчас входит в предметы магистерских программ в Самарском университете.

Основные различия между инновационным и информационным правом состоят в следующем. Информационное право является определяющим по отношению к инновационному, поскольку инновационные процессы основываются на научной, технической и технологической информации. Нет информации — нет и инноваций.

Следующее различие проявляется в формировании информационного и инновационного законодательства. Нормативные акты, регулирующие информационные отношения, не только относительно давно были приняты, но в них уже вносились существенные изменения, которые коснулись не только содержания, но даже и названия закона. Законодательное регулирование информационных отношений базируется на Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (Собрание законодательства РФ. 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3448) с последующими изменениями и дополнениями.

Специального закона, регулирующего инновационную деятельность, нет. В 1999 году был принят Государственной думой, одобрен Федеральным Собранием России, но не подписан президентом Б.Н. Ельциным проект закона «Об инновационной деятельности и государственной инновационной политике». В некоторых регионах Российской Федерации и странах СНГ были приняты законы, связанные с правовым регулированием инновационной деятельности, но в основном они касались вопросов федеральной поддержки региональных инновационных программ и проектов. Конечно, это не решило вопроса законодательного регулирования инновационных отношений на федеральном уровне.

Большое значение для инновационного и информационного права в научном и учебном смысле имеет формирование понятийного аппарата. Основные понятия и термины, относящиеся к информационному праву, содержатся в Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». (Далее — Закон об информации). Можно обратить внимание на не совсем удачное с точки зрения правовой техники формулирование многих из этих понятий. Возьмем хотя бы самое основное понятие — информации.

В Законе об информации под информацией понимаются сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления. Даже данное в простом словаре иностранных слов понятие информации можно признать более удачным: «Информация (лат. informatio “осведомление”) — 1) сведения, передаваемые людьми устным, письменным или техническим способом; 2) сведения, являющиеся объектом хранения, переработки и передачи, напр. генетическая информация» [7].

Что касается понятийного аппарата инновационного права, то основные термины и определения для этой области правоведения содержатся в Федеральном законе от 23 августа 1996 года № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (Собрание законодательства Российской Федерации. 1996, № 35, ст. 4137, с посл. изм. и доп.). Причем внести в закон эти понятия и термины предлагалось еще при принятии этого закона, но произошло это только после того, как 21 июля 2011 г. был принят Федеральный закон № 254-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике».

Помимо главного понятия, понятия инновации, как введенного в употребление нового или значительно улучшенного продукта (товара, услуги) или процесса, нового метода продаж или нового организационного метода в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях, были определены понятия «инновационный проект», «инновационная инфраструктура». А самое главное, появилось наконец легальное определение инновационной деятельности — это деятельность (включая научную, технологическую, организационную, финансовую и коммерческую деятельность), направленная на реализацию инновационных проектов, а также на создание инновационной инфраструктуры и обеспечение ее деятельности. Не лишним будет добавить, что неудачная трактовка этого понятия в проекте закона «Об инновационной деятельности и государственной инновационной политике» как раз и явилась главной причиной отклонения Президентом России принятого закона.

Появляются все новые и новые термины, связанные с информационным и инновационным правом: информационные технологии, цифровая экономика, искусственный интеллект и др. На примере одного из таких понятий, понятия информационных технологий, постараемся показать, что и сами понятия, и законодательство, связанное с ними, пока только формируются. Понятие информационных

технологий дано в Законе об информации: информационные технологии — процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов.

В последнее время эти процессы в наибольшей степени связывают с использованием электронно-вычислительной техники и развитием сети Интернет. Кстати, современные студенты без труда находят нужные понятия в мировой глобальной сети. В частности, мы легко можем найти определение информационных технологий в Википедии. Помимо понятия, содержащегося в законе, здесь приводятся еще два значения этого термина: это приемы, способы и методы применения средств вычислительной техники при выполнении функций сбора, хранения, обработки, передачи и использования данных (ГОСТ 34.003-90); ресурсы, необходимые для сбора, хранения, обработки, хранения и распространения информации (ISO/IEC 38500:2008). А вот какое понятие информационных технологий дается в Seopedia: информационные технологии (ИТ, от англ. *information technology, IT*) — широкий класс дисциплин и областей деятельности, относящихся к технологиям управления и обработки данных, в том числе с применением вычислительной техники. Представляется, что сейчас главное — не сбор, а обработка информации и применение информационных технологий на практике.

Несмотря на то что в последнее время все больше говорят и пишут об искусственном интеллекте, который в ближайшем будущем якобы сможет заменить судей, адвокатов и других практикующих юристов, думается, что говорить об этом пока рано. Еще одна общая черта информационного и инновационного права, что эти правовые комплексы регулируют общественные отношения в сфере творческой деятельности. Поэтому в одинаковой степени нормы о единых технологиях, закрепленные в части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации, относятся и к информационному, и к инновационному праву. И конечно, все эти новые процессы и понятия требуют дальнейшего осмысления и разработки. Федеральный закон Российской Федерации от 25 декабря 2008 г. № 284-ФЗ «О передаче прав на единые технологии» — пока только первая ступенька на пути решения конкретных технологических проблем.

Хотелось бы обратить внимание еще на одну проблему — использование информации, определяемой в качестве экстремистской. Статьей 13 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», пунктом 7 Положения о Министерстве юстиции Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 13.10.2004 № 1313, на Минюст России были возложены функции по ведению, опубликованию и размещению в сети Интернет федерального списка экстремистских материалов. Информационные материалы признаются экстремистскими федеральным судом по месту их обнаружения, распространения или нахождения организации, осуществившей производство таких материалов, на основании представления прокурора или при производстве по соответствующему делу об административном правонарушении, гражданскому или уголовному делу.

Федеральный список экстремистских материалов формируется на основании поступающих в Минюст России копий вступивших в законную силу решений судов о признании информационных материалов экстремистскими. При этом наименования и индивидуализирующие признаки информационных материалов включаются в федеральный список экстремистских материалов в строгом соответствии с резолютивной частью решения суда. Обжалование решений судов о признании информационных материалов экстремистскими осуществляется в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации. Законодательством Российской Федерации предусмотрена ответственность за производство, хранение или распространение экстремистских материалов.

В качестве примера можно привести одно из административных дел в отношении книжного магазина «Пиквик» города Самары. В 2011 году на сайте прокуратуры Самарской области появилось сообщение о том, что «в магазине «Пиквик» осуществляется свободная продажа книг Л.Рона Хаббарда «Настольная книга для преклиров», «Наука выживания», «Дианетика: эволюция науки», «Введение в саентологическую этику», «Самоанализ», которые признаны судом экстремистскими и внесены в федеральный список экстремистских материалов».

Данное сообщение не соответствовало действительности, так как правовое основание еще не вступило в силу (решение Сургутского городского суда от 26 марта 2010 г.), но работы Л. Рона Хаббарда были уже внесены в Список экстремистских материалов. Однако уже давно, 1 февраля 2011, решение Сургутского суда было отменено и вынесено новое решение, которым вышеназванная и другая литература и лекции Л. Рона Хаббарда признаны законными. Они свободны к распространению не только в России, на всей ее территории, но и в более чем 165 странах мира. Вероятно, реакция прокуратуры на мнимое нарушение закона, которое «обнаружено» «в ходе мониторинга средств массовой информации, в том числе сети Интернет», произошла вследствие неосведомленности. Решение суда (города Сургута), по которому данные материалы были признаны экстремистскими, было отменено.

Поэтому в данном случае возбуждение дела об административном правонарушении и внесение представления оказались необоснованными, и книжный магазин «Пиквик» от уплаты штрафа был освобожден.

Приведенный пример лишний раз подтверждает положение, что не любая информация, а только имеющая определенную ценность как коммерческая, секретная, а в данном случае экстремистская,

имеет правовое значение. Вызывает сомнение, насколько полезна в правовом и моральном смысле общедоступность списков запрещенных экстремистских материалов. Попытка найти в Интернете музыкальный альбом «Музыка белых» группы Order показала, что и альбом, и песни группы в Интернете можно легко не только послушать, но и закачать в свой компьютер. Можно, например, почитать в Интернете книгу «Майн Кампф» Адольфа Гитлера. Как же тогда можно добиться запрета на распространение экстремистской литературы и привлекать не мнимых, а истинных экстремистов к ответственности?

Итак, мы показали основные сходные черты и отличия двух новых правовых комплексов – инновационного и информационного права. Общие черты между информационным и инновационным правом позволяют говорить о возможной конструкции, которая могла бы соединить информационное и инновационное право в определенный (возможно, и самостоятельный) комплекс правовых норм с более четким определением этой конструкции в системе российского права.

Для этого следует совершенствовать информационное и инновационное законодательство, вписать данные правовые дисциплины в учебные планы вузов и учитывать основные тенденции развития информационных и инновационных процессов.

Библиографический список

1. Норберт Винер. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине / пер. с англ. И.В. Соловьева и Г.Н. Поварова; под ред. Г.Н. Поварова. 2-е изд. М.: Наука; Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1983. 344 с.
2. Просвирнин Ю.Г. Информационное право: учеб. пособ. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2003. 632 с.
3. Правовая информатика и кибернетика: учебник / Атанесян Г.А., Гаврилов О.А., Дери П., Каблуков А.Г. [и др.]; под ред. Н.С. Полевой. М.: Юрид. лит., 1993. 528 с.
4. Рассолов М.М. Информационное право: учебное пособие. М.: Юристъ, 1999. 400 с.
5. Городов О.А. Информационное право: учебник для бакалавров. М.: Проспект, 2013.
6. Свиридов В.А. О концепции инновационного права // Государство и право: вопросы методологии, теории и практики функционирования / под ред. А.А. Напреенко. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001. С. 207–223.
7. Петрова М.В. Словарь иностранных слов. М.: РИПОЛ классик; СПб.: ООО «Издательство “Пальмира”», 2017.

References

1. Norbert Wiener. *Kibernetika, ili Upravlenie i svyaz' v zhivotnom i mashine. Per. s angl. I.V. Solov'eva i G.N. Povarova; Pod red. G.N. Povarova. 2-e izdanie* [Cybernetics: or Control and Communication in the Animal and the Machine. Translation from English by I.V. Solovyova and G.N. Povarov; G.N. Povarov (Ed.). 2nd edition]. M.: Nauka; Glavnaia redaktsiia izdaniia dlia zarubezhnykh stran, 1983, 344 p. [in Russian]
2. Prosvirnin Yu.G. *Informatsionnoe pravo: ucheb. posob.* [Information law: tutorial]. Voronezh: Izd-vo VGU, 2003, 632 p. [in Russian].
3. *Pravovaya informatika i kibernetika. Uchebnik. Atanesian G.A., Gavrilov O.A., Deri P., Kablukov A.G., i dr.; Pod red.: Polevoi N.S.* [Atanesyan G.A., Gavrilov O.A., Dery P., Kablukov A.G. etc. Legal informatics and cybernetics. Textbook; Polevoy N.S. (Ed.)]. M.: Iurid. lit., 1993, 528 p. [in Russian].
4. Rassolov M.M. *Informatsionnoe pravo: Uchebnoe posobie* [Information law: Tutorial]. M.: Iurist», 1999, 400 p. [in Russian].
5. Gorodov O.A. *Informatsionnoe pravo: uchebnik dlia bakalavrov* [Information law: textbook for bachelors]. M.: Prospekt, 2013, p. 22 [in Russian].
6. Sviridov V.A. *O kontseptsii innovatsionnogo prava* [About the concept of innovative law]. In: *Gosudarstvo i pravo: voprosy metodologii, teorii i praktiki funktsionirovaniia. Pod red. A.A. Napreenko* [State and law: issues of methodology, theory and practice of functioning. A.A. Napreenko (Ed.)]. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2001, pp. 207–223 [in Russian].
7. Petrova M.V. *Slovar' inostrannykh slov* [Dictionary of foreign words]. M.: RIPOL klassik; SPb.: ООО «Izdatel'stvo “Pal'mira”», 2017, p. 93 [in Russian].

*V.A. Sviridov****ABOUT THE CORRELATION OF INNOVATIVE AND INFORMATION LAW**

The freedom of scientific, art and technical creativity, proclaimed by the Constitution of Russia, underwent considerable changes in its contents in connection with the development of informatization, information technologies and innovative changes in the Russian policy, economy and law. Besides traditional legal regulation of relations in the sphere of intellectual activity by the norms of civil law and intellectual property law new complexes of legal norms, which in legal science are denoted as information and innovative law, appeared. Comparative analysis of these two legal formations has essential value in modern conditions of development of modern Russian society and law. In the offered article research of similarities and distinctions of information and innovative law for the purpose of development of further prospects of the way of their development is conducted.

Key words: information, innovation, innovative law, information law, legislation, information technologies.

* *Sviridov Vladimir Anatolyevich* (witla@mail.ru), Department of Civil Procedural and Entrepreneurial Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

УДК 34.096

С.С. Татаринова*

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА И ПРАВО: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ – НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Статья освещает проблемы и перспективы развития цифровой экономики в России, оценивает вызовы, с которыми предстоит столкнуться российской правовой системе при переходе к цифровой экономике. Автор приводит и анализирует ряд подходов к определению термина «цифровая экономика», существующих на сегодняшний день, и делает вывод о необходимости доработки категории «цифровая экономика». В статье прогнозируются сферы общественной жизни, где уже возникла или в скором времени может возникнуть необходимость совершенствования нормативно-правового регулирования, исходя из потребностей цифрового общества.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровое общество, общество знаний, правовое регулирование цифровой экономики.

В последние годы можно наблюдать значительные изменения как в обществе в целом, так и в отдельных его сферах, связанные со все более широким распространением информационных технологий. В процессе перехода к цифровому обществу неизбежно изменение базовых экономических парадигм. Дискуссии о перспективах развития цифровой экономики в России особенно актуализировались в последний год. При этом особое внимание развитию цифровой экономики уделяется и на государственном уровне. Еще в декабре 2016 года в своем послании Федеральному Собранию Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин впервые назвал переход к цифровой экономике в числе стратегических принципов развития России. Спустя чуть менее полугода Указом Президента Российской Федерации № 203 от 9 мая 2017 г. была утверждена «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». А чуть позже Распоряжением Правительства Российской Федерации № 1632-р от 28 июля 2017 г. была утверждена программа «Цифровая экономика Российской Федерации», основной целью которой является создание необходимых условий для развития цифровой экономики в России.

Очевидно, что переход к цифровой экономике затронет не только существующие экономические парадигмы, но и потребует формирования нормативно-правовой базы, которая станет основой регулирования обширной сферы качественно новых правоотношений, возникающих с развитием цифрового общества. Сама программа «Цифровая экономика Российской Федерации» в качестве одной из основ развития цифровой экономики называет необходимость формирования нормативного регулирования экономической сферы, соответствующего современным потребностям цифрового общества. Поэтому вопросы, связанные с развитием цифровой экономики в России, интересны не только с точки зрения экономической теории, но и с точки зрения права, причем как в теоретическом, доктринальном аспекте, так и в большей степени в практическом.

Сегодня мы становимся свидетелями глобальной трансформации экономических основ общества. Если в индустриальной экономике рост производства характеризуется наращиванием физических размеров предприятия: увеличением количества оборудования, его мощности, расширением штата сотрудников и т. д., то в настоящее время мир вступает в эпоху постиндустриальной цифровой экономики, которая кардинально изменяет ситуацию: на первое место выходят проблемы, связанные с развитием информационной сферы, средств массовой информации и коммуникаций, использованием современных информационных систем для развития экономики и стабилизации общественного развития в целом [1, с. 11]. Эксперты предрекают, что в 2018–2020 гг. закончится индустриальная фаза роста мировой экономики, и ее дальнейшее развитие будет осуществляться под все большим воздействием когнитивных факторов и производств, основанных на принципах lean production, аддитивных, нано- и биотехнологиях [2, с. 18]. Само понятие «цифровизация» свидетельствует о новой стадии совершенствования управления производством товаров и услуг и самого производства на основе «сквозного» применения современных информационных технологий, начиная от Интернета вещей и заканчивая технологиями электронного правительства [2, с. 17].

С точки зрения развития права в контексте перехода к цифровой экономике важным вопросом является формирование понятийного аппарата. И первой закономерно встает проблема закрепления

* © Татаринова С.С., 2017

Татаринова Светлана Сергеевна (svetl.tatarinova@gmail.com), кафедра гражданского процессуального и предпринимательского права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

категории «цифровая экономика». Сам термин «цифровая экономика» был впервые введен Николасом Негропonte — американским информатиком, профессором Массачусеттского технологического института, в 1995 году [3]. Тем не менее на сегодняшний день не сформировалось единообразного подхода к определению содержания данной категории. Проанализируем несколько определений термина «цифровая экономика», которые приводятся в экономической доктрине.

Весьма широкое определение понятия «цифровая экономика» приводит доктор экономических наук, член-корреспондент РАН — В.В. Иванов: «Цифровая экономика — это виртуальная среда, дополняющая нашу реальность» [4]. Однако такое определение, на наш взгляд, не выделяет существенных характеристик цифровой экономики. Пожалуй, таким же образом можно определить не только цифровую экономику, но и любую другую сферу, развивающуюся с применением инновационных информационных технологий и технологий виртуальной реальности.

В свою очередь, В.М. Матвеева, ссылаясь на доклад Всемирного банка 2016 года, рассматривает «цифровую экономику» как «парадигму ускорения экономического развития с помощью цифровых технологий» [5].

Несколько иное, более конкретизированное понятие «цифровой экономики» приводят в своей статье Н.К. Норец, А.А. Станкевич, определяя ее как «систему экономических и политических, социальных и культурных отношений, основанных на использовании цифровых (компьютерных) информационно-коммуникационных технологий» [6, с. 174].

Вместе с тем профессор Р.В. Мещеряков считает, что к определению термина «цифровая экономика» существует два подхода. Первый подход — классический: «цифровая экономика» — это экономика, основанная на цифровых технологиях и при этом правильнее характеризовать ее исключительно как область электронных товаров и услуг. Классические примеры — телемедицина, дистанционное обучение, продажа медиаконтента (кино, ТВ, книги и пр.). Второй подход — расширенный: цифровая экономика — это экономическое производство с использованием цифровых технологий. При этом, как отмечает Р.В. Мещеряков, в настоящее время некоторые эксперты считают, что надо расширять это понимание и включать в него цепочку товаров и услуг, которые оказываются с использованием цифровых технологий, в том числе такие понятия, как: *Интернет вещей, Индустрия 4.0, умная фабрика, сети связи пятого поколения, инженеринговые услуги прототипирования* и прочее [4].

Более универсальное определение термина «цифровая экономика» предлагает Н.В. Василенко, определяя ее как «тип экономики, характеризующийся активным внедрением и использованием цифровых технологий хранения, обработки и передачи информации во все сферы человеческой деятельности» [7, с. 149].

Схожей позиции придерживаются Н.А. Стефанова и И.В. Сударушкина, рассматривая цифровую экономику как «результат трансформационных эффектов новых технологий общего назначения в области информации и коммуникации, которые влияют на все секторы экономики и социальной деятельности» [8, с. 182].

В свою очередь, А.А. Энговатова — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики инноваций экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, — дает такое определение: «Цифровая экономика — это экономика, основанная на новых методах генерирования, обработки, хранения, передачи данных, а также цифровых компьютерных технологиях. В рамках данной экономической модели кардинальную трансформацию претерпевают существующие рыночные бизнес-модели, модель формирования добавочной стоимости существенно меняется, значение посредников всех уровней в экономике резко сокращается. Кроме того, увеличивается значение индивидуального подхода к формированию продукта — ведь теперь мы можем смоделировать все, что угодно» [4].

Анализ существующих подходов к определению термина «цифровая экономика» позволяет утверждать, что достаточно часто «цифровая экономика» описывается как результат либо как процесс «цифровой трансформации экономики». Нельзя не согласиться с мнением К.В. Якушенко и А.В. Шиманской, что на данный момент понятие «цифровая трансформация экономики» не устоялось в научных кругах, чаще всего его используют бизнес-сообщества и представители государственных и наднациональных структур. Однако в рамках ЕАЭС представляется четкое понимание того, что такое цифровая трансформация экономики, а именно:

- смена экономического уклада, изменение традиционных рынков, социальных отношений, государственного управления, связанная с проникновением в них цифровых технологий;
- принципиальное изменение основного источника добавленной стоимости и структуры экономики за счет формирования более эффективных экономических процессов, обеспеченных цифровыми инфраструктурами;
- переход функции лидирующего механизма развития экономики к институтам, основанным на цифровых моделях и процессах.

Президент Делового совета ЕАЭС Виктор Христенко также отмечает, что цифровая трансформация экономики — это разговор не об информационных технологиях, а в большей степени «про слом существующих представлений о бизнесе, хозяйствовании, управлении, конкурентоспособности, прибыли... это коренное изменение того, к чему мы привыкли» [1, с. 12].

Важно отметить, что «технологически цифровая экономика представляет собой среду, в которой юридические и физические лица могут контактировать между собой по поводу совместной деятельности»

[2, с. 18]. Однако здесь необходимо было бы уточнить, что в контексте приведенного определения должна рассматриваться не всякая совместная деятельность, а именно деятельность экономическая, т. е. связанная с процессом создания, перераспределения или обмена благами с целью удовлетворения определенных потребностей.

С точки зрения технической реализации система цифровой экономики основывается на создании цифровых платформ. В теоретическом плане цифровая платформа — это своеобразная площадка в виде информационной системы, которая поддерживает комплекс автоматизированных процессов, необходимых для потребления цифровых товаров и услуг заинтересованными акторами (как рядовыми потребителями и бизнес-сообществом, так и государственными структурами) на цифровых рынках. Цифровая платформа призвана выполнять интеграционную, транзакционную и технологическую функции [1, с. 14].

На сегодняшний день основное легальное понимание термина «цифровая экономика» можно вывести из текста программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Здесь «цифровая экономика» описывается как экономика, в которой данные в цифровой форме являются ключевым фактором производства во всех сферах социально-экономической деятельности и в которой обеспечено эффективное взаимодействие, включая трансграничное, бизнеса, научно-образовательного сообщества, государства и граждан. Подобное определение понятия «цифровая экономика», возможно, не отражает в полной мере все правовые особенности понимания данного термина, однако на сегодняшний день является, по нашему мнению, наиболее универсальным и практически применимым.

Для того чтобы понять, какие вызовы предстоит решать правовому сообществу в связи с переходом к цифровой экономике, обратимся к содержанию цифровой экономики. Здесь следует оговориться, что помимо неопределенности самого термина «цифровая экономика», не выработано и единого подхода к определению ее содержания и структуры.

К примеру, Н.В. Василенко называет три базовые составляющие цифровой экономики:

— инфраструктура, включающая аппаратные средства, программное обеспечение, телекоммуникации и т. д.;

— электронные деловые операции, охватывающие бизнес-процесс, реализуемые через компьютерные сети в рамках виртуальных взаимодействий между субъектами виртуального рынка;

— электронная коммерция, подразумевающая поставку товаров с помощью Интернета и представляющая собой в настоящее время самый крупный сегмент цифровой экономики [7, с. 149].

Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» рассматривает сферу цифровой экономики значительно шире и выделяет три уровня, которые в своем тесном взаимодействии влияют на жизнь граждан и общества в целом:

— рынки и отрасли экономики (сферы деятельности), где осуществляется взаимодействие конкретных субъектов (поставщиков и потребителей товаров, работ и услуг);

— платформы и технологии, где формируются компетенции для развития рынков и отраслей экономики (сфер деятельности);

— среда, которая создает условия для развития платформ и технологий и эффективного взаимодействия субъектов рынков и отраслей экономики (сфер деятельности) и охватывает нормативное регулирование, информационную инфраструктуру, кадры и информационную безопасность.

Таким образом, основными сферами общественных отношений, требующими правового регулирования, в рамках цифровой экономики являются:

— сфера производства: lean production, или «бережливое производство» за счет автоматизированного сбора, анализа и обработки показателей в децентрализованных системах любого уровня (в сферах сельского хозяйства, строительства, производства товаров и услуг); инновационные методы управления проектами (Agile, Scrum, Kanban, PRINCE2 и др.); управление цепочками поставок и автоматизация документооборота на основе технологий «блокчейн» (blockchain) и др.;

— сфера финансового обращения: осуществление электронных расчетов; использование криптовалют; ICO (Initial Coin Offering) или первичное размещение токенов, и др.;

— сфера электронной торговли: рекламирование товаров и услуг с применением технологий анализа «больших данных» (big data), применение отраслевых агрегаторов в сфере реализации товаров и услуг (Яндекс Market, AliExpress, Amazon, Uber, Airbnb и т. д.) и др.

Это лишь некоторые из областей, в которых на сегодняшний день наиболее остро ощущается необходимость совершенствования правового регулирования. Однако с развитием цифровой экономики, очевидно, многие традиционные отрасли подвергнутся существенной трансформации и потребуют новых законодательных решений. При этом важно отметить, что на данный момент российское законодательство в определенной мере отстает от законодательства США и Европы. Хотя справедливости ради следует оговориться, что в законодательстве США и ведущих европейских государств далеко не все аспекты развития цифрового общества урегулированы на должном уровне. Многими учеными-правоведами и практиками неоднократно отмечалась острая необходимость формирования нормативно-регулирующего в самых разных «цифровых» сферах, таких как: электронная торговля, применение систем распределенных данных, осуществление электронных расчетов и использование криптовалют, развитие машинного обучения и систем искусственного интеллекта и др.

Все это — новые вызовы для общества, нуждающиеся в четком и адекватном правовом регулировании, при отсутствии которого неизбежно возникновение проблем, связанных с разработкой и внедрением инновационных технологий в хозяйственный оборот и применением цифровых методов, что в ближайшее время может стать определяющим фактором в укреплении конкурентной позиции государства на глобальном рынке.

Современное состояние законодательства РФ обнажает большое количество пробелов правового регулирования в сфере цифровой экономики. Тем не менее вызовы современного общества — это зоны неизвестности, которые несут не только сложности, но и стратегические возможности для лидерства на межгосударственном уровне. Они способны стимулировать качественно новый виток развития российского права, позволяющий создать систему правового регулирования, соответствующую современным реалиям. Государства, которым удастся своевременно создать наиболее приемлемые регуляторы для субъектов цифровой экономики, смогут занять лидирующие позиции в новой экономической формации.

Библиографический список

1. Якушенко К.В., Шиманская А.В. Цифровая трансформация информационного обеспечения управления экономикой государств — членов ЕАЭС // *Новости науки и технологий*. 2017. № 2(41). С. 11–20.
2. Панышин Б.Н. Цифровая экономика: особенности и тенденции развития // *Наука и инновации*. 2016. № 3(157). С. 17–20.
3. Negroponte N. *Being Digital* / N. Negroponte. NY: Knopf, 1995. 256 p.
4. Урманцева А. Цифровая экономика: как специалисты понимают этот термин [Электронный ресурс] // *РИА Новости* / *РИА Наука* — Москва, 2016 г. URL: <https://ria.ru/science/20170616/1496663946.html> (дата обращения: 10.11.2017).
5. Матвеева В.М. Цифровая экономика: тренды и перспективы // *Инновационное развитие социально-экономических систем: условия, результаты и возможности: сб. материалов V Международной науч.-практ. конф.* М., 2017. С. 98–104.
6. Норец Н.К., Станкевич А.А. Цифровая экономика: состояние и перспективы развития // *Инновационные кластеры в цифровой экономике: теория и практика: труды научно-практической конференции с международным участием 17–22 мая 2017 года* / под ред. д-ра экон. наук, проф. А. В. Бабкина. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. С. 173–179.
7. Василенко Н.В. Цифровая экономика: концепции и реальность // *Инновационные кластеры в цифровой экономике: теория и практика : труды научно-практической конференции с международным участием 17–22 мая 2017 года* / под ред. д-ра экон. наук, проф. А.В. Бабкина. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. С. 147–151.
8. Сударушкина И.В., Стефанова Н.А. Цифровая экономика // *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2017. Т. 6. № 1 (18). С. 182–184.

References

1. Yakushenko K.V., Shimanskaya A.V. *Tsifrovaia transformatsiia informatsionnogo obespecheniia upravleniia ekonomikoi gosudarstv — chlenov EAES* [Digital transformation of the information support to the management of the economies of EAEU]. *Novosti nauki i tekhnologii* [News of Science and Technologies], 2017, no. 2(41), pp. 11–20 [in Russian].
2. Panshin B.N. *Tsifrovaia ekonomika: osobennosti i tendentsii razvitiia* [Digital economy: features and trends of development]. *Nauka i innovatsii* [Science and Innovations], 2016, no. 3(157), pp. 17–20 [in Russian].
3. Negroponte N. *Being Digital*. N.Y.: Knopf, 1995, 256 p. [in English].
4. Urmantseva A. *Tsifrovaia ekonomika: kak spetsialisty ponimaiut etot termin* [Digital economy: as specialists understand this term]. *RIA Novosti / RIA Nauka*. M., 2016. Retrieved from: <https://ria.ru/science/20170616/1496663946.html> (accessed 10.11.2017) [in Russian].
5. Matveeva V.M. *Tsifrovaia ekonomika: trendy i perspektivy* [Digital economy: trends and perspectives]. In: *V sbornike materialov V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Innovatsionnoe razvitie sotsial'no-ekonomicheskikh sistem: usloviia, rezul'taty i vozmozhnosti»* [In the collection of materials of the V International Scientific and Practical Conference «Innovative Development of Socio-Economic Systems: Conditions, Results and Opportunities»]. M., 2017, pp. 98–104 [in Russian].
6. Norets N.K., Stankevich A.A. *Tsifrovaia ekonomika: sostoianie i perspektivy razvitiia* [Digital economy: condition and perspectives for development]. In: *Innovatsionnye klasteri v tsifrovoi ekonomike: teoriia i praktika: trudy nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem 17–22 maia 2017 goda. Pod red. d-ra ekon. nauk, prof. A.V. Babkina* [Innovative clusters in the digital economy: theory and practice: proceedings of research and practical conference with international participation May 17–22, 2017. Dr. of Economics, prof. A.V. Babkin (Ed.)]. SPb.: Izd-vo Politekh. un-ta, 2017, pp. 173–179 [in Russian].
7. Vasilenko N.V. *Tsifrovaia ekonomika: kontseptsii i real'nost'* [Digital economy: concepts and reality] In: *Innovatsionnye klasteri v tsifrovoi ekonomike: teoriia i praktika: trudy nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem 17–22 maia 2017 goda. Pod red. d-ra ekon. nauk, prof. A.V. Babkina* [Innovative clusters in the digital economy: theory and practice: proceedings of research and practical conference with international

participation May 17–22, 2017. Dr. of Economics, prof. A.V. Babkin (Ed.)). SPb.: Izd-vo Politekhn. un-ta, 2017, pp. 147–151 [in Russian].

8. Sudarushkina I.V., Stefanova N.A. *Tsifrovaia ekonomika* [Digital economy]. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie* [ASR: Economics and Management], 2017, Vol. 6, no. 1(18), pp. 182–184 [in Russian].

*S.S. Tatarinova**

DIGITAL ECONOMY AND LAW: NEW CHALLENGE – NEW PERSPECTIVE

The article highlights the problems and perspectives of development of digital economy in Russia, evaluates the challenges that the Russian legal system will face while transferring to digital economy. The author specifies and analyzes a number of approaches to the definition of the term «digital economy» existing today, and concludes that it is necessary to refine the category «digital economy». The spheres of social life, where the need of improving legal regulation, based on the needs of digital society, has already or will soon emerge are predicted in the article.

Key words: digital economy; digital society; knowledge-based society; legal regulation of digital economy.

* *Tatarinova Svetlana Sergeevna* (svetl.tatarinova@gmail.com), Department of Civil Procedural and Entrepreneurial Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

УДК 343

*М.Е. Репин**

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В настоящей статье автором рассматриваются некоторые актуальные проблемные вопросы информационной безопасности в обществе и государстве; дается определение феномену «информационная безопасность»; затрагиваются частноправовые и публично-правовые средства ее обеспечения в современных условиях. На основе изучения и анализа складывающейся ситуации в динамичном и развивающемся мире установлено, что средствам массовой информации, в том числе электронным, принадлежит одна из ведущих ролей в процессах интеграции и глобализации. Без надлежащего и должного обеспечения информационной безопасности не может идти речи о какой-либо эффективности и продуктивности внешней и внутренней политики нашего государства. В статье раскрываются некоторые пробелы и коллизии действующего законодательства Российской Федерации в рассматриваемой сфере. Отмечается, что данная проблема недостаточно изучена и требует дальнейших исследований со стороны ученых и практиков. Делается определенный вывод о необходимости скорейшей разработки концепции информационной безопасности России, в том числе путем модернизации и совершенствования нормативных правовых актов.

Ключевые слова: интеграция, глобализация, государство, информация, информационное общество, информационная безопасность, средства массовой информации.

В современном динамичном и стремительно развивающемся обществе практически все важные сферы жизни общества и государства (право, политику, экономику, культуру) затрагивают глобализация и интеграция. Информационное пространство и информационные основы не являются каким-то исключением из складывающейся ситуации [1, с. 119–122]. На наш взгляд, важнейшее значение на мировой арене в условиях глобализации имеют те государства, которые владеют передовыми технологиями, а также транснациональные корпорации. Отмечается, что электронные средства массовой информации стали мощным двигателем процесса глобализации и интеграции [2, с. 8–9]. В условиях, когда разные части мира объединены в единое информационное пространство посредством глобальной информационной телекоммуникационной сети Интернет, кажется, что любое событие практически одновременно становится известным всему цивилизованному человечеству в самых различных уголках планеты. Это так лишь отчасти. Вместе с тем представление в средствах массовой информации (телевидение, радио, газеты, журналы и т. д.) новостей подвержено бесспорному прямому влиянию политики. Ярким примером этого может послужить недавнее освещение событий на востоке Украины, если сравнить, например, их представление в газетах США и России. При этом на рынке информации, как и на других, важную роль играют крупнейшие корпорации, которые в большинстве своем мало зависят от Российской Федерации (например, News Corporation, владеющая каналами National Geographic Channel,

* © Репин М.Е., 2017

Репин Максим Евгеньевич (me_repin@mail.ru), начальник смены дежурной части отдела полиции № 5, Управление МВД России по г. Нижнему Новгороду, 603000, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, Нижневолжская набережная, 12.

FoxLife и FoxCrime) [3, с. 13].

В этом контексте невозможно не упомянуть позиции В.С. Белых, которая заключается в том, что внешняя политика Российской Федерации никогда не станет достаточно эффективной, если она не будет сопровождаться массовой информационной кампанией в самой России, в странах ближнего и дальнего зарубежья [4, с. 20–28].

О возрастающей роли информационной сферы в жизни общества упоминалось Президентом РФ еще в 2000 году в Доктрине информационной безопасности [5]. В названном документе под информационной безопасностью понимается состояние защищенности ее национальных интересов в информационной сфере, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства.

Федеральным законом РФ от 14 октября 2014 г. № 305-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» статья 19.1 Закона РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» изложена в новой редакции, вступившей в силу с 1 января 2016 г. Так, в свете законодательных новелл, «если иное не предусмотрено международным договором, доля иностранного участия в уставном капитале лица, являющегося участником (членом, акционером) учредителя средства массовой информации, редакции средства массовой информации, организации (юридического лица), осуществляющей вещание, не может превышать 20 %». В предыдущей редакции закона такое ограничение было установлено на уровне 50 %.

В прилагаемой пояснительной записке к законопроекту о внесении изменений в Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации», авторы законодательской инициативы отмечали, что данная практика уже известна на протяжении нескольких лет законодательству таких стран, как Австралия, Индонезия, Испания, Канада и США, где ограничение долей иностранного капитала установлено в 20 либо 25 % [6].

Кроме того, в законодательстве предусмотрено ограничение корпоративных прав иностранных участников в случае нарушения предписаний закона, в частности права голоса. Также регистрирующий орган наделен правом обратиться в суд с исковым заявлением о приостановлении деятельности СМИ в случае нарушения рассматриваемого требования. Мерой обеспечения упомянутого иска регистрирующего органа является то же самое приостановление деятельности СМИ, несмотря на то что такая мера неизвестна ст. 140 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации «Меры по обеспечению иска».

Наиболее важной при исследовании Закона «О средствах массовой информации» является проблема его соотношения с Федеральным законом от 29.04.2008 № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства». Дело в том, что данный закон в числе видов деятельности, имеющих стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства, называет осуществление телевизионного вещания и радиовещания на территории, в пределах которой проживает население, составляющее половину или более половины численности населения субъекта Российской Федерации.

Так, ФЗ РФ от 29.04.2008 № 57-ФЗ устанавливает разрешительный порядок проведения целого ряда сделок в отношении акций (долей) хозяйственных обществ иностранными инвесторами. Например, в этот перечень входят сделки, направленные на приобретение иностранным государством, международной организацией или находящейся под их контролем организацией права прямо или косвенно распоряжаться более чем двадцатью пятью процентами общего количества голосов, приходящихся на голосующие акции (доли), составляющие уставный капитал хозяйственного общества. После вступления в силу изменений Закона РФ о СМИ многие положения ФЗ от 29.04.2008 № 57-ФЗ утратили свою значимость.

Вызывает интерес то, что после введения запрета на иностранное участие свыше 20 % средства массовой информации фактически будут регулироваться в режиме, более жестком, чем разрешительный порядок осуществления сделок с акциями (долями) хозяйственных обществ, имеющими стратегическое значение, например, занимающихся деятельностью, связанной с обращением и использованием ядерных материалов, изготовлением и торговлей оружием.

Таким образом, следует сделать вывод, что информационная безопасность стала предметом особого внимания современного государства, особенно в условиях глобализации, когда крупные иностранные компании могут преподносить свое видение событий большей части населения Земного шара. Однако правовое регулирование в указанной сфере нуждается в дальнейшем реформировании. В частности, следует разработать концепцию развития законодательства об информационной безопасности РФ и устранить коллизии между отдельными законами. Кроме того, на основе созданной концепции, возможно, стоит создать систему дифференциации в правовом регулировании в зависимости от степени опасности для национальной безопасности, когда участие иностранного инвестора в СМИ, освещающем новости в экономике, технике, моде, культуре, искусстве и в иных «политически нейтральных» областях общественной жизни, будет регулироваться менее жестко, чем в сфере политики.

Библиографический список

1. Кошелева Е.Е. Информационные основы расследования экономических преступлений в сфере аграрного производства // Наука. Мысль. 2016. № 9. С. 119–122.
2. Михайлова М.Д. Некоторые проблемы глобализации // Международное публичное и частное право. 2009. № 3 (48). С. 8–11.
3. Крупнейшие медиакомпании в мире // Коммерсантъ. 2012. 7 февраля. № 21. С. 13.
4. Белых В.С. Россия в условиях глобализации и военного противоборства // Военно-юридический журнал. 2010. № 11. С. 20–28.
5. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации // Российская газета. 2000. 28 сентября. № 187.
6. Законопроект № 604509-6 «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» (в части уточнения ограничений, связанных с учреждением средств массовой информации) [Электронный ресурс]. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru>. Загл. с экрана (дата обращения: 06.11.2017).

References

1. Kosheleva E.E. *Informatsionnye osnovy rassledovaniia ekonomicheskikh prestuplenii v sfere agrarnogo proizvodstva* [Informational basis of investigation of economic crimes in the sphere of agrarian production]. *Nauka. Mysl'* [Science. Idea], 2016, no. 9, pp. 119–122 [in Russian].
2. Mikhailova M.D. *Nekotorye problemy globalizatsii* [Some problems of globalization]. [Public International and Private International Law], 2009, no. 3(48), pp. 8–11 [in Russian].
3. *Krupneishie mediakompanii v mire* [The largest media companies in the world]. *Kommersant*, 2012, February, 7, no. 21, p. 13 [in Russian].
4. Belih V.S. *Rossiiia v usloviakh globalizatsii i voennogo protivoborstva* [Russia in the context of globalization and warfare]. *Voenno-iuridicheskii zhurnal* [Military-law Journal], 2010, no. 11, pp. 20–28 [in Russian].
5. *Doktrina informatsionnoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii* [Information security doctrine of the Russian Federation]. *Rossiiskaia gazeta* [Russian newspaper], 2000, September 28, no. 187 [in Russian].
6. *Zakonoproekt № 604509-6 «O vnesenii izmenenii v Zakon Rossiiskoi Federatsii «O sredstvakh massovoi informatsii» (v chasti utocnlenii ogranichenii, svyazannykh s uchrezhdeniem sredstv massovoi informatsii) [Elektronnyi resurs]* [Bill No. 604509-6 «On amendments being made to the Russian Federation Law «On mass media» (in terms of clarifying the limitations associated with the establishment of media)]. Retrieved from: <http://asozd2.duma.gov.ru/>. The title. from the screen (accessed 06.11.2017) [in Russian].

M.E. Repin *

ABOUT SOME PROBLEMS OF ENSURING INFORMATION SECURITY IN MODERN CONDITIONS

In this article the author discusses some problematic topical issues of information security in society and state; defines the phenomenon of «Information security»; addresses private law and public-legal means of its ensuring in the modern world. Based on the study and analysis of the current situation in a dynamic and developing world it was found out that to mass media, including electronic ones, belong one of the leading roles in the processes of integration and globalization. Without proper and adequate information security we can not speak about any efficiency and productivity of domestic and foreign policy of our state. The article reveals some gaps and conflicts of the current legislation of the Russian Federation in this sphere. It is noted that this problem is insufficiently studied and requires further research by scholars and practitioners. Definite conclusion about the need for early development of the concept of information security of Russia, including through the modernization and improvement of normative legal acts is made.

Key words: integration, globalization, government, information, information society, information security, mass media.

* Repin Maxim Evgenievich (me_repin@mail.ru), shift man of the police control room of the police office № 5, Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Nizhny Novgorod, 12, Nizhnevolzhskaya naberezhnaya, Nizhny Novgorod, 603000, Russian Federation.

УДК 343.2

И. Свобода, М.И. Крайникова*

УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Авторы уже длительное время занимаются проблематикой криминалистической тактики и методики выявления и расследования преступлений, в том числе наиболее серьезных форм организованной преступности, обращают внимание на основные угрозы безопасности настоящего времени и риски по Центральной Европе, связанные с ними. В статье среди основных угроз авторы выделяют угрозу возникновения Третьей мировой войны, террористическую деятельность так называемого Исламского государства, угрозу Европе, связанную с массовой миграцией, и все более агрессивные проявления организованной преступности. Авторы приходят к выводу, что эти проблемы не могут быть решены только силами безопасности каждой отдельной страны или отдельными странами Европы самостоятельно. Для решения данных проблем необходимо в срочном порядке объединить политическое представительство по всей Европе, которое должно действовать сообща.

Ключевые слова: безопасность, риски безопасности, организованная преступность, Исламское государство, массовая миграция, контрабанда людей, терроризм.

Вторая мировая война, которая для ряда европейских стран оказалась катастрофической и во время которой было 60 миллионов человеческих жертв только потому, что в 1933 году занял основную функцию канцлера Германии психически неуравновешенный и до того времени недооцененный человек, капрал Адольф Гитлер, мечтавший о власти правления не только Европой, но и значительной частью развитого мира. Он использовал для этого извращенную идеологию так называемой «высшей арийской расы» и теорию, что другие люди, другие народы ей должны служить, что тогда, во время экономического кризиса тридцатых годов прошлого века, большинству немцев очень понравилось. Они получили работу и им была обещана собственность из военной добычи, и были обещания, что они будут править миром. Куда это все потом привело, впоследствии мы все видели. Однако мир из этой войны не извлек опыт. Проводятся различные полулегальные или нелегальные акции и даже провокации в международных водах, в воздушном пространстве или непосредственно на границах. Все это подчеркивает соперничество между сильной объединенной Европой и Соединенными Штатами Америки, которые пытаются занять позиции единого мирового правителя. История, когда некоторые страны, считающие себя правителями мира, пытаются подчинить себе другие страны политически либо экономически, повторяется [1–5].

Несмотря на то что идет совершенно справедливая критика минувшего времени, в частности зверства пятидесятых годов прошлого века, в некоторых странах сохраняется беспредел и встречаются случаи неисполнения законов. Сегодня ситуация еще более сложная из-за того, что люди, которые имеют необходимые знания и опыт не только в политике и дипломатии, но и в области безопасности, военных наук, военной и судебной власти, быстро стареют, и замещаются они очень молодыми, хотя и очень амбициозными, но в то же время неопытными служащими и политиками, которые, возможно, мировую историю никогда даже не изучали. Им чужды такие понятия, как *Родина, патриотизм, солидарность, нация и национальная гордость*, и волнуют их только собственные выгоды, фактическая власть над людьми, собственный имидж и как можно более высокий заработок для себя. Поэтому некоторые исторические последствия, которые они должны были бы учесть, до них вообще не доходят, и это является большой ошибкой.

Следует отметить, что политика безопасности любого демократического государства является важной областью общественной деятельности, основу которой составляет совокупность главных государственных интересов и целей. Она складывается из пяти основных компонентов, а именно: внешней политики; оборонной политики; политики внутренней безопасности; экономической политики; общественно-информационной политики [6–10].

* © Свобода И., Крайникова М.И., 2017

Свобода Иво (dr.svoboda.ivo@seznam.cz), Ph.D., доктор права, кандидат наук, Высшая школа регионального развития, Прага, 163 00 Прага 17 – Ржепы, Жаланского, 68/54.

Крайникова Магдалена Иосифовна (magdalena.krajnikova@minv.sk), PhD, доктор права, кандидат наук, преподаватель криминалистики, Академия полицейского корпуса в Братиславе (Словакия), Sklabinská 1, 83517, Bratislava.

Если не будем принимать во внимание внешнюю политику, которая в настоящее время диктуется в основном только требованиями Европейского Союза и которая, как выясняется, не знает ни чешских, ни словацких условий, привычек, традиций и пытается навязать нам необычные для наших народов мероприятия и решения, включая ухудшение отношений с Россией, и если оставить в стороне экономическую политику безопасности обеих наших стран, когда мы были бы способны производить высококачественную военную технику, начиная реактивными самолетами, продолжая бронетранспортерами, танками, военными грузовыми автомобилями и кончая современным пехотным оружием. Но мы вынуждены все это дорого покупать у своих западных конкурентов.

К сожалению, отстает и политика общественной информированности в области безопасности демократического государства, которая в настоящее время не слишком разработана. Современное политическое представительство вместо этого, по примеру американской модели, долговременно пугает наших граждан Россией, которая, по мнению некоторых безответственных военных экспертов и советников, «определенно стремится к мировому господству», хотя эти «псевдоэксперты» должны хорошо понимать, что это обычная глупость.

Данные действия увеличивают напряжение не только в Европе, но и во всем мире. Президент России Владимир Путин не является политиком буржуазного типа, который бы прилагал усилия овладеть всем миром, но он также не является любителем, который бы позволил шантажировать им. Как бывший глава ФСБ, являющейся одной из лучших спецслужб мира, русский президент в числе первых имеет всю необходимую информацию о событиях в мире и может мастерски использовать данную информацию для защиты российских интересов. А так как он чувствует угрозу и в результате событий на Украине, и в постоянном строительстве все большего и большего количества военных баз НАТО вблизи российской границы, не скрывает, что в случае нападения у России есть все необходимое для эффективной защиты. Однако каждому грамотному человеку ясно, что это было бы начало конца света. А было бы неплохо, если бы это понял и чешский господин генерал из структур НАТО, который недавно публично утверждал, что в мире самая большая угроза сегодня исходит от России, хотя он и сам понимает, что Россия никогда не начнет новую мировую войну.

Угрозы безопасности в области внутренней безопасности Чешской Республики. На основе анализа ситуации в области безопасности Чешской Республики в области внутренней безопасности на рубеже третьего тысячелетия и прогнозов ее развития в ближайшие годы можно в качестве главных рисков безопасности привести следующие:

- увеличение организованной преступности, проникающей в Чешскую Республику из-за рубежа, в том числе некоторых новых форм с тенденцией все более интенсивного проникновения в государственное управление;
- расширение и укрепление криминальных структур, созданных организованной преступностью в нашей стране, в том числе широкое участие «отечественных структур» и их проникновение в общественную жизнь и управление;
- увеличение преступности, связанной с незаконной массовой миграцией людей из стран на Балканах и других экономически слабых стран;
- расширение отдельных видов терроризма, в том числе активизации деятельности международных террористических организаций в нашей стране в связи с нашей деятельностью в зарубежных контингентах НАТО;
- развитие так называемого «ядерного терроризма» в мире, в том числе его усилия по использованию нашей территории для незаконной деятельности
- рост экстремизма в нашей стране, в том числе укрепление его насильственных проявлений в общественной жизни;
- значительное увеличение так называемой «Компьютерной и информационной преступности»;
- увеличение экономических преступлений, в том числе налоговых и финансовых преступлений отечественных и зарубежных организаций;
- увеличение «рэкета» (вымогательство, так называемая крыша, для фиктивной защиты лиц и компаний), организованного не только зарубежными, но и домашними структурами;
- увеличение имущественных преступлений любого рода из-за безработицы и работы в трудных условиях, касающихся больших групп населения;
- увеличение так называемой «естественной преступности» (браконьерства, несанкционированной экстракции лесных насаждений, полевых краж, краж скота и др.);
- появление некоторых новых видов преступлений, связанных с возможным прохождением или пребыванием войск НАТО на нашей территории и использованием субсидий из фондов ЕС;
- возникновение некоторых других видов преступлений и угроза общественному порядку со стороны участников несанкционированных демонстраций и другой подобной деятельности различных групп;
- преступления лиц, незаконно находящихся на нашей территории;
- преступная деятельность, которая связана с так называемой «неконтролируемой границей» в Шенгенской зоне [11–15].

К вышеуказанным угрозам в области внутренней безопасности обеих наших стран, однако, в последнее время добавились еще более реальные угрозы, которые влияют не только на внутреннюю политику

ку и безопасность Чешской Республики, но и на ситуацию за рубежом, касающуюся всей Европы, а также и всего мира [16–18].

В настоящее время это, в частности: угроза возникновения Третьей мировой войны; самозванное так называемое Исламское государство и им организованный исламский терроризм; угрозы от незаконной массовой миграции мусульман в Европу; организованная преступность. Рассмотрим каждую угрозу более подробно.

Угроза возникновения Третьей мировой войны. Если посмотреть на постоянно ухудшающуюся международную ситуацию со знанием дела, необходимо приложить определенные усилия, чтобы осветить ряд ошибочных выводов, которые высшие должностные лица НАТО, несмотря на наличие целого ряда аналитических отделов, разведывательных служб и других научных учреждений, они, к сожалению, ошибочно трактуют отношения с Россией, и совершенно ошибочно считают, что могли бы развязать молниеносную войну с Россией и в течение нескольких дней победить.

Такие совершенно ошибочные планы некоторых генералов из США и НАТО должны быть соответствующим образом регулируемы, потому что любой конфликт с Россией мог бы быть началом Третьей мировой войны, которая не имела бы победителя. Готовы мы это признать или нет, но следует отметить, что Путин никогда не согласится с тем, чтобы Украина являлась членом Европейского Союза, не говоря уже о том, чтобы была включена в структуры НАТО, потому что в результате этого можно было бы вполне легально строить военные базы НАТО прямо на границе с Россией, а это является пиком агрессии США и НАТО, считает не только Путин. Необходимо налить чистого вина и понять наконец и в наивысших структурах руководства НАТО, что возможность возникновения Третьей мировой войны уже была в связи с конфликтом на Украине, в который целенаправленно влезли США, несмотря на то что речь шла об исконно советской восточной территории и что этот конфликт должны решить сами Россия и Украина — никакие другие страны не имеют права голоса в этом конфликте. Путин же не позволил себя спровоцировать к каким-либо нестандартным действиям и, наоборот, выдал заявление под названием «Призыв к миру», которое уже давно путешествует в Интернете, но в наших средствах массовой информации не появилось о том ни строчки, а мы задаем себе вопрос — почему?

В этом заявлении Путин спрашивает европейцев, действительно ли они хотят Третью мировую войну, и обращает внимание на опасную практику некоторых европейских политиков, которые имеют в отношении России жесткую позицию и от этого желают получить высшее карьерное продвижение, еще лучше оплачиваемые должности по сравнению с сегодняшними и для этого соревнуются в предлагаемых санкциях, в количестве посланных боевых единиц и в других проявлениях неконтролируемой агрессии против России, увеличивая, таким образом, изо дня в день риск возникновения Третьей мировой войны.

В этом заявлении Путин указывает на то, что эти политики настолько ослеплены своей собственной неконтролируемой мощью и перспективой дальнейшего роста, что считают, что Россия уступит в последний момент под давлением НАТО и что войны не будет. И в то же время спрашивает, в чем Россия должна уступить. Что должна Россия сделать для того, чтобы эти политики были удовлетворены? Должны отказаться от своих исторических территорий и уступить их добровольно каждому, кто ими будет интересоваться?» И ясно показывает, что Россия никогда это не сделает, потому что истинной целью всех желающих спровоцировать войну, будь они из Европы или из-за океана, является богатство России, и добавляет: «Должна ли Россия отдавать свои богатства, чтобы избежать войны? Должна ли Россия ликвидировать свое собственное население на Украине?» И указывает на то, что те, кто думает трезво, очень хорошо понимают, что этого никогда не случится! «Россия никогда не поддастся давлению, так как никогда не поддавалась в прошлом и не будет делать это в будущем, и добавляет, что теперь ясно, что военные планы главных зачинщиков не кончатся на Украине, и что главной целью является Россия. Такая война охватила бы всю Европу, что, безусловно, устроило бы задолжавшую многим Америку, которую бы из долгового кризиса выхватило бы только новое военное производство и ликвидация конкуренции США в виде уничтожения Европейского Союза и России и целых народов в Европе». Все наши, а также и европейские политики заявление Владимира Путина знают, а также хорошо понимают, что сам Путин войну никогда не начнет и что России никогда не будет навязана диктатура США, что территория России никогда не будет выдана добровольно, так же как и население, и что природные ресурсы не будут выданы без боя. Понимают также и то, что какой угодно военный поход на Восток означал бы начало Третьей мировой войны и конец человечества на планете Земля. И это серьезное предупреждение, над которым любой разумный человек должен серьезно задуматься.

Исламское государство, как известно, проводит террористические акции против всех западных демократических государств, используя мусульман, которые в этих странах уже длительное время живут или там даже родились и, таким образом, имеют гражданство страны проживания. ИГ в эти страны высылают конкретных террористов-смертников, которые используют мусульманские резиденции, жилые поселения и общины и тем самым остаются до совершения террористического акта скрыты, и часто о них ничего не знают даже спецслужбы, которые полностью потерпели неудачу уже в ряде случаев. И хотя в Чешской Республике еще не был совершен ни один теракт, организованный Исламским

государством, однако это не означает это, что такой атаки против нашей республики не было или она не была подготовлена, так как специальные подразделения нашей армии уже несколько лет принимают участие в различных заграничных миссиях, в которых реальные угрозы существуют, и необходимо, чтобы все спецслужбы были в состоянии постоянной боевой готовности.

Незаконная массовая миграция мусульман, представляющая опасность для Европы. В миграции необходимо проводить различие между законной и незаконной миграцией, т. к. легальная миграция проводится в соответствии с нормами международного права, должным образом соблюдает законы и ни в коем случае не вредна, а поэтому ее никто не критикует и не осуждает, независимо от того, кто этим субъектом является. Чешская Республика регулирует миграцию с помощью политики предоставления убежища, с помощью Отдела предоставления убежища и миграционной политики Министерства внутренних дел Чешской Республики. Угрозу, однако, представляет миграция незаконная, нерегулируемая и стихийная.

Законная миграция — это процесс предоставления убежища в Чешской Республике, который проводится в соответствии с действующими правовыми нормами, начиная с Женевских соглашений 1951 года, Хартии основных прав Европейского Союза, Конституции Чешской Республики, Хартии основных прав и свобод, которая является частью нашего конституционного порядка и соответствует точному соблюдению закона о предоставлении убежища. Эти беженцы не представляют для нас опасности. И просто для иллюстрации ситуации скажем, что в 2011 году у нас попросили международной защиты в общей сложности 756 иностранцев, а убежище было предоставлено только 108 кандидатам. Из этого следует, что этих людей нам не стоит бояться, даже если они будут приходить отовсюду.

Эти беженцы, за немногими исключениями, пришли к нам в основном с хорошими намерениями, так как, убегая от войны, попросили у нас убежища, они были нам благодарны за то, что могут здесь найти новый дом, были также готовы соблюдать наши действующие законы, с мыслью о том, что здесь смогут учиться и работать и что будут на основе своей предыдущей квалификации практически сразу же включены в рабочий процесс, поэтому смогут получать доход и оплачивать расходы, связанные с жильем и другими предметами первой необходимости. В основном это люди эмансипированные и воспитанные.

Основными причинами незаконной миграции мусульман в Европу являются: разрушение их родных домов в воюющих странах и падение режима под ложным предлогом расширения так называемой западной демократии и свободы. Другими причинами являются, в частности, простота пересечения границ Шенгенского пространства и, в сущности, границ всех европейских государств; легкое и нетрудоемкое получение социальных пособий практически во всех европейских странах; легкое получение убежища; снисходительность и доброжелательность при получении гражданства; долговременная недооценка исламского терроризма и всех угроз, исходящих от него.

В настоящее время, в частности уже с 2014 года, в связи с войной в разрушенных странах — Ираке, Ливии, Афганистане, Сирии и др. — пришли в движение сотни тысяч мигрантов, которые вместо того, чтобы сражаться в своих странах за их освобождение, хотят довольно и без особого труда переехать в богатые страны Европы, ставшие их заветной мечтой. Речь идет буквально о набегах сотен тысяч мусульман, оснащенных новейшими коммуникационными средствами, которые многие из нас еще вообще не имеют, и вбивших себе в голову, что добудут старую добрую Европу, и это благодаря ее приветливому демократическому законодательству. Даже если эти сотни тысяч мигрантов в Европу фактически пригласила канцлер Германии Ангела Меркель, которая, видимо, от переутомления свои слова переоценила, но уже не могла данные слова взять назад. А данное приглашение распространяется с молниеносной скоростью, и количество мигрантов постоянно неимоверно нарастает.

Если задуматься над этой проблемой, необходимо будет отметить, что истоки этого настоящего стихийного бедствия — миграции — можно увидеть уже в прошлых или даже в позапрошлых веках, когда бывшие колониальные державы и их компании, предприниматели искали дешевую рабочую силу и нашли ее только в своих бывших колониях и других бедных странах Африки и Ближнего Востока. Эти наемные рабочие в данных новых странах поселились, поскольку там они нашли работу, и было там значительно лучше, чем в их родных, в основном бедных, странах, создали в новых странах разветвленные семьи в рамках воссоединения семей пригласили других членов своей разветвленной семьи, и все более интенсивно так делают до сих пор. Следует признать, что в эти мусульманские гетто сегодня не смеет приехать даже полиция соответствующего штата, и жизнь там развивается исключительно согласно Корану и примитивному средневековому праву Шариата, которые истолковываются не в интересах людей.

И если бы это в некоторых европейских странах или регионах не было печальным фактом, могло бы нам показаться, что это плохой сон. К сожалению, это уже реальность, и не только в ряде колониальных держав, в частности в Великобритании, Франции, Испании, Италии, но и в Норвегии, Голландии и в некоторых других странах, и, как видно, ни политики, ни органы территориального самоуправления данных стран не могут с этим ничего поделать, не справляются с данной ситуацией.

Кроме того, молодые недовольные мусульмане отправляются оттуда уже как коренные англичане, французы, испанцы или итальянцы на обучение в самозванное так называемое Исламское государство, которое в настоящее время является самой большой опасностью для всей западной демократии. Впос-

ледствии эти молодые люди возвращаются в приютившие их страны и во имя Аллаха проводят там террористические акты против гражданского населения, чтобы его запугать, провести в жизнь свои требования, занять территории с единственной целью — установить там исламский порядок.

Здесь следует отметить, что Европейский Союз и его органы упустили время и что все меры для предотвращения массовой миграции мусульман в Европу запоздали. Необходимо также отметить, что, несмотря на то что все европейские страны имеют почти одинаковую культурной основу, реакция на массовую миграцию мусульман в Европу различная, особенно заметно пренебрежительное отношение к данной проблеме стран бывшего Восточного блока, в частности стран, объединенных в блок V4, куда входит и Чешская Республика, которая строго придерживается правовых актов, связанных с предоставлением убежища, но все тщательно проверяет и не согласна с массовым проникновением нелегальных мигрантов на нашу территорию и очень даже правильно отказывается от каких-то квот, определенных должностными лицами Европейского Союза.

Европейский Союз не решает вопросы незаконной миграции систематически и энергично, а совершенно стихийно и, по нашему мнению, совершенно неправильно, не имеет также необходимого количества средств для решения и не имеет ни исследований, необходимых для решения данной проблемы, ни прогнозов дальнейшего развития.

Как вытекает из многочисленных исследований, статей, интернет-ресурсов и из лекций специалистов в области ислама, так называемая исламизация, имеет в общей сложности три этапа.

Первый этап — это состояние, когда мусульмане составляют от 1 до 3 % населения. Их поведение в обществе почти нормальное, приличное и скромное, привыкают на новом месте и даже не нарушают законов страны пребывания.

Второй этап начинается, когда мусульмане составляют от 4 до 20 % населения. В таких регионах мусульмане уже начинают выдвигать определенные политические требования, настаивают на строительстве сооружений для молитв — мечетей, минаретов, требуют празднования их мусульманских праздников, например рамадана и других, требуют запрета христианских обрядов и праздников, включая Рождество и других.

Третий этап возникает тогда, когда уже мусульмане в какой-то области составляют более 20 % населения. Тогда уже возникает так называемый джихад, что означает «священная война». Мусульмане занимают целые городские кварталы, целые регионы и создают в них гетто, которые становятся абсолютно недоступными для немусульман, применяются там исключительно их средневековые законы Шариата. В данных областях проходит подготовка и осуществление террористических актов против первоначального населения.

На этой третьей стадии в процессе исламизации находится в настоящее время, например, Норвегия, где террористическая организация Ансар аль-Сунны угрожает, что в случае, если город Осло не будет норвежским государством признан как мусульманский город, то мусульманский народ объявит священную войну со всем, что к ней относится, и старается этим запугать местных жителей.

Из вышеизложенного совершенно ясно вытекает, что нелегальная миграция мусульман в Европу с точки зрения безопасности является одной из самых больших современных угроз и ставит под угрозу не только безопасность местных жителей, но и само существование ряда европейских стран, и единственным возможным решением данной проблемы является немедленное предотвращение нелегальной миграции. Однако это не в состоянии сделать ни одна полиция в мире, а только активные и быстрые политические решения, которые дадут ясно понять, что Европа уже никаких беженцев принимать не может, а также не будет; все те, кто здесь уже находится, но не соответствуют требованиям для предоставления убежища, будут немедленно изгнаны на свои исконные земли. Эти решения, однако, должны исходить из руководящего центра Европейского Союза, и в их реализации должна принимать участие не только полиция всех стран Европы, но и их армии, потому что в принципе речь идет об опасности сущности государства и всей Европы, а это входит в проблематику защиты территории и является компетенцией соответствующих армий.

Организованная преступность стремится к прибыли или власти, мотивированная совершением особо тяжких преступлений, которые в своей совокупности являются особенно опасными, если в совершении этих преступлений принимают участие более чем два человека, которые между собой разделяют задания, действуют конспиративно, используют структуру, напоминающую собой малый бизнес или торговлю, используют при этом насилие или другие средства, пригодные для устрашения, или влияют на экономику, политику, СМИ, государственное или общественное управление, суд или полицию.

Это криминологическо-криминалистическое определение служит как каркас при уголовной корректировке *de lege ferenda* не только в Чешской Республике и указывает на то, что у организованной преступности, как правило, не идет речь только об одной четко ограниченной объективной стороне преступления или совокупности отдельных фактов, а о сложных формах социально отклоненного, противозаконного и очень социально опасного поведения.

Основными видами организованной преступности являются, во-первых, «мафиозный тип организованной преступности», отличающийся жестоким насилием, и, во-вторых, в настоящее время более распространенный «современный бизнес-менеджерский тип», который характеризуется явным стремлением закрывания мафиозного пути организованной преступности, попыткой показать подобие соблю-

дения законов перед общественностью, а в ряде случаев даже участия в различных защитных и благотворительных организациях и мероприятиях, которые, однако, служат лишь для прикрытия реальной организованной преступности мафиозного типа.

Наиболее серьезной формой организованной преступности, которая присутствует практически во всех развитых странах мира, является главным образом организованная экономическая преступность, которой руководят экономически грамотные люди (отсюда и преступность белых воротничков), балансирующие часто при этом на грани законов, регулирующих ту или иную экономическую деятельность, и со знанием дела придумывающие, как обойти действующее законодательство с целью получения высоких незаконных доходов. Часто речь идет о злоупотреблении различными фондами и грантами, в том числе фондами Европейского Союза. Следует отметить, что организованная экономическая преступность касается не только предпринимателей, но и представителей различных политических партий, то есть так называемых «новых слоев менеджеров», которые опираются на уверенность своих собственных политических партий и которые создают свою собственную «империю».

Таким образом, можно сделать вывод, что среди основных угроз современности существуют: угрозы возникновения Третьей мировой войны, а это вообще самая опасная угроза в настоящее время, поскольку, несмотря на частичное предотвращение украинского кризиса, появился еще кризис в результате войны в Сирии, где временные дипломатические и политические переговоры терпят неудачу, а Россия целенаправленно обвиняется в сотрудничестве с войсками президента Асада и пресечении наступления войск НАТО, бомбардировках гражданского населения и других действиях, которые подрывают наступление НАТО. Следующей большой угрозой в настоящее время является террористическая деятельность так называемого Исламского государства, а также угроза для Европы, связанная с массовой миграцией мусульман в Европу, и все более агрессивные проявления организованной преступности. Эти серьезные проблемы не могут решаться только силами безопасности каждой отдельной страны или отдельными странами Европы самостоятельно. Для решения данных проблем необходимо в срочном порядке объединить политическое представительство всей Европы, которое должно действовать сообща.

Необходимо также отметить, что даже самые крупные угрозы в настоящее время можно решить политическими средствами, за исключением войн, в частности политическими и дипломатическими переговорами и взаимовыгодными или просто устраивающими соглашениями в интересах людей, живущих на планете Земля, и что такое соглашение возможно в любой ситуации.

Далее следует совершенно ясно отметить, что сегодняшнее нашествие ислама на Европу уже невозможно решить только полицейскими средствами и что данное нашествие должно быть немедленно прекращено адекватными политическими решениями Совета Европы с целью Европу защитить, а не продать ее ордам агрессивных мусульман и их развращенной средневековой и косной идеологии.

В этой связи необходимо напомнить всем политикам, не только чешским и словацким, что каждый гражданин имеет право свободно выражать свое мнение, касающееся каких угодно событий, высказываться о политике и проблемах современности, в том числе безопасности, а политики обязаны голоса своего народа слушать и защищать свою страну и своих граждан от любых опасностей. Таким образом, те политики, которые поощряют военную травлю против России, лязг оружия, или те, которые подавляют осуждение доброжелательного подхода Европейского Союза к незаконной миграции и даже привлекают этих людей к уголовной ответственности, уже никогда не должны получить наши голоса, потому что вредят не только нашим странам, но и всей Европе!

Библиографический список / References

1. Evropská komise mila po ruce lepší řešení než kvóty. Pomohla by dočasná ochrana, tvrdí ĚR. Euractiv.cz[online]. Euractiv.cz, 2015 [cit. 2016-03-28]. Dostupné z: <http://www.euractiv.cz/evropa-dnes0/clanek/komise-mela-po-ruce-lepsi-reseni-nez-kvoty-pomohla-by-docasna-ochrana-tvrdi-cr-012904>.
2. Evropský program pro migraci: Aktuální stav k lednu 2016. E2.vropská komise [online]. Brusel: Evropská komise, 2016 [cit. 2016-03-29]. Dostupné: http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/what-we-do/policies/european-agenda-migration/background-information/docs/eam_state_of_play_20160113_cs.pdf.
3. Evropští ministři schválili uprchlické kvóty, Slovensko je ostě proti. Idnes.cz/zprávy [online]. Praha, 2015 [cit. 2016-03-28]. Dostupné z: http://zpravy.idnes.cz/eu-prijala-kvoty-0k2-/zahranicni.aspx?c=A150922_173102_zahranicni_kha.
4. Iniciativa pro „intelligentní hranice“ EU: Komise usiluje o snazší přístup a větší bezpečnost. Evropská komise: Zastoupení v Ěské republice [online]. Brusel: Evropská komise, 2015 [cit. 2016-03-29]. Dostupné z: http://ec.europa.eu/ceskarepublika/press/press_releases/11_1234_cs.htm.
5. Migration Policy Watch: Dohodou s Tureckem utrpí lidská práva. Hospodářské noviny [online]. Hospodářské noviny, 2015 [cit. 2016-03-29]. Dostupné z: <http://evropske-hodnoty.blog.ihned.cz/c1-65200270-migration-policy-watch-dohodou-s-tureckem-utрпи-lidska-prava>.
6. Mimořádný summit předsedů vlád zemí Visegrádské skupiny Praha, 15. února 2016: Společné prohlášení k migraci. Vláda Ěské republiky [online]. Praha: Trust, 2016 [cit. 2016-03-29]. Dostupné: http://www.vlada.cz/assets/media-centrum/aktualne/2016_02_15_v4_deklarace_cz.pdf.

7. Návrh Nařízení Evropského parlamentu a rady, kterým se zřizuje krizový relokační mechanismus a miní nařízení Evropského parlamentu a Rady (EU) č. 604/2013 ze dne 26. června 2013, kterým se stanoví kritéria a postupy pro určení členského státu příslušného k posuzování žádosti o mezinárodní ochranu podané státním příslušníkem třetí země nebo osobou bez státní příslušnosti v některém z členských států. In: . Brusel: Evropská komise, 2015, COM(2015) 450 final.

8. Návrh Rozhodnutí rady, kterým se stanoví dočasná opatření v oblasti mezinárodní ochrany ve prospěch Itálie a Řecka. In: Brusel: Evropská komise, 2015, COM(2015) 286 final.

9. Obecný přehled předmětu právní úpravy zákona o azylu. Ministerstvo vnitra České republiky [online]. Praha: Odbor azylové a migrační politiky, Ministerstvo vnitra, 2015 [cit. 2016-03-29]. Dostupné z: <http://www.mvcr.cz/clanek/obecný-prehled-predmetu-upravy-zakona-o-azyly.aspx>.

10. Odmítnout kvóty není českým, ale evropským zájmem. Think-tank Evropské hodnoty [online]. Evropské hodnoty, 2015 [cit. 2016-03-28]. Dostupné z: <http://www.evropskehodnoty.cz/odmitnout-kvoty-neni-ceskym-evropskym-zajmem/> PUTIN, Vladimír Vladimirovič. Výzva za mír! Zdroj: Internet, leden 2016

11. Průběh správního řízení o udělení mezinárodní ochrany. Ministerstvo vnitra České republiky [online]. Praha: Odbor azylové a migrační politiky, Ministerstvo vnitra, 2015 [cit. 2016-03-29]. Dostupné z: <http://www.mvcr.cz/clanek/azyl-prubeh-spravniho-řízení-o-udelení-mezinarodní-ochrany.aspx>.

12. Rozhodnutí rady (EU) 2015/1523 ze dne 14. září 2015, kterým se stanoví dočasná opatření v oblasti mezinárodní ochrany ve prospěch Itálie a Řecka. In: Rada Evropské unie, 2015, 2015/1523.

13. Rozhodnutí Rady (EU) 2015/1601 ze dne 22. září 2015, kterým se stanoví dočasná opatření v oblasti mezinárodní ochrany ve prospěch Itálie a Řecka. In: Brusel: Rada Evropské unie, 2015, 2015/1601.

14. Směrnice Rady 2009/50/ES ze dne 25. 5. 2009 o podmínkách pro vstup a pobyt státních příslušníků třetích zemí za účelem výkonu zaměstnání vyžadujícího vysokou kvalifikaci.

15. Smlouva o fungování Evropské unie, Kapitola 2 – Politiky týkající se kontroly na hranicích, azylu a přistěhovalectví, čl. 78, odst. 3.

16. Strategie migrační politiky České republiky. 1. vydání. Praha: Ministerstvo vnitra České republiky, 2015. ISBN 978-80-86466-83-5.

17. Úmluva o právním postavení uprchlíků: [Ženeva, 28.7.1951]. Ostrava: Aries, 1993. Svitové dokumenty, čl. 33

18. Zákon o azylu. In: . Praha: Sagit, 2000, 1999 Sb., číslo 325.

*I. Svoboda, M.I. Krainikova**

THREATS OF SAFETY IN PRESENT TIME

The authors have been engaged for a long time in the problems of forensic tactics and methods of detecting and investigating crimes, including the most serious forms of organized crime, draw attention to the main threats to the present security and the risks associated with them in Central Europe. Among the main threats, the authors singled out the threat of the Third World War, the terrorist activities of the so-called Islamic state, the threat to Europe associated with mass migration and increasingly aggressive manifestations of organized crime. The authors come to the conclusion that these problems can not be solved only by the security forces of each individual country, or by individual countries of Europe on their own. To address these problems, it is urgent to unite the political representation across Europe, which should act together.

Key words: security, security risks, organized crime, the Islamic state, mass migration, human smuggling, terrorism.

* Svoboda Ivo (dr.svoboda.ivo@seznam.cz), PhD, Doctor of Law, Candidate of Sciences, Higher School of Regional Development, 68/54, Zhalanského, Praha 17, 163 00, Czech Republic.

Krainikova Magdalena Iosifovna (magdalena.krainikova@minv.sk), PhD, Doctor of Law, Candidate of Sciences, lecturer of criminalistics, Akadémia Policajného zboru v Bratislave, 1, Sklabinská, Bratislava, 835 17, Slovakia.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ОТНОШЕНИЙ СОБСТВЕННОСТИ В ЭПОХУ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

В статье на доктринальном уровне анализируется современное состояние уголовного законодательства в области защиты отношений собственности. Показан кризис идей уголовного права в деле надлежащей уголовно-правовой охраны отношений собственности. Выявлены причины, признаки и основные закономерности трансформации уголовно-правовой защиты отношений собственности на современном этапе развития информационного общества и многоукладной экономики. Констатируется, что наука уголовного права в настоящее время не может разрешить фундаментальную проблему адекватной уголовно-правовой охраны отношений собственности, в результате чего не удается сформулировать действенную модель защиты вещных и обязательственных правоотношений в новых экономических условиях. Уголовное законодательство в вопросе конструирования ответственности за преступления в сфере экономики нельзя считать неизменным и устоявшимся. Действующие нормы, основанные на прежних постулатах, не способны дать дальнейший толчок для выработки основных положений концепции модернизации уголовной ответственности за преступления в сфере экономики. Впервые в доктрине уголовного права предлагается теоретическая модель преступлений против оборота объектов гражданских прав.

Ключевые слова: собственность, хищение, преступления против собственности, гражданский оборот, экономические преступления.

В настоящее время уголовное право позиционируется сменой парадигм и теоретических концепций. Уже нет того классического уголовного права, которое существовало в XX веке. Сегодня уголовное право характеризуется плюрализмом взглядов, разнообразием концепций и теоретических построений новых институтов, отрицанием базовых постулатов, которые ранее казались неизменными (понятия преступления и уголовной ответственности, состава преступления и др.). Уголовное право все чаще предлагают рассматривать именно в широком смысле, наподобие западноевропейских стандартов в триаде преступление—проступок—правонарушение, в результате чего уже становится невозможным избежать реформирования охраны публичной сферы общественных отношений.

Все это стало возможным благодаря тому, что общество вступило в век информационных технологий и свое дальнейшее развитие получили процессы глобализации. Эпоха постмодернизма навязывает новую методику исследований, в том числе и в уголовном праве, а критика современности наряду с методом деконструкции является базовым толчком для проведения масштабной модернизации общественных отношений в постиндустриальную эпоху. Такое положение дел имеет как положительные, так и отрицательные черты.

Сегодня нельзя не видеть и того, что существенные изменения произошли в экономических отношениях. Появились новые объекты гражданских прав, усложнилась статика и динамика имущественных отношений, а сама собственность стала рассматриваться как один из видов вещных прав. Данные процессы не могут оставаться незамеченными для науки уголовного права и не затрагивать одну из ключевых ее проблем — защиту отношений собственности и экономической деятельности. Более того, вопрос можно поставить и иным образом: способно ли действующее уголовное право адекватно реагировать на происходящие криминальные процессы в экономике и надлежаще защищать имущественные отношения от преступных посягательств? Очевидно, что в такой ситуации старые институты уголовно-правовой охраны отношений собственности и применяемая конструкция хищения чужого имущества не могут быть восприняты в полной мере сегодня. Так, если ранее преступные посягательства происходили в основном на телесные формы имущества, то сейчас они устремлены на нетелесные (невещественные) блага, имеющие порой не меньшую ценность, чем обычные вещи.

Все это ставит на повестку дня вопрос о содержании и признаках предмета преступного посягательства в экономике и возможности применения старых, устоявшихся догматов (концепции завладения вещью или хищения чужого имущества) к новым формам имущественных посягательств. Иначе говоря, вопрос заключается в том, можно ли теорию хищения вещи применять и к случаям преступных

* © Хилюта В.В., 2017

Хилюта Вадим Владимирович (tajna@tut.by), кафедра уголовного права, процесса и криминалистики, Гродненский государственный университет имени Я. Купалы, 230025, Республика Беларусь, г. Гродно, ул. Ожешко, 22.

посягательств на невещественные блага (бестелесное имущество)? Здесь также следует обратить внимание на то обстоятельство, что действующие уголовно-правовые нормы (преступления против собственности) сориентированы исключительно на охрану вещей и в меньшей степени направлены на уголовно-правовую охрану имущественных прав и оборот экономических благ.

Неизбежными поэтому стали известные издержки и противоречия в научных подходах квалификации имущественных преступлений: от полного отрицания всего предшествующего опыта и попыток в очередной раз создать «принципиально новые», «ультрасовременные» юридические конструкции, до столь же неудачных идей консервации отживающих свой век представлений и институтов уголовно-правовой охраны отношений собственности. Между тем основной путь уголовно-правовой охраны имущественных отношений должен быть свободным от этих крайностей. Необходимо учитывать как классические, отработанные веками понятия и категории (дореволюционные и советские представления о хищении чужого имущества), так и современные реалии развития экономических отношений, в том числе специфику механизма функционирования преступлений в экономике.

Таким образом, глубина и важность проблем борьбы с преступлениями против собственности ставит вопрос о разработке механизма по кардинальному преобразованию уголовного законодательства, которое не может быть сведено к фрагментарным новациям и требует комплексного подхода — пересмотра устоявшихся положений уголовного закона с тем, чтобы обеспечить концептуально новый взгляд на правовое регулирование экономической деятельности в стране и пресечение в данной области корыстных преступлений. В этой части выдвигается гипотеза о несоответствии понятия «хищение» сложившимся общественным отношениям в социально-ориентированной рыночной экономике и необходимости разработки новой теории в уголовном праве — учения о преступлениях против оборота объектов гражданских прав.

Итак, начать, пожалуй, следует с того, что термин «собственность» в сложившемся словоупотреблении используется в самых разнообразных значениях и не имеет единого общепринятого содержания. В одних случаях его рассматривают как синоним, эквивалент понятия «имущество» или даже еще более узкой категории — «вещи». В других случаях речь идет о сугубо экономическом отношении присвоения, а иногда, напротив, собственность отождествляют с юридической категорией — правом собственности и т. д. Вследствие этого складываются ошибочные представления и стереотипы относительно понимания собственности (в частности, распространенное мнение о том, что экономические отношения собственности юридически оформляются только с помощью права собственности).

Все это наложило свой отпечаток и на уголовное право, ибо по сей день остается нерешенным вопрос: что такое собственность и какие имущественные отношения подлежат защите от преступных посягательств?

Советская доктрина исходила из того, что право собственности должно осуществляться в соответствии с социально-хозяйственным назначением вещи, в результате чего значительно сужался круг вещей, которые могли быть предметом права собственности, а отсюда и предметом хищения в уголовном праве. Таким образом, долгое время собственность рассматривалась через призму присвоения как экономико-правовая категория. В этом же ключе решался и вопрос в науке уголовного права, что было характерно для плановой экономики и социалистической системы хозяйствования. Однако в настоящее время имущественные отношения существенным образом изменились, появились новые объекты гражданских прав, которые не всегда имеют вещественную основу, а представляют собой бестелесные вещи, усложнился товарооборот имущественных благ и т. д. Собственность сегодня является одним из видов вещных прав. Все это потребовало коренной ломки старых принципов регулирования общественных отношений, в том числе и их правовой охраны. Тем не менее если иные отрасли права в этом вопросе претерпели изменения, то уголовное право осталось на прежних позициях.

Отождествление экономических и юридических отношений собственности имело следствием преобладание «вещного» подхода к предмету преступлений против собственности. В качестве объектов отношений присвоения рассматривались материальные блага, т. е. вещи, а «нематериальные блага товарного характера» выпадали из орбиты уголовно-правового регулирования. Между тем экономическое и научно-техническое развитие общества давно привело к необходимости признания объектами присвоения (но не права собственности) не только вещей, но и других товаров невещественного характера. К сожалению, в последующем это положение некоторыми криминалистами было взято как априори верное, что в дальнейшем их привело к некорректному выводу о том, что предметом преступлений против собственности могут быть как вещественные, так и невещественные блага.

Таким образом, существовавшая доктрина преступлений против собственности отвечала потребностям и характеру имущественных отношений того времени (социализма), когда она возникла и развивалась (в период объединения в лице государства собственника основных ресурсов общества, организатора производства и получателя всего дохода), однако сегодня эта идея (преступлений против собственности) полностью исчерпала себя как с теоретической, так и с практической точек зрения. Демонстрируя свою заинтересованность в улучшении уголовного закона об имущественных преступлениях, законодатель должен обратить внимание на существующие в законе пробелы и фикции [1, с. 20]. Учитывая сложившуюся социально-экономическую ситуацию, внутриотраслевую и межотраслевую согласованность законодательства, его структурно-логическую обоснованность и т. д., нами выдвигается предположение рассматривать уголовно-правовую охрану имущественных отношений в числе фундаментальных задач.

Собственность же (ни как элемент общественной экономической системы, ни как субъективное право собственности) не может и не должна пониматься в качестве объекта преступлений, называемых в современном праве «преступлениями против собственности». Как указывает И.А. Клепицкий, доктрина «преступлений против собственности», удобная и полезная в советское время, должна занять достойное место в истории права, потому как действующие и проектируемые нормы о преступлениях против собственности не ориентированы на защиту имущественных прав и интересов граждан, что выражается прежде всего в ненаказуемости (либо чрезмерной мягкости наказания) посягательств на имущественные права и интересы, которые не направлены на телесную вещь [2, с. 8].

Итак, в настоящее время довольно остро на повестку дня поставлен вопрос о целесообразности уголовно-правовой охраны преступлений против собственности как системы, не отвечающей реалиям общественно-политической жизни, уровню развития социально-экономических отношений и т. п., по следующим основным положениям:

являясь комплексным институтом права, «право собственности» в объективном смысле представляет собой значительную часть правовых норм, которые входят в подотрасль гражданского права – вещного права [3, с. 99]; с этих позиций под гражданско-правовое понятие права собственности не подпадает большинство преступлений, содержащихся в главе УК – «Преступления против собственности» (вещные права на имущество могут принадлежать лицам, не являющимся собственниками этого имущества, т. е. не всякие отношения имущественного характера сопряжены с нарушением права собственности [4, с. 26]);

действующие нормы о преступлениях против собственности не ориентированы на защиту имущественных отношений, ибо в настоящее время отсутствует комплексный подход к уголовно-правовой охране имущественных прав и интересов [5, с. 54–55] (круг охраняемых уголовным правом имущественных прав и интересов не исчерпывается правом собственности, из объекта уголовно-правовой охраны исключаются иные имущественные отношения, которые не входят в предмет права собственности; требует своего уточнения правовая природа отношения «иного владельца» к имуществу, ставшему предметом преступления);

в настоящее время уголовное законодательство выходит за рамки охраны собственности, т. к. фактически главой УК «Преступления против собственности» охраняется не только право собственности, но и иные вещные права, имущественные интересы, а в некоторых случаях и сам порядок приобретения прав на имущество (например, при совершении хищения путем причинения имущественного ущерба преступное деяние может быть сопряжено с неполучением должного, т. е. способ совершения преступления может быть вообще не связан с посягательством на собственность, либо если похищается имущество, переданное в хозяйственное ведение или оперативное управление, то потерпевшим признается не собственник [6, с. 58], а лицо, в распоряжении или пользовании которого находилось похищенное);

рассмотрение собственности как правоохраняемого объекта с позиции субъективного права собственности приводит к тому, что из области уголовно-правовой охраны «выпадают отношения, возникающие в связи с существенным нарушением вещных прав лиц, не являющихся собственниками: арендаторов, нанимателей, залогодержателей и других лиц, которым имущество вверено на законном основании [7, с. 21–22; 8, с. 46], т. е. интересы субъектов иных имущественных отношений и пользователей имущественных благ защищены хуже (однако посягательство на собственность всегда причиняет ущерб собственнику, а иным лицам приносит наступившие или могущие наступить для них убытки);

экономическая трактовка собственности как объекта преступлений против собственности существенно расширяет круг общественных отношений, составляющих объект названных посягательств, позволяя относить к ним волевые экономические отношения по поводу самых различных экономических благ (природных ресурсов, вещества, энергии, информации, материальных и нематериальных результатов работ и услуг, интеллектуальных ценностей), что затрудняет отграничение преступлений против собственности от иных (против экологической безопасности, здоровья населения, общественной безопасности, информационной безопасности и т. д.) [9, с. 52];

определение понятия хищения и его форм не соответствует современному уголовному праву, т. к. предметом преступного посягательства может быть не только вещь, но и ограниченные вещные права, имущественные права, лицо может добиваться цели получения имущественной выгоды путем неоплаты услуг, невыполнения работ и т. д., т. е. объект имущественных посягательств должен быть расширен.

Таким образом, в условиях реформирования экономических отношений существующая доктрина и система преступлений против собственности не отражают комплексной модели уголовно-правовой охраны имущественных отношений (вещных и обязательственных прав в имущественном обороте). В этом аспекте действующее уголовное законодательство и правоприменительная практика не определяют оптимальной меры уголовно-правового обеспечения имущественного порядка в экономике с учетом предмета преступного посягательства и способов совершения преступлений.

Комплексная уголовно-правовая охрана имущественных отношений возможна лишь на основе дифференциации системы преступлений против собственности в рамках детализации учения о хищении и иных имущественных посягательствах, что является фундаментальной задачей для науки уголовного

права и предполагает решение практических задач по защите собственности и оборота объектов гражданских прав от преступных посягательств.

Поэтому новую главу об имущественных преступлениях следует изложить в новой редакции и назвать: «Преступления против собственности и оборота объектов гражданских прав». Связано это с тем, что уголовно-правовая охрана отношений собственности, как нами уже отмечалось, не отвечает реалиям общественно-политической жизни и уровню развития социально-экономических отношений, ввиду того что правовой защите должны подлежать как вещные, так и обязательственные отношения. Действующие же уголовно-правовые нормы (преступления против собственности) сориентированы исключительно на охрану вещей и в меньшей степени направлены на защиту имущественных прав и оборот экономических благ.

Система составов преступлений данной главы должна быть структурирована на основе трех групп преступлений: а) хищения; б) умышленное или по неосторожности уничтожение или повреждение имущества; в) преступления против оборота объектов гражданских прав. Дифференциация системы преступлений против собственности и оборота объектов гражданских прав предполагает отличие в предмете преступления (материальные и невещественные блага), способе действия (завладение и приобретение, пользование отчуждение, уклонение) и преступной цели (обогащение и извлечение имущественной выгоды).

Следует учесть, что объектом права собственности могут быть только материальные вещи, ограниченные в пространстве. Провозглашение же объектом права собственности обязательственных прав и распространение на них хотя бы в какой-то части правового режима объекта права собственности ошибочно и способно вызвать полное недоразумение на практике. Это означает, что предметом хищения как деликта абсолютного характера может быть только вещь, а используемое законодателем понятие «имущество» многогранно, и его использование может подтолкнуть правоприменителя к мысли, что предметом хищения могут быть все виды объектов имущественных гражданских прав.

Связывается это нами с тем, что, конструируя главу о преступлениях против собственности (или разрабатывая концепцию модернизации уголовной ответственности преступлений против собственности), нельзя не видеть того, что невозможно в структурированном виде обозначить элементы концепции, которая бы охраняла только собственность и права собственности в смысле вещного права. Дело в том, что сегодня преступные посягательства направлены не только на саму вещь (как на материальный субстрат), но и на многочисленные права, которые в большинстве случаев не являются вещными. Имущественные права и имущественные обязанности не являются вещами и не могут выступать самостоятельными объектами отношений, урегулированных гражданско-правовым институтом собственности. Однако в данной парадигме преступник, аналогично совершаемым хищениям, пытается поставить себя на место собственника (или титульного владельца). Создать же базовую концепцию на основе главы о преступлениях против собственности, которая бы имела предметом уголовно-правовой охраны собственность и различные права, весьма проблематично.

Право собственности приспособлено для регулирования отношений по поводу вещей, а к бестелесному имуществу невозможно применить большинство положений права собственности ввиду отсутствия у таких объектов материальной оболочки. В этой связи доктриной уголовного права должен быть пересмотрен концептуальный подход уголовно-правовой защиты вещественных (материальных) и невещественных благ.

Попытки применить оторванно теорию вещных прав к современной уголовно-правовой действительности охраны отношений собственности терпят неудачу, ибо подобные обоснования выстроены несистемно, сами по себе, без учета положений цивилистики. Поэтому если уголовное право и дальше продолжит рассматривать право собственности не как вещное, а как абсолютное, то это не даст никакого результата для теории уголовного права и защиты имущественных отношений от преступных посягательств.

Следовательно, нормы о преступлениях против собственности в их исходном (нынешнем) состоянии охраняют и должны охранять только статику имущественных отношений, т. е. вещные отношения защищены в рамках базового учения о преступлениях против собственности (хищения чужого имущества, его уничтожения или повреждения, присвоения найденного и др.). В свою очередь, нормы уголовного закона об имущественных преступлениях должны быть систематизированы на нормы-запреты, охраняющие статику имущественных отношений, и нормы-запреты, сориентированные на охрану динамики имущественных отношений, обусловленные оборотом имущественных благ (преступления против оборота объектов гражданских прав).

Объектом преступлений против собственности и оборота объектов гражданских прав должны выступать имущественные отношения, т. е. отношения, связанные с принадлежностью имущества определенному лицу, а равно связанные с оборотом имущественных благ. Таким образом, уголовно-правовой охране должны подлежать не только вещные, но и обязательственные отношения, т. е. преступные посягательства направлены не только на саму вещь (как на материальный субстрат), но и на многочисленные права, которые в большинстве случаев не являются вещными.

Отстаивая тезис о раздельной уголовно-правовой охране вещных и обязательственных прав, мы исходим из того, что общая категория объектов гражданских прав охватывает не только вещи, но и

иные материальные и нематериальные блага, имеющие экономическую форму товара. В то же время следует учесть, что в гражданском праве объекты вещных и обязательственных прав сохраняют различный гражданско-правовой режим и в качестве объектов оборота. Такой же модели должно придерживаться и уголовное право, потому как посягательства на вещные и обязательственные отношения различаются не только в предмете, но и в самом механизме совершения преступного деяния и преступной цели.

Анализируя существующие тенденции криминальных посягательств на отношения собственности и установленный порядок осуществления экономической деятельности, мы видим, что сегодня противоправные деяния в имущественной сфере могут совершаться различным образом и с различными предметами, как материальными, так и нематериальными, причинять прямой имущественный ущерб собственнику или косвенный. Такие деяния также могут быть связаны с завладением чужим имуществом или незаконным использованием объектами гражданских прав, лицо может извлекать имущественную выгоду посредством уклонения от исполнения обязательств или приобретения имущественных прав и т. д. Все это требует адекватной и разумной уголовно-правовой политики в сфере экономики и защиты интересов государства, общества и конкретных лиц. Сказанное ставит на повестку дня вопрос о всемерной охране не только собственности как таковой, но и иных объектов гражданских прав в имущественном обороте от преступных посягательств в комплексе.

Если говорить о концептуальных основах формирования уголовно-правовых запретов в имущественной сфере, как и в сфере экономической деятельности, то, как мы полагаем, законодатель должен идти не по пути дробления составов преступлений, не казуистическим путем (например, как это было в дореволюционной России), а путем формулирования общих признаков-принципов, с тем, чтобы больше охватить круг регулируемых отношений и всевозможные ситуации (случаи), связанные с противоправным посягательством на имущественные ценности, формулируя концептуальные начала действия уголовного закона (а не «нормы-однодневки», приспособленные к конкретным случаям и определенному времени). В этой части важно разработать общие составы преступлений (путем перехода от частных признаков к формулированию общих элементов), которые бы отличались от хищений, но предусматривали ответственность за новые социально опасные деяния в имущественной сфере.

Итак, в основе построения единой моделируемой нами главы УК о преступлениях против собственности и оборота объектов гражданских прав лежит несколько критериев. Один из них — это деление правоотношений на абсолютные и относительные, т. е. в каком-то смысле противопоставление вещных и обязательственных правоотношений. Однако уголовное право в чистом виде сегодня не защищает вещные отношения, а говорит только о посягательствах на собственность. В этом контексте возникает вопрос: может ли уголовное право продолжать линию своей автономности относительно понимания современных имущественных отношений и их защиты? Если это так, то получается, тем не менее, довольно странная конструкция, т. к. обязательственные отношения не защищены в комплексе, нет целостной системы их уголовно-правовой охраны, как и нет такой системы в отношении вещных отношений, а речь идет только о собственности.

Другой критерий исходит из противопоставления телесных и нетелесных благ. Проблема заключается в том, что в настоящее время в обороте участвуют как телесные, так и нетелесные блага, однако на нетелесные блага не может быть права собственности, поэтому и существующее учение о преступлениях против собственности здесь не срабатывает. Отсюда и следует посыл о том, что предметом преступлений против оборота объектов гражданских прав являются лишь имущественные объекты гражданских прав. Поэтому преступное посягательство может происходить как на статику имущественных отношений — собственность, так и на их динамику — оборот, причем не только материальных, но и нематериальных благ.

Тем не менее сегодня мы не можем брать за основу сложившуюся тенденцию расширительной трактовки понятия «хищение» (уголовные нормы о хищениях направлены не только на защиту права собственности, но и любого имущества вообще) и распространять его на все большее число криминальных случаев в сфере экономики (главным образом, на динамику отношений собственности). Это обстоятельство непременно влечет к чрезмерно широкому пониманию сути хищения и необоснованно увеличивает уголовную репрессию. Необходимо исключить необоснованное возложение на уголовно-правовые нормы о хищениях несвойственных им функций охраны гражданского (экономического) оборота различных объектов гражданских прав (имущественных благ), управления чужим имуществом и т. д. [10]. Равно как и не может норма о причинении имущественного ущерба без признаков хищения охватывать все противоправные деяния, которые по каким-либо причинам не подпадают под сферу действия «экономических» статей уголовного закона. Это, в свою очередь, инициирует разработку и применение в последующем на практике таких уголовно-правовых средств и инструментов, которые бы были непосредственно предназначены для обеспечения охраны отношений собственности, оборота объектов гражданских прав и порядка осуществления экономической деятельности.

Полагаем, что уголовный закон должен комплексно взять под уголовно-правовую защиту собственность и оборот объектов гражданских прав (имущественных благ), соответственно, и глава УК будет иметь название: «Преступления против собственности и оборота объектов гражданских прав». Существующая же глава об «экономических» преступлениях должна ставить перед собой охрану порядка

осуществления экономической деятельности («Преступления против порядка осуществления экономической деятельности»). Таким образом, основной посыл нашего исследования лежит в той плоскости, что имущественные преступления в широком смысле слова находятся в тесной взаимосвязи с отношениями собственности и порядком перемещения объектов гражданских прав (имущественных благ).

Перспективы развития гражданского оборота дают основания предположить, что открытый перечень объектов гражданских прав будет постоянно пополняться. Это связано с объективными глобальными процессами: так называемой проблемой ограниченности ресурсов, общим динамичным развитием научно-технического прогресса, увеличением производства, усилением конкуренции. Данные факторы не только позволяют, но и требуют вовлекать в гражданский оборот все новые объекты. Подобные тенденции выводят на первый план оборот имущественных прав, что уже ясно прослеживается в законодательстве ряда зарубежных стран.

Таким образом, сказанное позволяет очертить предпосылки формирования учения о преступлениях против оборота объектов гражданских прав, которые состоят в следующем:

по мере развития и усложнения имущественных отношений сегодня стали появляться общественно опасные деяния, которые заключаются в извлечении противоправной имущественной выгоды, но не связаны с посягательством на конкретную «телесную вещь»;

в существующей парадигме преступлений против собственности в качестве предмета преступления может выступать только «телесная вещь», т. к. ни на какое иное имущество вещное право собственности возникнуть не может (индивидуально-определенные вещи — единственный объект гражданских прав, на который может возникнуть право собственности и другие вещные права);

по этой причине для уголовно-правовой охраны «нетелесных» объектов гражданских прав в системе имущественных преступных деяний должна создаваться отдельная подсистема, т. к. преступления против собственности рассчитаны лишь на охрану «телесных вещей», являющихся объектом вещного права собственности;

в свою очередь, свойства предмета преступного деяния предопределяют содержание способа данного деяния и иные признаки его объективного состава, где конструкция «завладение вещью» не может быть применима к нетелесным объектам гражданских прав, а характеризуется причинением ущерба и извлечением имущественной выгоды;

значит, науке уголовного права следует создавать самостоятельную группу преступлений, четко разграничив посягательства на «телесное» и «бестелесное имущество» в рамках системы преступлений против собственности и оборота объектов гражданских прав;

данная модель позволит оптимально реагировать на те негативные процессы, которые могут происходить в будущем, ибо какие бы экономические блага, не относящиеся к телесным вещам, ни появлялись бы вновь, они получают надлежащую уголовно-правовую охрану в рамках преступлений против оборота объектов гражданских прав.

Соответственно, преступления против собственности и оборота объектов гражданских прав указывают на то, что имущественные преступления могут совершаться в отношении материальных и нематериальных субстанций, имманентные свойства которых предопределяют природу, содержание, статику и динамику соответствующего субъективного гражданского права. Поэтому задача криминалистов состоит в систематике «имущественных» преступлений и обосновании уголовно-правовой защиты вещных и обязательственных правоотношений [11].

Говоря же о соотношении нормативных положений в главах 21 и 22 УК РФ, следует заметить, что ряд норм о преступлениях в сфере экономической деятельности имеет свое обоснование в нормах о преступлениях против собственности и представляет их прообраз, модифицированный вид (многие преступления в сфере экономической деятельности являются привилегированной разновидностью преступлений против собственности). Фактически прототипом системы преступлений против оборота объектов гражданских прав является норма о причинении имущественного ущерба без признаков хищения. И если говорить о тех деяниях, которые совершаются в системе оборота объектов гражданских прав, то здесь главным связующим элементом является извлечение виновным имущественной выгоды и причинение ущерба собственнику или иному лицу. Практически эти два элемента послужили ключевым компонентом в формировании запретов в имущественной сфере, и именно из этой системы выделяются конкретные составы преступлений, в основе которых лежит специфический способ действия. Подобно тому, как хищению присущи свои, генеральные способы совершения противоправных деяний, так и имущественная выгода может быть извлечена различными способами, ограниченными законодательным образом.

Отличительной характеристикой системы преступлений против оборота объектов гражданских прав (именно той, которая отличает это понятие от хищения) является способ преступного посягательства и механизм причинения ущерба собственнику или иному владельцу: имущество или объекты гражданских прав не изымаются из имущественной массы (фондов, владения), а виновный извлекает имущественную выгоду. Можно даже предположить, что преступления, совершаемые против оборота объектов гражданских прав (имущественных благ), сходны по признакам:

а) объекта: преступления совершаются в системе гражданского оборота и имеют имущественный характер, вследствие чего посягают на имущественные отношения по поводу перехода вещественных и неимущественных благ;

б) предмета: предметом преступлений являются объекты гражданских прав (имущественные блага);

в) объективной стороны: лицо стремится противоправно и безвозмездно получить имущественную выгоду и причинить ущерб путем: незаконного пользования объектами гражданских прав; незаконного приобретения объектов гражданских прав; незаконного отчуждения объектов гражданских прав; незаконного уклонения от исполнения обязательств;

г) субъективной стороны: деяния совершаются умышленно и имеют своей целью получение имущественной выгоды;

д) субъекта: в большинстве случаев им является лицо, обладающее общими признаками субъекта преступления (лицо может обладать специальными признаками, если это связано с кругом выполняемых обязанностей (полномочий) и сферой деятельности).

Преступления против оборота объектов гражданских прав (имущественных благ) могут совершаться против вещных и обязательственных правоотношений, но в любом случае они имеют имущественный характер и направлены на получение имущественной выгоды за счет других лиц без правовых оснований. В этом контексте происходящие процессы, связанные с использованием, воспроизводством, оборотом вещных и обязательственных правоотношений, т. е. их динамическая составляющая, должны быть отнесены к иной сфере и охраняться специальными нормами права (наряду с тем, что статическая составляющая в УК охраняется главой о преступлениях против собственности). Можно сказать, что сегодня должна быть одна глава уголовного закона, в которой бы содержались нормы о преступлениях против собственности (хищении, уничтожении или повреждении имущества, присвоении найденного имущества) и оборота объектов гражданских прав.

Таким образом, преступления против оборота объектов гражданских прав — это новое направление уголовно-правовой охраны общественных отношений. Правовые запреты, сориентированные на защиту динамики имущественных отношений, связанных с оборотом имущественных благ, имеют своей целью комплексную охрану имущественных отношений. Исходя из всего сказанного, констатируем, что *преступления против оборота объектов гражданских прав* — это умышленные деяния, совершаемые в сфере оборота объектов гражданских прав, связанные с противоправным приобретением, использованием, отчуждением объектов гражданских прав или уклонением от исполнения обязательств с целью извлечения имущественной выгоды, и повлекшие причинение ущерба в значительном размере при отсутствии признаков хищения.

Преступления против оборота объектов гражданских прав (имущественных благ) могут совершаться различными способами, суть которых состоит не в завладении чужим имуществом, а в извлечении (получении) имущественной выгоды посредством противоправного пользования чужим имуществом или иными объектами гражданских прав, их незаконного приобретения, отчуждения либо противоправного уклонения от исполнения обязательств. Вследствие этого предлагается дополнить главу УК о преступлениях против собственности и оборота объектов гражданских прав новыми уголовно-правовыми запретами:

1) незаконное пользование объектами гражданских прав (умышленное противоправное безвозмездное пользование чужим имуществом или иными объектами гражданских прав с целью извлечения имущественной выгоды, повлекшее причинение ущерба в значительном размере);

2) незаконное приобретение объектов гражданских прав (умышленное противоправное безвозмездное приобретение объектов гражданских прав с целью извлечения имущественной выгоды, повлекшее причинение ущерба в значительном размере при отсутствии признаков хищения);

3) незаконное отчуждение объектов гражданских прав (умышленное противоправное безвозмездное отчуждение чужого имущества или иных объектов гражданских прав с целью извлечения имущественной выгоды, повлекшее причинение ущерба в значительном размере);

4) незаконное уклонение от исполнения обязательств (умышленное противоправное уклонение от исполнения обязательств, а равно возложение бремени своих расходов на другое лицо с целью извлечения имущественной выгоды, повлекшее причинение ущерба в значительном размере).

Все вышесказанное с наглядностью демонстрирует тот факт, что доктрина уголовного права в настоящее время не может разрешить фундаментальной проблемы адекватной уголовно-правовой охраны отношений собственности, в результате чего не удастся сформулировать действенную модель защиты вещных и обязательственных правоотношений в новых экономических условиях. Уголовное законодательство в вопросе конструирования ответственности за преступления в сфере экономики нельзя считать неизменным и устоявшимся. Действующие нормы, основанные на прежних постулатах, не способны дать дальнейший толчок для выработки основных положений концепции модернизации уголовной ответственности за преступления в сфере экономики. Между тем разработка методологических проблем систематизации уголовно-правовых норм, устанавливающих уголовную ответственность за преступления против собственности и в сфере экономической деятельности, является ключом в деле противодействия преступности.

Библиографический список

1. Красущих Л.В. Карательная практика по уголовным делам о хищениях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Омск, 2006. 24 с.
2. Клепицкий И.А. Объект и система имущественных преступлений в связи с реформой уголовного законодательства России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 1995. 28 с.
3. Плохова В.И. Ненасильственные преступления против собственности: криминологическая и правовая обоснованность. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 295 с.
4. Векленко В.В. Квалификация хищений. Омск: Изд-во Омской акад. МВД России, 2001. 256 с.
5. Клепицкий И.А. Система хозяйственных преступлений. М.: Статут, 2005. 568 с.
6. Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 775 с.
7. Шульга А.В. Объект и предмет преступлений против собственности в условиях рыночных отношений и информационного общества. М.: Юрлитинформ, 2007. 372 с.
8. Безверхов А.Г. Имущественные преступления. Самара: Самар. гос. ун-т, 2002. 359 с.
9. Безверхов А.Г. Собственность и имущественные отношения в уголовном праве // Законодательство. 2002. № 12. С. 50–56.
10. Безверхов А.Г. Преступления в сфере экономики и уголовный закон // Преступность и проблемы борьбы с ней / под ред. А.И. Долговой, В.И. Каныгина. М., 2007. С. 54–60.
11. Хилjuta В.В. Преступления против собственности и порядка осуществления экономической деятельности: концептуальные основы моделирования объекта и системы. М.: Юрлитинформ, 2012. 208 с.

References

1. Krasutskikh L.V. *Karatel'naia praktika po ugovnym delam o khishcheniiakh: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk: 12.00.08* [Retaliatory practice on criminal cases regarding embezzlement: Author's abstract of Candidate's of Law thesis: 12.00.08]. Омск, 2006, 24 p. [in Russian].
2. Klepitsky I.A. *Ob'ekt i sistema imushchestvennykh prestuplenii v sviazi s reformoi ugovnogo zakonodatel'stva Rossii: avtoref. dis. kand. iurid. nauk: 12.00.08*. [An object and the system of property crimes in connection with reform of criminal legislation of Russia: Author's abstract of Candidate's of Law thesis: 12.00.08]. М., 1995, 28 p. [in Russian].
3. Plokhova V.I. *Nenasil'stvennye prestupleniia protiv sobstvennosti: kriminologicheskai i pravovaia obosnovannost'* [Nonviolent crimes against property: criminological and legal validity]. SPb.: Iuridicheskii tsentr Press, 2003, 295 p. [in Russian].
4. Veklenko V.V. *Kvalifikatsiia khishchenii* [Qualification of embezzlements]. Омск: Izd-vo Omskoi akad. MVD Rossii, 2001, 256 p. [in Russian].
5. Klepitsky I.A. *Sistema khoziaistvennykh prestuplenii* [System of economic crimes]. М.: Statut, 2005, 568 p. [in Russian].
6. Boytsov A.I. *Prestupleniia protiv sobstvennosti* [Crimes against property]. SPb.: Iuridicheskii tsentr Press, 2002, 775 p. [in Russian].
7. Shulga A.V. *Ob'ekt i predmet prestuplenii protiv sobstvennosti v usloviakh rynochnykh otnoshenii i informatsionnogo obshchestva* [An object and a subject of crimes against property in conditions of market relations and information society]. М.: Iurlitinform, 2007, 372 p. [in Russian].
8. Bezverkhov A.G. *Imushchestvennye prestupleniia* [Property crimes]. Samara: Samar. gos. un-t, 2002, 359 p. [in Russian].
9. Bezverkhov A.G. *Sobstvennost' i imushchestvennye otnosheniia v ugovnom prave* [Property and property relations in criminal law]. *Zakonodatel'stvo* [Legislation], 2002, no. 12, pp. 50–56 [in Russian].
10. Bezverkhov A.G. *Prestupleniia v sfere ekonomiki i ugovnyi zakon* [Crimes in the sphere of economy and the criminal law]. In: *Prestupnost' i problemy bor'by s nei. Pod red. A.I. Dolgovo, V.I. Kanygina* [Criminality and problems of fight against it. A.I. Dolgova, V.I. Kanygin (Eds.)]. М., 2007, pp. 54–60 [in Russian].
11. Hilyuta V.V. *Prestupleniia protiv sobstvennosti i poriadka osushchestvleniia ekonomicheskoi deiatel'nosti: kontseptual'nye osnovy modelirovaniia ob'ekta i sistemy* [Crimes against property and the procedure of economic activity: conceptual bases of modeling of an object and system]. М.: Iurlitinform, 2012, 208 p. [in Russian].

CRIMINAL LEGAL PROTECTION OF THE RELATIONS OF PROPERTY DURING THE ERA OF INFORMATION SOCIETY

In the article at the doctrinal level the current state of the criminal legislation in the field of protection of relations of property is analyzed. Crisis of the ideas of criminal law in appropriate criminal legal protection of the relations of property is shown. The reasons, signs and the main regularities of transformation of criminal legal protection of the relations of property at the present stage of development of information society and multistrukture economy are established. It is noted that the science of criminal law can't resolve now a fundamental problem of adequate criminal legal protection of the relations of property therefore it isn't possible to formulate effective model of protection of real and obligations legal relationship in new economic conditions. The criminal legislation in a question of designing of responsibility for crimes in the sphere of economy can't be considered firm and settled. The existing rules based on former postulates aren't capable to give a further impetus for development of basic provisions of the concept of modernization of criminal liability for crimes in the sphere of economy. For the first time in the doctrine of criminal law the theoretical model of crimes against a turn of objects of the civil rights is offered.

Key words: property, theft, crimes against property, civil circulation, economic crimes.

* Hilyuta Vadim Vladimirovich (tajna@tut.by), Department of Criminal Law, Process and Criminalistics, Yanka Kupala State University of Grodno, 22, Ozheshko str., Grodno, 230023, Belarus.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343

*Н.С. Малолеткина**

ПРИМЕНЕНИЕ СИСТЕМЫ ЭЛЕКТРОННОГО МОНИТОРИНГА ПОДУЧЕТНЫХ ЛИЦ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

Статья посвящена актуальным вопросам применения системы электронного мониторинга подучетных лиц в уголовно-исполнительной системе РФ, включающим определенную открытую форму наблюдения за таким видом наказания, как ограничение свободы, и такую меру уголовно-правового характера, как домашний арест.

Автором изучается нормативно-правовая база для использования электронных браслетов в отношении осужденных, основные функциональные возможности элементов характеристик системы электронного мониторинга подучетных лиц, обязанности по применению системы уголовно-исполнительными инспекциями. В работе рассматривается довольно-таки новая модель контроля за некоторыми категориями осужденных, не связанных с реальным отбыванием наказания в местах лишения свободы, которая требует определенных доработок и совершенствования на местном уровне.

Определяются проблемы по финансированию закупок необходимого количества технических средств на должном уровне, предлагается создать специальный отдел по ремонту оборудования с установлением конкретных сроков.

Ключевые слова: система электронного мониторинга, уголовно-исполнительная система, электронный браслет, осужденный.

Развитие общественных отношений в сфере противодействия преступности в уголовно-исполнительной системе и повышения эффективности применения новых приемов и средств привело к введению в эксплуатацию, а также функционированию системы электронного мониторинга подучетных лиц (далее – СЭМПЛ) на территории РФ с 28.05.2012.

Применение данной системы обеспечивает дистанционный надзор за определенными категориями осужденных и контроля выполнения предписанных им ограничений путем индивидуальной идентификации и контроля местонахождения в установленных местах, в том числе по сигналам ГЛОНАСС, используя средства персонального надзора и контроля, а также технические средства и устройства региональных информационных центров, совокупность которых составляет рассматриваемая нами система.

Электронный мониторинг (electronic tagging, electronic monitoring) – это форма нетайного наблюдения за подконтрольными лицами (подозреваемыми, обвиняемыми, осужденными к ограничению свободы, в зарубежных странах – также условно осужденными к лишению свободы или условно-досрочно освобожденными гражданами из мест лишения свободы).

В российском государстве существует привлекательная возможность снижения количества заключенных в местах лишения свободы путем применения к лицам, нарушившим закон, наказаний, не связанных с лишением свободы, в сочетании с электронным наблюдением за подконтрольными лица-

* © Малолеткина Н.С., 2017

Малолеткина Наталья Сергеевна (levkovka707@mail.ru), кафедра государственно-правовых дисциплин, Самарский юридический институт ФСИН России, 443022, Российская Федерация, г. Самара, ул. Рыльская, 24 в.

ми – это должно со стороны государства рассматриваться как одно из наиболее перспективных направлений реформирования национальной системы уголовной юстиции.

На сегодняшний день имеется нормативно-правовая база для использования электронных браслетов в отношении осужденных. Так, в Уголовно-исполнительном кодексе РФ (ст. 83) впервые за новейшую историю государства был закреплен принцип использования технических средств надзора и контроля. Благодаря указанной правовой норме появилась возможность многоцелевого применения технических средств по разным направлениям деятельности по исполнению наказаний, включая профилактику и пресечение побегов осужденных. Кроме того, ст. 60 УИК РФ предусматривает для обеспечения надзора, предупреждения преступлений и в целях получения необходимой информации о поведении осужденных использование уголовно-исполнительными инспекциями аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, перечень которых определяется Правительством РФ [1]. Для реализации этих норм применяются электронные средства мониторинга. Однако, несмотря на его широкую распространенность в современных пенальных практиках, электронный мониторинг все равно характеризуется новизной, особенно по сравнению с другими, более традиционными уголовно-правовыми мерами.

Одним из важных вопросов, требующих своего решения при осуществлении электронного мониторинга подконтрольных лиц, является техническое обеспечение, причем на всех этапах осуществления такой деятельности, от проектирования системы до обеспечения ее непрерывной и безаварийной работы. Отмечается, что СЭМПЛ должна отвечать определенным требованиям, связанным, в частности, с ее назначением и функциональными возможностями; основными функциями (функциями мониторинга, управления, обеспечения безопасности, хранения информации и сопряжения с внешними информационными системами); составными частями и принципами действия [2, с. 30].

Функциональные возможности элементов характеристик СЭМПЛ позволяют гибко конфигурировать их состав при реализации задач надзора за подконтрольными лицами по определению их местонахождения и соблюдению ими установленных ограничений [3, с. 61].

В уголовно-исполнительной системе обязанность по применению СЭМПЛ возложена на уголовно-исполнительные инспекции (далее – УИИ). Существует ряд проблем в части применения самой системы, требующих однозначного решения. Это значительное количество вышедших из строя модифицированных электронных браслетов до истечения их гарантийного срока эксплуатации, второй фактор – высокий прирост числа подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых судом была избрана та или иная мера пресечения.

В то же время Лукьянец А.В. в своем выступлении сообщил, что с декабря 2016 года ситуация с электронными браслетами медленно, но верно выправляется [4, с. 7]. При использовании электронного оборудования и программного обеспечения со стороны сотрудников УИИ допускаются многочисленные нарушения. Несмотря на неоднократные указания и разъяснения ФСИН России, имеются многочисленные факты прикрепления к стационарным контрольным устройствам охранных зон, что не предусмотрено для работы с данным типом оборудования.

Более того, контрольные устройства часто используются без установки каких-либо ограничений. Совсем недопустимым является применение к подконтрольным лицам заведомо неисправного либо поврежденного оборудования СЭМПЛ, а применять надо – именно в этой части возникают трудности у сотрудников и вопрос: «А что делать?».

Для решения существующих в данной части рассматриваемых проблем предполагаем, что следует осуществлять финансирование закупок необходимого количества установленных технических средств на должном уровне, а также создать специальный отдел по ремонту вышеперечисленного оборудования с установлением конкретных сроков. Также предлагаем передать в ночное время суток контроль за осуществлением надзора в дежурные части ОВД. В случае поступления сообщения о нарушении обязанностей подозреваемым (обвиняемым), к которому применена какая-либо мера пресечения, группа немедленного реагирования выезжает на место жительства подучетного с последующим его задержанием до выяснения обстоятельств.

На мониторе компьютера, на котором установлена СЭМПЛ, имеющиеся карты не совсем соответствуют местности в действительности. Целесообразным было бы рассмотреть вопрос о возможности закупки ведомству услуг по доработке и обновлению картографического обеспечения функционирования оборудования СЭМПЛ: электронные карты должны отображать подробное нахождение каждого муниципального образования в доме, в котором проживает контролируемое лицо, а также всех жилых и нежилых зон, прилегающих административных единиц. Кроме того, карты должны иметь четкие названия улиц, нумерацию домов и наименование организаций, находящихся в каждом доме. Электронные карты должны быть с изменяющимся масштабом от дома до населенного пункта.

Таким образом, для полноценной деятельности службы обработки данных СЭМПЛ необходимо решить некоторые вопросы по возможностям программного обеспечения СЭМПЛ для удобства и скорости работы операторов, что позволит сотрудникам УИИ выполнять свои прямые обязанности более четко и быстро, а самое главное – качественно.

В заключение необходимо отметить, что применение электронных браслетов в российской уголовно-правовой практике, несомненно, является положительной тенденцией, однако применение элект-

ронных браслетов сопряжено с рядом проблем не только правового, но и организационного характера, которые требуют научного осмысления и практического разрешения, в частности, они связаны с технической недоработкой средств контроля, отсутствием запасных расходных материалов, низким качеством программного обеспечения СЭМПЛ, увеличением количества ложных тревожных сообщений, невысоким уровнем подготовки сотрудников, выполняющих функции администратора и оператора системы, слабым уровнем организации самого мониторинга, иногда формальным подходом к применению СЭМПЛ и т. д., что подрывает авторитет самой уголовно-исполнительной системы. Хотя бы частичное решение указанных проблем позволит развивать тематику применения СЭМПЛ на другом уровне в сфере продуктивного исполнения мер пресечения.

Поэтому система развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации по контролю над нахождением подконтрольных лиц требует переосмысления и формирования новых процедур надзора, в том числе и электронных технологий.

Библиографический список

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 г. № 1-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 198.
2. Овчинников Ю.Г. Использование электронных технических средств как метод надзора при применении домашнего ареста и ограничении свободы // Российский следователь. 2010. № 8. С. 30–33.
3. Голубцова К.И. Организационное обеспечение использования в деятельности уголовно-исполнительных инспекций системы электронного мониторинга // Юридическая наука и практика. Альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. Самара, 2017. С. 60–63.
4. Лукьянец Е.В. Основные итоги деятельности по исполнению уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества // Материалы VII Всероссийского совещания руководителей уголовно-исполнительных инспекций, исправительных центров и подразделений по контролю за исполнением наказаний, не связанных с изоляцией от общества, территориальных органов ФСИН России. СПб., 2017. С. 6–8.

References

1. *Ugolovno-ispolnitel'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 08.01.1997 g. № 1-FZ* [Criminal Executive Code of the Russian Federation dated 08.01.1997 № 1-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 1997, no. 2, Article 198 [in Russian].
2. Ovchinnikov Yu.G. *Ispol'zovanie elektronnykh tekhnicheskikh sredstv kak metod nadzora pri primenении domashnego aresta i ogranichenii svobody* [Use of electronic means as a method of supervision in the application of house arrest and restriction of freedom]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian Investigator], 2010, no. 8, pp. 30–33 [in Russian].
3. Golubtsova K.I. *Organizatsionnoe obespechenie ispol'zovaniia v deiatel'nosti ugolovno-ispolnitel'nykh inspektsii sistemy elektronnoho monitoringa* [Organizational support for the use in the activity of criminal-executive inspections of the system of electronic monitoring]. In: *Iuridicheskaiia nauka i praktika. Al'manakh nauchnykh trudov Samarskogo iuridicheskogo instituta FSIN Rossii* [Legal science and practice. Almanac of scientific works of Samara Juridical Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia]. Samara, 2017, pp. 60–63 [in Russian].
4. Lukyanets E.V. *Osnovnye itogi deiatel'nosti po ispolneniiu ugolovnykh nakazanii, ne sviazannykh s izoliatsiei osuzhdennykh ot obshchestva* [Main results of activities on execution of criminal punishments not connected with isolation of convicted persons from society]. In: *Materialy VII Vserossiiskogo soveshchaniia rukovoditelei ugolovno-ispolnitel'nykh inspektsii, ispravitel'nykh tsentrov i podrazdelenii po kontroliu za ispolneniem nakazanii, ne sviazannykh s izoliatsiei ot obshchestva, territorial'nykh organov FSIN Rossii* [Materials of VII all-Russian meeting of heads of the criminal-executive inspections, correctional centres and units for control over execution of punishments not connected with isolation from society, territorial bodies of the FSIN of Russia]. SPB., 2017, pp. 6–8 [in Russian].

*N.S. Maloletkina **

APPLICATION OF THE SYSTEM OF ELECTRONIC MONITORING OF THE REGISTERED PERSONS IN THE PENAL SYSTEM

The article is devoted to the topical issues of the application of the electronic monitoring system of accountable persons in the penitentiary system of the Russian Federation. Including a certain open form of monitoring such form of punishment as restriction of liberty and a measure of a criminal-legal nature – house arrest.

The author studies the legal framework for the use of electronic bracelets for convicts, the main functional capabilities of the elements of the electronic monitoring system of accountable persons, the responsibilities for the application of the system by the criminal executive inspections. The paper also considers a new model of control over certain categories of convicts that are not related to the actual serving of punishment in places of deprivation of liberty, which requires certain improvements and improvements at the local level.

Problems are identified in financing the purchase of the necessary amount of technical equipment at the proper level, it is proposed to establish a special department for repair of equipment with the establishment of specific deadlines.

Key words: electronic monitoring, correctional system, electronic bracelet, convicted.

* *Maloletkina Natalia Sergeevna* (levkovka707@mail.ru), Department of State and Legal Disciplines, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 24 v, Rylskaya Street, Samara, 443022, Russian Federation.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.1

*И.Л. Бедняков, В.В. Кубанов****ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ РЕЗУЛЬТАТОВ ГЕНОМНОЙ
УЧЕТНО-РЕГИСТРАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Исследование теоретических и прикладных аспектов геномной регистрации граждан в настоящее время является актуальным и значимым направлением для криминалистической науки и практики. Так, современная криминалистическая техника как раздел криминалистики предполагает в качестве одного из магистральных направлений развития использование инновационных разработок и научного потенциала. Использование в раскрытии и расследовании преступлений результатов геномной регистрации является одним из способов установления личности преступника, защиты прав и законных интересов пострадавших от преступлений.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, геномная регистрация, автоматизированные информационно-поисковые системы, раскрытие преступлений, ДНК-учеты.

В уголовном судопроизводстве достаточно эффективно используются различные информационные базы данных, содержащие различные сведения, позволяющие идентифицировать личность преступника (потерпевшего). В рамках данного направления предполагается интегрировать автоматизированные информационно-поисковые системы правоохранительных органов в единое информационное пространство, представляющее собой совокупность банков данных, содержащих актуальную криминалистически значимую информацию [1, с. 26].

Одной из таковых информационных систем является федеральная база данных генетической информации, содержащая сведения о генно-молекулярной структуре биологических следов, изъятых с мест нераскрытых преступлений, и отдельных лиц, в отношении которых проведена процедура забора биологического материала.

Обязательная государственная геномная регистрация становится, таким образом, эффективным средством решения проблемы раскрытия и профилактики преступлений. В наибольшей степени это касается преступлений против жизни и здоровья человека и особенно преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности.

Как показывает практика, использование результатов учетно-регистрационной деятельности особенно эффективно при отсутствии другой информации об обстоятельствах преступления. Так, в 2016 году в результате проверок, проведенных по федеральной базе данных генетической информации, установлено 2610 совпадений данных ДНК проверяемых лиц со следами, изъятыми с мест происшествий, и осуществлено 870 объединений по преступлениям, совершенным в разное время одним лицом [2, с. 24].

В то же время положительный эффект от использования результатов геномной регистрации можно существенно увеличить при условии решения ряда проблем, сдерживающих потенциал этого криминалистического учета.

* © Бедняков И.Л., Кубанов В.В., 2017

Бедняков Иван Львович (1981ivan@mail.ru), *Кубанов Валерий Викторович* (vkubanov@yandex.ru), кафедра уголовного процесса и криминалистики, Самарский юридический институт ФСИН России, 443022, Российская Федерация, г. Самара, ул. Рыльская, 24 в.

Принципиально важным вопросом, от которого зависит развитие, совершенствование и эффективность использования геномной регистрации в РФ, является ее правовая регламентация. Особую значимость данный вопрос приобретает в связи с активным развитием в последнее время нормативной базы информационной поддержки раскрытия и расследования преступлений против жизни и здоровья, а также против половой свободы и половой неприкосновенности.

Начало функционирования геномной регистрации в РФ было положено в 2006 году со вступлением в действие инструкции по организации формирования, ведения и использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел, утвержденной приказом МВД РФ № 70 от 10.02.2006 г. До настоящего времени инструкция является основным подзаконным ведомственным нормативным актом, наиболее четко определяющим порядок, условия организации и ведения ДНК-учетов на федеральном и региональном уровнях. Согласно данному подзаконному акту, обязательной постановке на экспертно-криминалистический учет подлежат информация о следующих объектах: данные ДНК биологических объектов, изъятых с мест преступлений; данные ДНК неопознанных трупов, установить личность которых иными методами не представилось возможным. Целевым назначением данного учета является установление лиц, оставивших биологические следы на месте происшествия, установление фактов оставления одним и тем же лицом биологических следов при совершении нескольких преступлений, установление личности неопознанных трупов. С мест преступлений, предусмотренных ст. 105, 111 и главой 18 УК РФ стало осуществляться изъятие ДНК-содержащих образцов: крови, спермы, слюны, волос, фрагментов тканей тела. В десятидневный срок с момента обнаружения неопознанного трупа инструкцией предписывается получение образцов трупного материала органами, осуществляющими производство по делу.

К концу 2007 г. в системе МВД функционировали 28 ДНК-лабораторий, которые в тестовом режиме проводили исследования геномной информации.

В 2008 году принят Федеральный закон № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» [3] (далее – Федеральный Закон № 242-ФЗ). Законом нормативно определены понятия: геномная регистрация, биологический материал, геномная информация, федеральная база данных геномной информации.

Для внесения в базу данных геномная информация выражается с помощью генетической характеристики – определенного буквенно-цифрового кода. Механизм функционирования идентификационной системы представляет собой сопоставление профиля ДНК, полученного из биологических следов, изъятых с мест нераскрытых преступлений, с хранилищем сведений лиц, рассматриваемых в качестве потенциальных преступников. Идентичность профиля с одним из хранящихся в базе генотипов предоставляет возможность выявить того, кто оставил биоматериал на месте преступления. Этот результат имеет огромное значение, когда отсутствуют другие сведения о причастности данного лица к расследуемому делу, и помогает раскрывать насильственные преступления.

Согласно ч. 2 ст. 14 Федерального Закона № 242-ФЗ, геномная информация, полученная в результате проведения государственной геномной регистрации, используется в следующих целях: выявление и установление лиц, совершивших преступления; розыск пропавших без вести граждан; установление личности человека, чей труп не опознан иными способами; установление родственных отношений разыскиваемых (устанавливаемых) лиц.

Законом предусмотрено два вида государственной геномной регистрации: добровольная и обязательная. Обязательной регистрации подлежат лица, осужденные и отбывающие наказание в виде лишения свободы за совершение тяжких или особо тяжких преступлений, а также всех категорий преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Обязанность получения биологического материала и последующая постановка на учет ДНК-профилей осужденных закреплена за учреждениями, исполняющими наказания в виде лишения свободы, совместно с экспертно-криминалистическими подразделениями органов внутренних дел.

В 2011 году Правительством Российской Федерации утверждено положение о порядке проведения обязательной государственной геномной регистрации осужденных [4]. Положением закреплена процедура получения биологического материала лиц, осужденных к лишению свободы, последующее направление данного материала в экспертно-криминалистические подразделения территориальных органов внутренних дел с целью обработки ДНК-содержащей информации и постановки ее на учет в федеральную базу данных геномной информации.

Федеральным законом от 25 июня 2012 года № 87-ФЗ внесено изменение в ч. 2 ст. 178 УПК РФ, согласно которому неопознанные трупы также подлежат обязательной государственной геномной регистрации.

В настоящее время достаточно дискуссионным является вопрос о категориях граждан, подлежащих обязательной геномной регистрации. Зарубежное законодательство в области уголовной юстиции идет по пути расширения таких категорий. Так, в базы данных геномной информации Великобритании и США подлежат помещению образцы подозреваемых, обвиняемых и осужденных по всем видам преступлений, а также лиц, совершивших административные правонарушения [5, с. 285]. Учитывая данный факт, а также значительные потенциальные возможности учета генно-молекулярной информации, можно предположить, что перечень обязательно регистрируемых в нашей стране граждан будет суще-

ственно увеличен. Подтверждением тенденции к расширению категории регистрируемых субъектов является предложенный в 2015 году законопроект, предполагающий включение в перечень обязательно регистрируемых граждан следующих категорий: лиц, осужденных и отбывающих наказание за совершение преступлений в виде лишения свободы; лиц, подозреваемых в совершении преступлений, обвиняемых в совершении преступлений; лиц, подвергнутых административному аресту [6]. До настоящего времени предлагаемые изменения в Федеральный закон № 242-ФЗ не приняты.

Таким образом, учитывая зарубежную правоохранительную практику, тенденции в законодательном процессе, а также значительные потенциальные возможности действующего учета геномной информации, можно предположить, что в ближайшее время в перечень регистрируемых в нашей стране войдут и другие категории осужденных и отбывающих наказание за совершение преступлений, что позволит существенно повысить эффективность работы по борьбе с насильственной преступностью. Это, в свою очередь, предопределяет необходимость расширения спектра функциональных обязанностей сотрудников правоохранительных органов и более тесной интеграции учетно-регистрационных систем.

Библиографический список

1. Кубанов В.В. О повышении роли специальных знаний в досудебном производстве в уголовном процессе // Евразийский юридический журнал. 2017. №9 (112). С. 226–227.
2. Гостев А.А. По биологическим следам // Полиция России. 2017. № 1. С. 24–27.
3. Федеральный закон от 03.12.2008 № 242-ФЗ (с изм. от 17.12.2009) «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (по сост. на 19.09.2017).
4. Постановление правительства РФ от 11 октября 2011 г. № 828 «Об утверждении положения о порядке проведения обязательной государственной геномной регистрации лиц, осужденных и отбывающих наказание в виде лишения свободы». Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.09.2017).
5. Красавчиков В.И. Централизованные оперативно-справочные, розыскные и криминалистические учеты. Практика формирования и использования. Перспективы развития: в 2 ч. М., 2009. Ч. 2. С. 284–287.
6. Проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам государственной геномной регистрации» // Официальный портал проектов нормативных правовых актов Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <http://regulation.gov.ru> (дата обращения: 18.09.2017).

References

1. Kubanov V.V. *O povyshenii roli spetsial'nykh znaniy v dosudebnom proizvodstve v ugovnom protsesse* [On increasing the role of special knowledge in pre-trial proceedings in criminal proceedings]. *Evrasiiskii iuridicheskii zhurnal* [Eurasian Law Journal], 2017, no. 9 (112), pp. 226–227 [in Russian].
2. Gostev A.A. *Po biologicheskim sledam* [After biological footprints]. *Politsiya Rossii* [Police of Russia], 2017, no. 1, pp. 24–27 [in Russian].
3. *Federal'nyi zakon ot 03.12.2008 № 242-FZ (s izm. ot 17.12.2009) «O gosudarstvennoi genomnoi registratsii v Rossiiskoi Federatsii»* [Federal Law No. 242-FZ dated December 3, 2008 (as amended on December 17, 2009) “On State Genomic Registration in the Russian Federation”]. Retrieved from legal reference system «Consultant Plus» (as of 19.09.2017) [in Russian].
4. *Postanovlenie pravitel'stva RF ot 11 oktiabria 2011 g. № 828 «Ob utverzhdenii polozheniia o poriadke provedeniia obiazatel'noi gosudarstvennoi genomnoi registratsii lits, osuzhdennykh i otbyvaiushchikh nakazanie v vide lisheniia svobody»* [Resolution of the Government of the Russian Federation dated October 11, 2011 No. 828 “On approval of the provision on the procedure for conducting mandatory state genomic registration of persons convicted and serving a sentence of imprisonment”]. Retrieved from legal reference system «Consultant Plus» (accessed 18.09.2017) [in Russian].
5. Krasavchikov V.I. *Tsentralizovannye operativno-spravochnye, rozyssknye i kriminalisticheskie uchety. Praktika formirovaniia i ispol'zovaniia. Perspektivy razvitiia: v 2 ch.* [Centralized operational-reference, search and forensic accounting. Practice of formation and use. Prospects of development: in 2 parts]. M., 2009, Part 2, pp. 284–287 [in Russian].
6. *Proekt Federal'nogo zakona «O vnesenii izmenenii v otel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii po voprosam gosudarstvennoi genomnoi registratsii»* [Draft of the Federal Law “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on State Genomic Registration”]. *Ofitsial'nyi portal projektov normativnykh pravovykh aktov Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii* [The official portal of drafts of normative legal acts of the Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation]. Retrieved from: <http://regulation.gov.ru> (accessed 18.09.2017) [in Russian].

*I.L. Bednyakov, V.V. Kubanov**

USE IN THE DISCLOSURE OF CRIMES OF THE RESULTS OF GENOME ACCOUNTING AND REGISTRATION ACTIVITIES: MODERN STATUS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

The study of theoretical and applied aspects of genomic registration of citizens is currently an actual and important direction for forensic science and practice. Thus, modern criminalistics as a branch of criminalistics presupposes the use of innovative developments and scientific potential as one of the main directions of development. The use of genomic registration results in the disclosure and investigation of crimes is one of the ways to identify the perpetrator, protect the rights and legitimate interests of victims of crimes.

Key words: criminal justice, genomic registration, automated information retrieval systems, crime detection, DNA records.

* *Bednyakov Ivan Lvovich* (1981ivan@mail.ru), *Kubanov Valery Viktorovich* (vkubanov@yandex.ru), Department of Criminal Process and Criminalistics, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, 24 «v», Rylskaya Str., Samara, 443022, Russian Federation.

НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

С развитием информационных технологий связана динамика развития процессов компьютеризации страны, а также устойчивое повышение качества во всех сферах жизнедеятельности общества. В последнее время навыки работы с новыми технологиями являются качеством высококвалифицированного юриста. Существующая в Российской Федерации программа правовой информатизации имеет следующие направления: информатизация правоохранительной деятельности, информатизация правотворчества, информатизация правоприменительной деятельности. Указанные направления актуальны в сфере осуществления уголовного преследования лиц, виновных в совершении преступлений.

Фундаментальные принципы уголовного судопроизводства накладывают свой отпечаток на законодательную регламентацию и практическое применение информационной техники при расследовании и рассмотрении уголовных дел, поскольку, с одной стороны, требуется неукоснительное соблюдение конституционных прав граждан, с другой стороны, при этом необходимо реализовывать публичные задачи процесса, связанные с интересами всего общества.

В статье поставлена проблема использования технических средств при производстве отдельных следственных действий. Автор сравнивал новеллы УПК РФ с криминалистической техникой, анализировал виды процессуальных форм и пришел к выводу, что постепенно возникает новая форма следственных действий, которая не входит в характеристику, предложенную наукой.

Ключевые слова: следственные действия, процессуальная форма, технология, видео-конференц-связь.

XXI век от иных столетий отличается высоким уровнем развития информационных технологий и технических устройств. Айфоны, сотовые телефоны, планшеты и проч. прочно вошли в повседневный обиход. Технологии затронули и юридическую сферу: смс-оповещение о судебных заседаниях, подача исковых заявлений путем размещения на сайте, личные страницы государственных служащих на Твиттере и т. д. Задачей настоящего исследования является анализ наиболее интересных новелл в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ), касающихся применения информационных технологий, а также попытка определения их плюсов и минусов.

Возьмем в качестве первого примера ст. 278.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УПК РФ): допрос свидетеля или потерпевшего посредством системы видео-конференц-связи. Следует сразу же оговориться, что изначально использование системы видео-конференц-связи (далее по тексту – ВКС) было обусловлено необходимостью соблюдения процессуальных прав лиц, находящихся под стражей, при рассмотрении уголовных дел в кассационной и надзорной инстанциях. С последующим развитием законодательства такое положение распространили на апелляцию, исполнение приговора, но если анализировать все правила использования ВКС, то потеряется основной смысл настоящей статьи, поэтому в дальнейшем рассмотрена только одна норма – ст. 278.1 УПК РФ.

Судебная практика выработала своеобразные критерии необходимости использования ВКС: во-первых, потребность в изложении свидетелем/потерпевшим своих показаний именно в ходе судебного заседания, а также возможностью других участников процесса принять участие в их исследовании; во-вторых, наличие определенных объективных препятствий в непосредственном присутствии свидетеля (отдаленность проживания, содержание под стражей, нахождение в медицинском учреждении и проч.); в-третьих, проведение допроса возможно в целях обеспечения безопасности допрашиваемых лиц [1, с. 18–19].

Несомненно, что это очень удобно: в большинстве случаев снижается риск отложения судебного разбирательства в связи с неявкой потерпевшего/свидетеля. Снижается, но не исключается полностью, поскольку не во всех уголках Российской Федерации существует возможность обеспечить и ВКС, и судью. Данная норма не действует, если интересующее суд лицо находится за пределами Российской Федерации.

* © Казакова А.В., 2017

Казакова Александра Викторовна (jiky@yandex.ru), кафедра уголовного процесса, Уральский государственный юридический университет, 620137, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21.

Выборочное анкетирование судей, проведенное профессором д.ю.н. Щербой С. и к.ю.н. Архиповой Е., показало, что нормы о ВКС реализуются судьями в большей мере на стадии апелляционного (88,3 респондентов) и кассационного (26 % респондентов) производств. Лишь 15 % опрошенных судей применяли данную технологию в суде первой инстанции [2, с. 110].

К слову, Новиков С.А. полагает, что законодателем допущена недоработка в части нормативного закрепления возможности использования ВКС только в судах. Ученый пишет, что необходимо новеллу распространить и на стадии предварительного следствия, поскольку хоть и существует процедура поручения другому следователю, но качество проведенного следственного действия снижается, поскольку зачастую при его проведении требуется знание всех обстоятельств дела [3, с.3–4].

Решение о применении в судебном заседании системы ВКС должно быть закреплено в постановлении о назначении судебного заседания. Состав суда, рассматривающий уголовное дело, дает поручение об организации допроса суду по месту нахождения свидетеля. На практике данное поручение оформляется поручением судьи об оказании содействия в организации участия лица в судебном разбирательстве с указанием даты и времени его проведения. Председатель суда [по месту нахождения] передает данное поручение одному из судей.

Судья-исполнитель обязан выполнить ряд действий организационного характера:

- дать поручение техническому персоналу о включении и настройке системы ВКС;
- вызвать свидетеля повесткой;
- информировать суд-поручителя о явке свидетеля в назначенные день и час;
- при включении ВКС удостоверить личность свидетеля, разъяснить права и обязанности, отобрать

подписку;

– после окончания действия направить документы (подписку о разъяснении прав, протокол допроса, копию паспорта и документы, предоставленные самим свидетелем) по почте в суд, направивший запрос.

Допрос проводит председательствующий по общим правилам. Стороны имеют право отвода судьи-исполнителя.

На первый взгляд, допрос с использованием ВКС является усложненной процедурой по отношению к обычному допросу, т. к. вводятся дополнительные правила, привлекается новый участник (судья по месту нахождения свидетеля/потерпевшего). Анализируемая форма допроса направлена на реализацию прав участников судопроизводства на непосредственное исследование доказательств в суде. С другой стороны, данное усложнение процедуры носит, скорее, организационный характер, поскольку сама процедура допроса производится по общим правилам.

Возьмем другую норму: ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ, позволяющую не привлекать понятых к производству ряда следственных действий, но при этом применять технические средства фиксации хода и результатов действий [4]. Вообще, в науке уголовного процесса не утихает полемика по поводу необходимости (или, по крайней мере, целесообразности) участия понятых в следственных действиях. Вкратце существующие точки зрения:

1) упразднить институт понятых, поскольку их участием как бы презюмируется недоверие к органам предварительного расследования;

2) оставить такую форму участия граждан в судопроизводстве, поскольку в случае отмены ст. 170 УПК РФ откроются широкие возможности злоупотреблений;

3) нормы об участии понятых следует усовершенствовать.

Во избежание неточностей, логично сказать, что анализируемая новелла исключила обязательное участие понятых при производстве наложения ареста на имущество, осмотра, осмотра и эксгумации трупа, следственного эксперимента и выемки, а также осмотра, выемки и копирования задержанных почтово-телеграфных отправок, осмотра и прослушивания фонограмм телефонных и иных переговоров и проверки показаний на месте, отныне требуется лишь применение технических средств фиксации хода и результатов следственного действия; как отмечает А.Р. Белкин, эта обязательность – чистая фикция, ибо имеет уточнение: если в ходе следственного действия применение технических средств невозможно, то следователь делает об этом отметку в протоколе [5, с. 5]. Далее ученый указывает: «Что значит – невозможно? Допустим, в распоряжении дознавателя вообще нет видеокамеры – значит ли это, что он с чистой совестью ничего не фиксирует?.. Аудиозапись – тоже техническое средство фиксации, но что проку от такого средства при том же осмотре».

Продолжая мысль указанного автора, нельзя не заметить, что при буквальном толковании закона получается следующая картина: по подавляющему большинству следственных действий следователь сам принимает решение и о понятых, и о технических средствах. Формально ничего не мешает следователю в протоколе сделать отметку о невозможности использования, скажем, видеокамеры, поскольку она используется на другом следственном действии, сломана и проч. Более того, если в следственном действии присутствуют третьи лица (потерпевшие, хозяева помещений и жилых домов и т. д.), то хоть какая-то гарантированность производства действия сохраняется, что отражается их подписями в протоколе. А что делать в случае необходимости выемки из общедоступного места? Ведь получается, что в этом случае следователь может провести следственное действие в одиночку. И вроде бы закон не нарушен, но вот здравый смысл... А.Р. Белкин новеллу называет очередным примером внесения странных, бессистемных и даже алогичных поправок [5, с. 12].

В целях научного абстрагирования предлагается прочитать ч. 1.1. ст. 170 УПК РФ со следующим смыслом: к участию в следственных действиях понятных можно не привлекать, но обязательно использовать средства видеофиксации. Тот же вопрос (усложнение или упрощение процессуальной формы). С одной стороны, упрощение, ведь не нужно искать понятых, иными словами, «выбывают» 2 участника. Сложность участия понятых в следственных действиях с практической точки зрения связана с трудностью поиска незаинтересованных лиц, низкой правовой грамотностью населения России, нежеланием траты личного времени на выполнение общественного долга. Не представляется, что введение административной ответственности является панацеей от сложившейся ситуации. В первую очередь из-за сложности назначения наказания.

С другой стороны, вместо двух выбывших понятых привлекается специалист, который ведет запись; к протоколу следственного действия необходимо приложить запись (кассету, диск, флэш-накопитель и проч.). Это уже больше походить на усложнение процедуры. Видимо, в этом случае логично сделать вывод о том, что форма носит уравнивающий характер (усложнение и упрощение процедуры одновременно).

Использование компьютера для совершения преступлений повлекло принятие ч. 9.1. ст. 182 УПК РФ и ч. 3.1. ст. 183 УПК РФ, регламентирующих правила изъятия электронных носителей информации или информации, содержащейся на этих носителях. К слову, на практике техник-криминалист изымал компьютер целиком. Нововведение направлено на защиту интересов собственников информационных технологий. Скажем, если на предприятии изъяти все компьютеры с программой 1С, то бухгалтерская работа блокируется. Новелла гласит, что копирование содержащейся на электронных носителях информации на другие электронные носители информации следует производить с участием специалиста в присутствии понятых. В то же время, при копировании должны обеспечиваться условия, исключающие возможность ее изменения/утраты.

В протоколе осмотра интернет-ресурса отражается вся последовательность действий, начиная от загрузки операционной системы и браузера, последовательный переход по ссылкам, просмотр (прослушивание) аудиовизуальной информации непосредственно из сети либо с предварительной загрузкой на жесткий диск компьютера и т. п. Целесообразно производство видеозаписи всего процесса осмотра. Электронные носители информации, полученной или скопированной с других электронных носителей информации в ходе производства следственного действия, как и фото-, видеоматериалы, прилагаются к протоколу осмотра.

Если содержащаяся в сети информация представляет общественную опасность, после снятия копии она должна быть заблокирована до вступления приговора в законную силу, а при невозможности блокирования — удалена в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 82 УПК РФ. Представление об уничтожении (блокировании) вредоносного контента следователь направляет компании — владельцу сервера либо в Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Предварительно с удаляемой (блокируемой) информацией в установленном процессуальном порядке необходимо снять копию. Невыполнение этого условия может привести к утрате доказательственной базы вплоть до прекращения уголовного дела.

Случай из практики: студент В., желая привлечь посетителей на свой сайт и тем самым повысить его рейтинг, разместил там коллекцию вредоносных компьютерных программ вирусного типа, сопроводив их своими комментариями. В ходе расследования уголовного дела, возбужденного по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 273 УК РФ, с участием специалистов фирмы-провайдера, предоставившей свой сервер для размещения сайта, был проведен его осмотр. С помощью программных продуктов ЗАО «Лаборатория Касперского» было установлено, что на сайте содержатся вредоносные программы вирусного типа. Данный факт был зафиксирован в протоколе. По окончании осмотра по представлению следователя содержимое сайта фирмой-провайдером было уничтожено. В процессе судебного разбирательства возникли сомнения, действительно ли на сайте размещались вредоносные программы или только их описание. Допрошенные в суде специалисты показали, что антивирусные программы ЗАО «Лаборатория Касперского», хотя и характеризуются высокими эксплуатационными показателями, но тоже могут допускать ошибки. При этом возможны как пропуски зараженных программ, так и ошибочное определение признаков вредоносности. Поскольку компьютерная экспертиза программ на предмет вредоносности не проводилась и провести ее в ходе судебного расследования не представлялось возможным, т. к. программы были уже уничтожены, гражданин В. был оправдан за недоказанностью его участия в совершении преступления [6, с. 40–43].

Налицо усложнение процедуры: обязательное присутствие специалиста и двух понятых. Как и все предыдущие новеллы, данная в УПК РФ введена под влиянием развития информационных технологий.

Будет несправедливым заявление, что технические средства и нормативное закрепление их использования в следственных действиях — порождение XXI века. В прошлом столетии в уголовно-процессуальном законе появились нормы, разрешающие применять технику в доказывании. На практике стали использоваться порошки и кисточки (в т. ч. магнитные) для обнаружения следов пальцев рук, фотоаппараты, киноаппаратура, система папиллом, полиграф и т. д. Правила о применении данных средств входили в сферу криминалистической техники. Например, Е.Г. Дмитриев и А.В. Котенков [7, с. 5–8]

разработали целую систему правил применения видеозаписи с камер наблюдения, которая не внесена в УПК РФ.

В последние годы возникает новая форма производства следственных действий, которая складывается под влиянием развития технических средств.

Библиографический список

1. Краснопецев С.А. Использование систем видео-конференц-связи в уголовном процессе // Администратор суда. 2012. № 1. С. 17–20.
2. Щерба С., Архипова Е. Правовые основы применения видео-конференц-связи в уголовном судопроизводстве России и перспективы их совершенствования // Уголовное право. 2014. № 4. С. 109–117.
3. Новиков С.А. Допрос с использованием систем видеоконференцсвязи: завтрашний день российского предварительного расследования // Российский следователь. 2014. № 1. С. 2–6.
4. Федеральный закон № 23 от 04.03.2013. «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 04.03.2013. № 9. Ст. 875.
5. Белкин А.Р. Новеллы уголовно-процессуального законодательства – шаг вперед или возврат на проверенные позиции? // Уголовное судопроизводство. 2013. № 3. С. 4–13.
6. Старичков М.В. Использование информации из компьютерных сетей в качестве доказательств // Право и кибербезопасность. 2014. № 2. С. 39–43.
7. Дмитриева Е.Г., Котенков А.В. О некоторых особенностях использования информации систем видеонаблюдения в ходе расследования преступлений // Российский следователь. 2013. № 1. С. 5–9.

References

1. Krasnopevtsev S.A. *Ispol'zovanie sistem video-konferents-svizi v ugolovnom protsesse* [Use of videoconferencing systems in the criminal process]. *Administrator suda* [Court's Administrator], 2012, no. 1, pp. 17–20 [in Russian].
2. Shcherba S., Arkhipova E. *Pravovye osnovy primeneniia video-konferents-svizi v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii i perspektivy ikh sovershenstvovaniia* [Legal basis for the use of video-conferencing in the criminal justice of Russia and the prospects for their improvement]. *Ugolovnoye Pravo* [Criminal law], 2014, no. 4, pp. 109–117 [in Russian].
3. Novikov S.A. *Dopros s ispol'zovaniem sistem videokonferents-svizi: zavtrashnii den' rossiiskogo predvaritel'nogo rassledovaniia* [Interrogation using videoconferencing systems: tomorrow of the Russian preliminary investigation]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian investigator], 2014, no. 1, pp. 2–6 [in Russian].
4. *Federal'nyi zakon № 23 ot 04.03.2013 «O vnesenii izmenenii v stat'i 62 i 303 Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii i Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii»* [Federal Law № 23 dated March 4, 2013 “On Amendments Being Made to the Articles 62 and 303 of the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation”]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 04.03.2013, no. 9, Article 875 [in Russian].
5. Belkin A.R. *Novelly ugolovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva – shag vpered ili vozvrat na proverennye pozitsii?* [Novels of the criminal procedure legislation – a step forward or return to the checked positions?]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo* [Criminal Judicial Proceeding], 2013, no. 3, pp. 4–13 [in Russian].
6. Starichkov M.V. *Ispol'zovanie informatsii iz komp'iuternykh setei v kachestve dokazatel'stv* [Use of information from computer networks as evidence]. *Pravo i kiberbezopasnost'* [Law and Cyber Security], 2014, no. 2, pp. 39–43 [in Russian].
7. Dmitrieva E.G., Kotenkov A.V. *O nekotorykh osobennostiakh ispol'zovaniia informatsii sistem videonabliudeniia v khode rassledovaniia prestuplenii* [On some features of the use of information of video surveillance systems during the investigation of crimes]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian investigator], 2013, no. 1, pp. 5–9 [in Russian].

*A.V. Kazakova**

NEW TECHNOLOGY IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCESS

With the development of information technologies, the dynamics of development of computerization of the country are linked, as well as the steady improvement of quality in all spheres of society's life. Recently, the skills of working with new technologies are the quality of a highly qualified lawyer. The current program of legal informatization in the Russian Federation has the following directions: informatization of law enforcement activities, informatization of lawmaking, informatization of law enforcement activities. The specified directions are actual in sphere of realization of criminal prosecution of the persons guilty of fulfillment of crimes.

The fundamental principles of criminal proceedings have their impact on the legislative regulation and practical application of information technology in the investigation and examination of criminal cases, because, on the one hand, strict observance of citizens' constitutional rights is required, while on the other hand, public tasks of the process connected with the interests of the whole society.

The article poses the problem of using technical means in the production of individual investigative actions. The author compared the novelties of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation with criminalistic techniques, analyzed the types of procedural forms and came to the conclusion that a new form of investigative actions is gradually appearing, which is not included in the characterization proposed by science.

Key words: investigative actions, procedural form, differentiated procedural form.

* *Kazakova Alexandra Viktorovna* (jiky@yandex.ru), Department of Criminal Procedure, Ural State Law University, 21, Komsomolskaya Street, Yekaterinburg, 620137, Russian Federation.

УДК 343.140.02

*Р.А. Коньгин, Л.А. Шестакова**

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОМПЬЮТЕРНОГО ТРЕХМЕРНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме применения 3D-технологий в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. В статье раскрывается содержание понятий «метод моделирования» и «трехмерное моделирование». Авторы приходят к выводу, что простота и доступность современных средств 3D-сканирования и моделирования позволяет моделировать события, которые не могут быть с достаточной полнотой восстановлены следователем и экспертом-криминалистом. В качестве примера рассматриваются ситуации дорожно-транспортных происшествий, компьютерных преступлений, легализации денежных средств и др. В статье проанализирована зарубежная практика использования трехмерного моделирования в расследовании и рассмотрении уголовных дел в суде. Авторы приходят к выводу, что в странах англо-саксонского права законодатель признал презентацию доказательств в суде посредством трехмерных моделей не нарушающей принцип состязательности и равенства сторон. Авторами статьи проведен анализ современных средств 3D-сканирования и моделирования на предмет их доступности и применимости для решения задач уголовного судопроизводства. Полученные результаты позволили прийти к выводу о том, что существующие программные продукты не позволяют применять их результаты в качестве самостоятельного вида доказательств по уголовному делу. Формулируется вывод, что использование 3D-моделирования в процессе доказывания по уголовным делам и рассмотрения их в суде может рассматриваться как допустимое, если считать, что моделирование не является самостоятельным доказательством, а используется в качестве презентации других доказательств, имеющихся в деле.

Ключевые слова: предварительное расследование, судебное разбирательство, криминалистика, эксперт, специалист, трехмерное моделирование, анимирование, моделирование, реконструкция.

Теоретической основой разработки метода моделирования является понятие «модель» (с лат. *modulus* — мера, образец). В настоящее время метод моделирования широко используется как в гуманитарных науках (история, археология, этнография, лингвистика, антропология, культурология, юриспруденция и др.), так и в науках физико-математических (математическое и компьютерное моделирование в кибернетике, экспериментальное моделирование в аэро- и гидродинамике, моделирование различных процессов в ядерной физике, химии и др.) [1, с. 16]. Термин «модель» вошел в обиход криминалистов в начале 1980-х гг. благодаря работам А.Р. Ратинова и И.М. Лузгина, в дальнейшем получив широкое распространение в связи с развитием криминалистической методологии и кибернетики [2].

Под трехмерным моделированием здесь и далее мы понимаем процедуру разработки 3D-модели (или же каркасной модели в виде трехмерного объекта — воодушевленного или невоодушевленного) с использованием специализированного программного обеспечения. Трехмерная модель создается посредством множества точек (Points), соединенных между собой линиями (Lines) и изогнутыми поверхностями (Curved Surfaces) [1]. В настоящее время можно говорить о широком спектре возможностей, предоставляемых современными 3D-макетами, простоту и дружелюбность их интерфейса, а также большую практическую область применения трехмерного моделирования. Несмотря на то, что в уголовном процессе России все чаще используются современные компьютерные технологии, вопросы использования 3D-моделирования с целью компьютерной презентации доказательств остаются нерешенными и слабо освещенными в научной литературе.

Однако убеждены, что при всей неоднозначности вопрос об использовании 3D-моделирования в процессе доказывания все же должен быть решен положительно, так как у него есть определенные преимущества. Например, возможно моделировать события, которые не могут быть с достаточной полнотой восстановлены следователем и экспертом-криминалистом. В данном случае можно говорить о

* © Коньгин Р.А., Шестакова Л.А., 2017

Коньгин Руслан Анатольевич (stargazerfromfairytale@gmail.com), студент 3-го курса юридического факультета, Шестакова Любовь Александровна (lyuboshestakova@yandex.ru), кафедра уголовного процесса и криминалистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, Московское шоссе, 34.

ситуациях с дорожно-транспортными происшествиями, схемах получения взяток, компьютерных преступлений, легализации денежных средств, мошенничестве, криминальных пожаров и др. Использование 3D-моделирования также позволит показать место происшествия с ракурса, который не может быть воссоздан в ином случае. Использование анимации особенно на судебной стадии позволит, как представляется, сократить сроки рассмотрения уголовного дела в суде, т. к. презентация модели сделает сложные процессы более понятными (см. рис. 1).

В странах общего права использование 2D- и 3D-моделирования в судах стало возможным уже с 1994 года [2, с. 151–163], однако регламентация использования моделирования с того времени претерпела существенные изменения. Это связано с усовершенствованием технологии от низкого качества визуальной картинки до четкого изображения, сложных схем и высокой реалистичности, от дороговизны до удешевления технологии. В конце XX века в зарубежных странах началась разработка 3D-датчиков изображения, использующих лучи света. Эти датчики использовались в механической обрабатывающей промышленности для программ измерения и контроля качества. В начале XXI века доступность методов и компонентов привела к производству широкого спектра доступных бюджетных устройств с возможностью измерения от нескольких миллиметров до долей метра. Для решения проблемы управления, редактирования и хранения измерений был придуман комплект программ, которые управляют файлами данных и выводят их в стандартизированных форматах, таких как DXF, IGES для приложений CAD, формат STL для машин быстрого прототипирования, а также VRML и 3D-форматы для визуализации. Данная тенденция привела к производству устройств с меньшими затратами с большей прочностью и мобильностью. Последние научные разработки в этой области способствовали распространению трехмерного моделирования в новые сферы. Трехмерное моделирование стало активно использоваться при расследовании уголовных дел, рассмотрении дел с участием присяжных заседателей [3].

Необходимо отметить, что использованию трехмерного моделирования в судах США и Великобритании предшествовала дискуссия о внушающем эффекте анимации на профессионального судью и присяжных заседателей. В психологии этот эффект назван «эффектом живости» — сопровождаемая «яркими» визуальными эффектами информация лучше запоминается. Кроме того, применение в доказывании высокотехнологичных доказательств часто является дорогостоящим, что может ущемить права обвиняемых, не имеющих достаточных материальных средств для их использования. Хотя прокурор может использовать любые методы, чтобы добиться обвинения подсудимого, он должен отказаться от дорогостоящих технологий, если процессуальный оппонент не имеет достаточных материальных ресурсов для состязания в суде. В силу этих соображений Верховный Суд Вашингтона установил принципы технологического доступа к правосудию: «Использование технологий в системе правосудия должно служить принципам равного доступа к правосудию и равных возможностей для участия в системе правосудия. Внедрение новых технологий или изменения в использовании старых не должны ограничивать доступ или участие в судебном разбирательстве» [4]. Приведем в качестве примера решение Верховного суда Калифорнии по делу *люди против Энрике Дюнаса*¹, вынесенное в 2012 г. В соответствии с материалами дела, обвиняемый Э. Дюнас, приняв наркотик, ехал по городу на велосипеде и не остановился по требованию полицейского. Более того, обвиняемый достал пистолет, находившийся при нем, и выстрелил в полицейского не менее семи раз. Стороной обвинения было назначено несколько судебных экспертиз с целью установить количество выстрелов в потерпевшего, локализацию ранений, взаимное расположение обвиняемого и потерпевшего. Для презентации доказательств в суде присяжных стороной обвинения было также заказано трехмерное моделирование, в основе которого лежали выводы судебных экспертиз, проведенных по делу. Дюнас в своей апелляционной жалобе указал, что представленная в суде трехмерная модель события преступления имела внушающее воздействие на присяжных заседателей. Верховный суд Калифорнии, рассмотрев доводы, изложенные апеллянтом, в своем решении не усмотрел предубеждающего значения моделирования по этому делу. Суд указал, что 3D моделирование не является независимым, самостоятельным доказательством, скорее это демонстративное доказательство, используемое, чтобы помочь присяжным заседателям понять самостоятельное доказательство. В связи с этим, моделирование не может оказать внушающее воздействие, если оно с бесспорной точностью основано на мнении эксперта/ов относительно произошедших событий.

Последние зарубежные исследования, основанные на использовании социологических методов познания, также показывают, что презентация доказательств в суде посредством трехмерных моделей не нарушает принцип состязательности и равенства сторон. Рассмотрим результаты одного из них. Сто десять студентов (48 мужчин, 62 женщины) стали добровольными участниками исследования. Все участники наблюдали 35 минутное пробное моделирование катастрофы судна, которое являлось презентацией доказательства ответчика. В результате 61% участников вынесли вердикт в пользу ответчика, и 39% участников вынесли решение в пользу истца. Изучение вердиктов респондентов показало убедительность анимационной презентации доказательств. Однако когда истец представил свои доказательства с помощью анимации, решение/вердикт был вынесен в его пользу. В другом исследовании приняли участие 76 студентов психологического факультета (39 мужчин, 37 женщин). Судебный процесс был основан на реальном случае, в котором автомобиль поворачивал налево через две полосы движения и столкнулся с грузовиком. Использование анимации, как истцом, так и ответчиком не повлияло на

вердикт присяжных — решение в обоих случаях было вынесено в пользу водителя грузовика. Одним из возможных объяснений различий в результатах двух исследований является знакомство респондентов с ситуацией. Авторы исследования приходят к выводу, что если анимация изображает ситуацию, с которой присяжные заседатели знакомы, оно может не иметь никакого влияния на решение. Однако, если анимация изображает незнакомый сценарий/ситуацию, то она может убедить присяжных вынести вердикт в пользу стороны, представившей ее [5, с. 228–248].

В целях обоснования актуальности этой проблематики для российской уголовно-процессуальной науки было изучено 18 материалов о дорожно-транспортных происшествиях с уголовно-правовыми последствиями и 4 уголовных дела², где в рамках расследования следователи назначали проведение сложных ситуационных экспертиз или следственных экспериментов. Как показывает изучение материалов уголовных дел, потребность в использовании новых технологий презентации доказательств через создание трехмерных моделей стоит остро. Приведем несколько примеров.

М. обвинялся в убийстве Н.³ По этому делу следователь назначил производство ситуационной экспертизы, т. к. механизм причинения смерти Н. сложно было точно установить, свидетели давали взаимоисключающие показания. Потерпевший подошел к М. сзади и, заломав ему руки, стал выхватывать пистолет. В результате произошел смертельный выстрел в Н. Ответ на вопрос о механизме причинения вреда здоровью в данном случае был чрезвычайно важным и влиял на квалификацию: либо М. совершил убийство, либо причинил смерть по неосторожности. Проведение ситуационной экспертизы по делу заняло несколько месяцев, а объем экспертизы превысил 60 листов, нельзя не упомянуть о высокой стоимости данного экспертного исследования. Однако уже на судебной стадии, при исследовании экспертного заключения, у суда и участников процесса возникли серьезные сложности с его пониманием. Исследование данного доказательства в суде заняло много времени. В итоге, стороны процесса заявили ходатайства о проведении повторной экспертизы по делу. В данной ситуации трехмерная модель причинения вреда Н., которая бы стала приложением к ситуационной экспертизе, смогла бы облегчить ее понимание, ускорить процесс исследования данного доказательства в суде и правильно квалифицировать действия М.

Рассмотрим другой пример. В. обвинялся в нарушении правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, повлекшем по неосторожности смерть двух и более лиц⁴. В. ехал по левой полосе дороги за автомобилем, который вела женщина-водитель. По мнению В., женщина ехала недостаточно медленно, поэтому он пытался ее обогнать, но так как движение на дороге было интенсивным, у него это не сразу получилось. Когда В. смог обогнать ехавшую впереди него машину, он внезапно затормозил перед ней (подрезал) и, снова нажав на газ, уехал дальше по дороге. В результате такого маневра женщина-водитель не справилась с управлением транспортным средством и выехала на встречную полосу движения. В результате этого дорожно-транспортного происшествия (В. не был его участником) погибло 5 человек (см. рис. 2). Парадоксальность того, что 6 машин пострадало, 5 человек погибло, а виновник дорожно-транспортного происшествия В. не пострадал и не был участником ДТП, поставили перед следователем много вопросов. Для их разрешения были проведены следственный эксперимент и автотехническая экспертиза. Изучение данных доказательств вызвало у суда большую сложность и заняло много времени, тем самым затянув процесс рассмотрения дела. Сторона защиты не согласилась с результатами автотехнической экспертизы и привлекла для участия в судебном заседании специалиста-математика, который презентовал свои пояснения математическими расчетами и фотографиями формата А3. Таким образом и в этом случае у сторон возникла потребность в визуальной презентации доказательств в виде трехмерных моделей.

Основываясь на действующем российском законодательстве, а также на разработанных в доктрине критериях оценки допустимости доказательств (в том числе законности способа получения доказательства, наличия требуемой по закону формы фиксации сведений [6; 7]) видится разумным использование анимации в качестве составной части заключения эксперта или специалиста. Составляя заключение эксперт или высказывая свое суждение специалист, исходя из предоставленных в его распоряжение следователем или защитником сведений, может в специальной компьютерной программе составить 3D модель, которую в последующем можно будет презентовать в суде при даче экспертом/специалистом показаний.

Однако представляется, что для России технические вопросы являются более сложными в своем решении. Нами был проведен обзор, а также выборочное тестирование существующих компьютерных программ для построения трехмерного моделирования (см. рис. 3–6). Стоит отметить, что на рынке программного обеспечения представлено много визуализирующих программ, однако метод создания анимации у всех из них состоит из пяти этапов: 1) сбор данных, 2) работа с документами, 3) моделирование, 4) анимирование, 5) исполнение. Autodesk Maya — это самый востребованный на данный момент программный пакет трехмерного моделирования, отличительной чертой которого является работа с анимацией. По этой причине Maya используется в кинематографе и мультипликации для создания реалистичности. 3Ds Studio MAX ориентирован в первую очередь на создание трехмерных изображений, локаций и интерьеров. Он позволяет работать также с анимацией и моделированием персонажей, однако наиболее эффективно его использование для проектирования локаций. Именно с учетом такой направленности, данный пакет широко используется в игровой индустрии. Lightwave 3D — еще одна

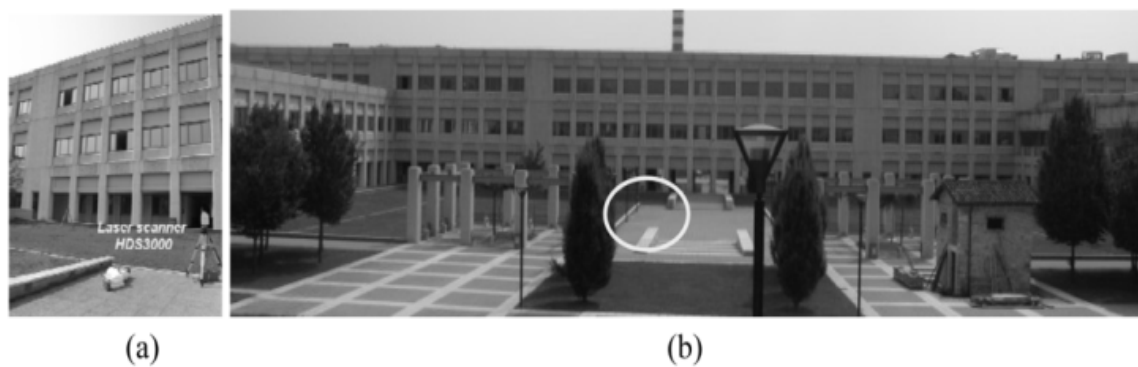

Рис. 1. Пример трехмерного моделирования криминальной ситуации

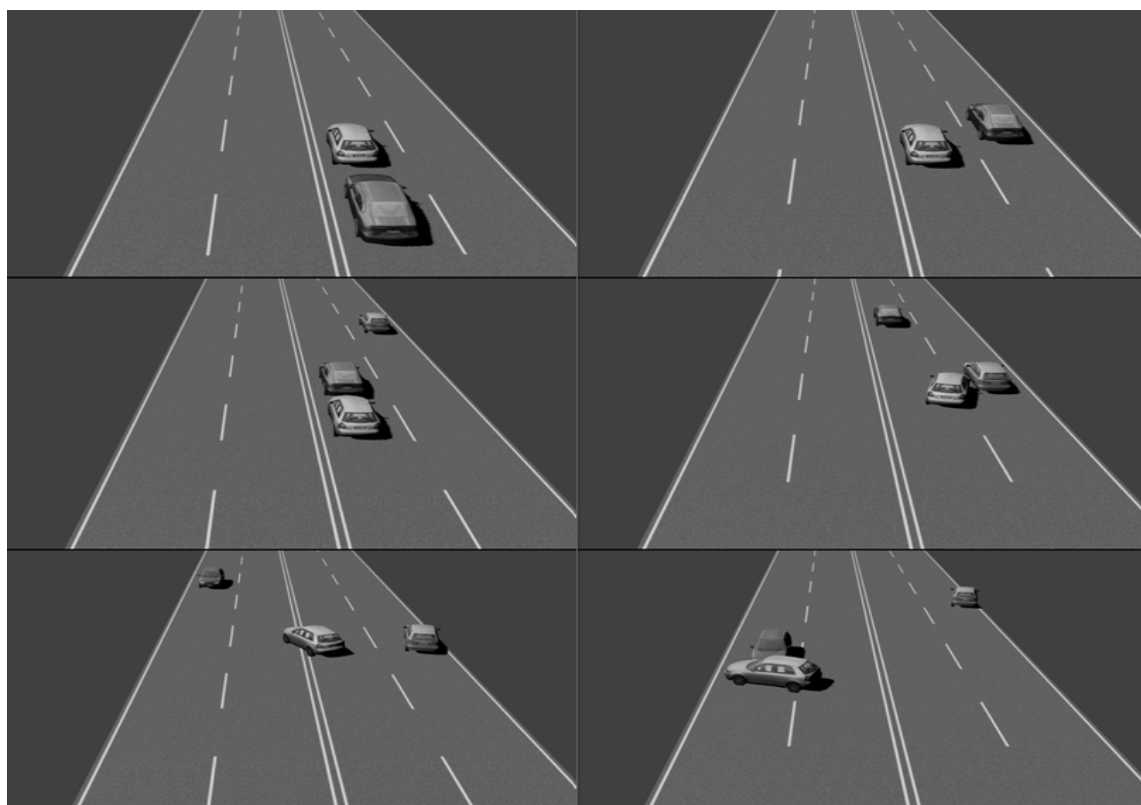

Рис. 2. Пример трехмерной модели дорожно-транспортного происшествия с участием В. на основе анализа материалов уголовного дела

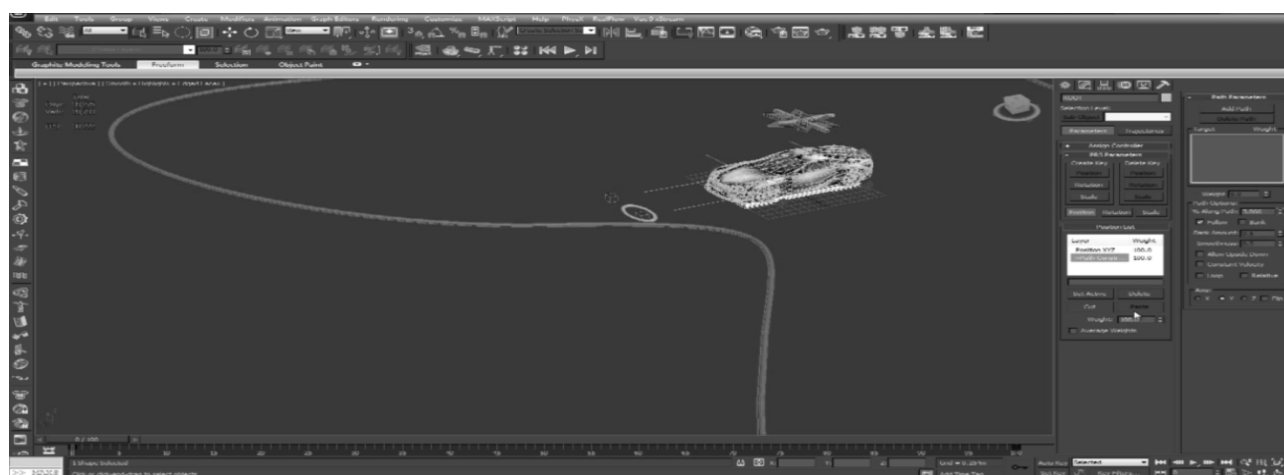

Рис. 3. Рабочая область программы Maxon Cinema 4 D

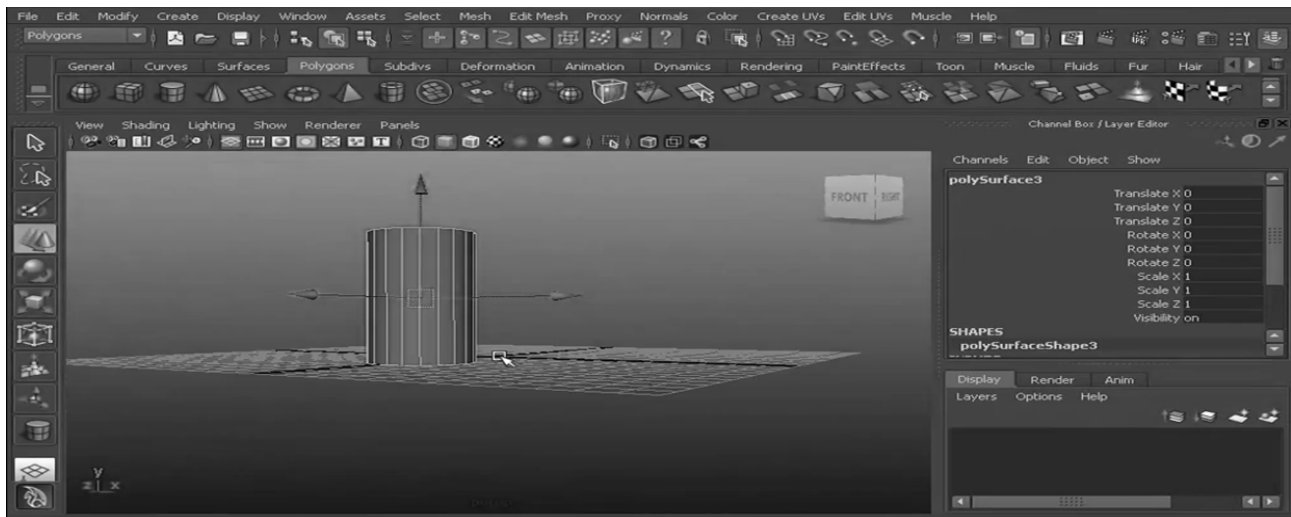

Рис. 4. Рабочая область программы Autodesk Maya

Рис. 5. Рабочая область программы Maxon Cinema 4D

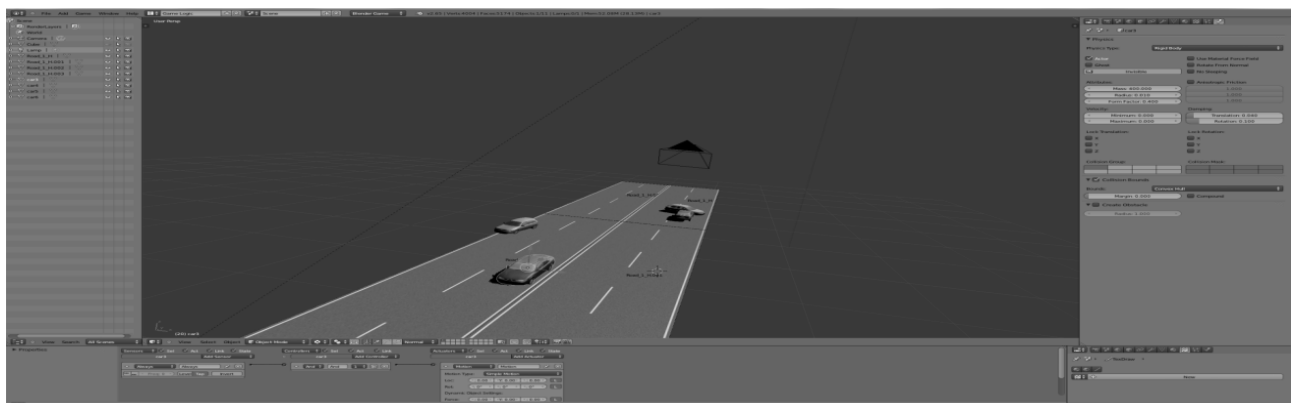

Рис. 6. Рабочая область программы Blender Foundation

программная среда, хорошо поддерживающая анимацию, обеспечивает рендеринг (визуализацию) высокого качества и глобальное освещение. Maxon Cinema 4D – профессиональный компьютерный продукт для создания анимации, позволяющий быстро переключаться между моделированием, анимацией и шаблонами. Blender – программный пакет, находящийся в свободном доступе. Пригоден для создания мультипликационных фильмов, однако имеет ограниченные возможности для профессионального проектирования. Использование различных программных пакетов для трехмерного моделирования компьютерной сцены целесообразно, поскольку позволяет применить каждый пакет для разработки именно того продукта, для которого он наиболее эффективен [1].

У всех изученных нами компьютерных программ существует проблема субъективизма на этапе сбора данных. Дело в том, что не существует выработанных критериев достаточности собранных данных для различных криминальных ситуаций. В итоге по одному и тому же событию могут быть составлены разные анимационные модели, что связано с исходным набором первичных данных. Такое построение анимационных моделей также не исключает возможность фальсификации доказательств стороной обвинения или защиты. Полученные нами результаты позволяют прийти к выводу о том, что существующие программные продукты для трехмерного моделирования не позволяют применять их результаты в качестве самостоятельного вида доказательств по уголовному делу, например, в виде иного документа. Представляется также невозможным предусмотреть достаточное количество плагинов для различных ситуаций (ДТП, причинение вреда здоровью или смерти, мошенничество), а также выработать критерии достаточности данных для различных криминальных ситуаций в самих компьютерных программах.

Считаем, что преодолению обозначенных недостатков будут способствовать следующие меры:

1) Должны быть разработаны критерии для трехмерного моделирования не в общем, а для конкретных криминальных ситуаций. Например, для построения модели ДТП пригодной для целей уголовного процесса должны быть обязательно учтены: дорожные условия, видимость, температура воздуха, покрытие дороги (бульжник или др.), есть ли выбоины, разрытия, продольный профиль пути (уклоны в градусах), направление движения, внешнее окружение (столбы, деревья и т. д.), наличие следов транспортных средств, техническое состояние транспорта, степень загруженности транспортного средства, техническое состояние и скорость технического средства, действия участников ДТП. В том числе должно быть описано как произошел наезд и момент возникновения опасности для движения водителя [8, с. 2–5§ 9].

2) Должны быть стандартизированы требования, предъявляемые к компьютерному оборудованию, используемому для построения трехмерных моделей, а также требования к образованию эксперта или специалиста, которые будут компетентны таким образом презентовать свое заключение или суждение.

В значительной степени снизить субъективизм на стадии сбора данных позволит снятие информации с объективных технических источников, например: бортовых самописцев, видеорегистраторов, автомобильных GPS Loggers, которые зафиксируют параметры, необходимые для моделирования. В Европе уже применяют методы наземного лазерного сканирования для фиксации места ДТП. Наземные лазерные сканеры (например, Riegl VZ-400, который используется полицией Швейцарии) способны за короткий срок создать трехмерную компьютерную модель всего места ДТП, а также отдельных объектов в высоком разрешении и автоматически провести все необходимые измерения [10]. Существуют и 3D-сканеры, которые используются при решении задач ре-инжиниринга, проектирования приспособлений, оснастки, запасных частей при отсутствии оригинальной компьютерной документации на изделие, а также при необходимости перевода в цифровой вид поверхностей сложной формы, в том числе художественных форм и слепков. Образцом такого оборудования также может служить лазерный самопозиционирующийся ручной 3D-сканер ZScanner800 и высокоточный оптический 3D-сканер Breuckmann stereoSCAN 5MP. Подобное оборудование позволяет сканировать различные объекты в широком размерном диапазоне: от нескольких десятков миллиметров до нескольких метров. Погрешность измерения на длине 0,5 м не превышает 0,05 мм. Максимальное разрешение сканирования (размер минимально различимого элемента) – 0,04 мм [11]. 3D-сканирование и 3D-моделирование также применяются для реконструкции последовательности и характера телесных повреждений, фиксации и исследования раневых каналов, реконструкции лица по черепу, возрастной реконструкции. Кроме того, разрабатываются новые методики, позволяющие использовать 3D-технологии для решения самых разнообразных задач судебной медицины. Среди них можно назвать методику определения пола жертвы на основе компьютерного анализа трехмерного изображения черепа; фиксацию с помощью трехмерной фотометрии и последующее исследование 3D-модели следов укуса на мягких тканях; основанное на компьютерном моделировании диагностическое исследование следов крови, зафиксированных на месте происшествия с помощью лазерного 3D-сканирования и др. [14].

На основании вышеизложенного считаем, что использование 3D-моделирования в процессе доказывания по уголовным делам и рассмотрения их в суде может рассматриваться как допустимое, если считать, что моделирование не является самостоятельным доказательством, а используется в качестве презентации других доказательств, имеющихся в деле.

Примечания

¹ The people v. Enrique Duenas. URL: <http://scocal.stanford.edu/opinion/people-v-duenas-34120> (date of the application 10.11.2017).

² Из практики судов Самарского региона.

³ Архив Самарского районного суда г. Самары за 2013 г., дело № 1-4/2013 (1-219/2012).

⁴ Архив Ленинского районного суда г. Самары за 2014 г., дело № 1-64/2014.

Библиографический список

1. Моделирование пожаров и взрывов: монография / под общ. ред. Н.Н. Брушлинского, Я. Корольченко. М.: Пожнаука, 2000. 492 с.
2. Осипова Е.В., Санжаревский Д.С. Использование метода моделирования в расследовании криминальных пожаров // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. Вып. 9. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-metoda-modelirovaniya-v-rassledovanii-kriminalnyh-pozharov> (дата обращения: 10.11.2017).
3. Егорова И.Н., Гайдамашук А.В. Исследование программных сред 3D-моделирования. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-programmnyh-sred-3d-modelirovaniya#ixzz4VBO6CTIQ> (дата обращения: 01.02.2017).
4. Narayanan A., Penny G., Hibbin S., Lochun S.K., Milne W. On using animations in court // Information & Communications Technology Law. Vol. 8. No. 2. 1999. P. 151–163.
5. Sansoni G., Trebeschi M., Docchio F. State-of-The-Art and Applications of 3D Imaging Sensors in Industry, Cultural Heritage, Medicine, and Criminal Investigation. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3280764> (дата обращения: 10.11.2017).
6. Wolfe D. Seeing Is Believing: Visual Tools for Today's Courtroom. URL: <http://www.trialgraphix.com/documents/Seeing%20Is%20Believing.pdf> (дата обращения: 10.11.2017).
7. Dunn M., Salovey P., Feigenson N. The Jury Persuaded (and Not): Computer Animation in the Courtroom // Law & Policy. Vol. 28. Issue 2. 2006. P. 228–248.
8. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе. М.: Юрайт, 2010. 344 с.
9. Головкин Л.В. Курс уголовного процесса. М.: Статут, 2016. 1276 с.
10. Ермаков Ф.Х. Установление безопасности скорости движения транспортных средств и ее использование при расследовании дорожно-транспортных происшествий // Российский следователь. 2013. № 13. С. 2–5.
11. Сатюков Е.А., Сатюков К.А. Использование трехмерного моделирования при расследовании дорожно-транспортных происшествий // Прикладная информатика. 2009. № 2 (20). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-trehmernogo-modelirovaniya-pri-rassledovanii-dorozhno-transportnyh-proisshествiy#ixzz4VBOeg7bl> (дата обращения: 10.11.2017).
12. Безруков Ю.И. Правовые и тактические проблемы осмотра места ДТП при производстве по делам об административных правонарушениях.. URL: <http://xn-7sbaj7auwnffhk.xn-plai/article/13427> (дата обращения: 10.11.2017).
13. Прокофьева Е.В., Барина О.А., Прокофьева О.Ю. Применение метода 3D-моделирования при осмотре места совершения кражи // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 1 (35). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-metoda-3d-modelirovaniya-pri-osmotre-mesta-soversheniya-krazhi#ixzz4VBPgT93Y> (дата обращения: 10.11.2017).
14. Пискунов Е.В. Использование 3 d-технологий в криминалистике и судебной экспертизе. (реферативный обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. Реферативный журнал. 2014 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2014-04-042-ispolzovanie-3-d-tehnologiy-v-kriminalistike-i-sudebnoy-ekspertize-referativnyy-obzor> КиберЛенинка: <https://cyberleninka.ru/article/n/2014-04-042-ispolzovanie-3-d-tehnologiy-v-kriminalistike-i-sudebnoy-ekspertize-referativnyy-obzor> (дата обращения: 10.11.2017).

References

1. *Modelirovanie pozharov i vzryvov: monografiia. Pod obshch. red. N.N. Brushlinskogo, Ia. Korol'chenko* [Simulation of fires and explosions: monograph. N.N Brushlinsky, Ya. Korolchenko (Eds.)]. M.: Pozhnauka, 2000, 492 p. [in Russian].
2. Osipova E.V., Sanzharevsky D.S. *Ispol'zovanie metoda modelirovaniia v rassledovanii kriminal'nykh pozharov* [The use of modeling method in the investigation of criminal fires]. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta* [IKBFU's Vestnik], 2015, Issue 9. Retrieved from: <http://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-metoda-modelirovaniya-v-rassledovanii-kriminalnyh-pozharov> (accessed 10.11.2017) [in Russian].
3. Egorova I.N., Gaydamashchuk A.V. *Issledovanie programmnykh sred 3D-modelirovaniia* [Study of 3D modeling software environments]. Retrieved from: <http://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-programmnyh-sred-3d-modelirovaniya#ixzz4VBO6CTIQ> (accessed 01.02.2017)
4. Narayanan A., Penny G., Hibbin S., Lochun S.K., Milne W. On using animations in court. *Information and Communications Technology Law*, Vol. 8, no. 2, 1999, pp. 151–163 [in English].
5. Sansoni G., Trebeschi M., Docchio F. State-of-the-Art and Applications of 3D Imaging Sensors in Industry, Cultural Heritage, Medicine, and Criminal Investigation. Retrieved from: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3280764/> (accessed 10.11.2017) [in English].
6. Wolfe D. Seeing Is Believing: Visual Tools for Today's Courtroom. Retrieved from: <http://www.trialgraphix.com/documents/Seeing%20Is%20Believing.pdf> (accessed 10.11.2017) [in English].

7. Dunn M., Salovey P., Feigenson N. The Jury Persuaded (and Not): Computer Animation in the Courtroom. *Law & Policy*, Vol. 28, Issue 2, 2006, pp. 228–248 [in English].
8. Lazareva V.A. *Dokazyvanie v ugolovnom protsesse* [Proving in criminal proceedings]. M.: Iurait, 2010, 344 p. [in Russian].
9. Golovko L.V. *Kurs ugolovnogo protsessa* [The course of the criminal process]. M.: Statut, 2016, 1276 p. [in Russian].
10. Ermakov F.H. *Ustanovlenie bezopasnosti skorosti dvizheniia transportnykh sredstv i ee ispol'zovanie pri rassledovanii dorozhno-transportnykh proisshestvii* [Establishment of safety of speed of movement of vehicles and its use at investigation of road and transport incidents]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian Investigator], 2013, no. 13, pp. 2–5 [in Russian].
11. Satukov E.A., Satukov K.A. *Ispol'zovanie trekhmernogo modelirovaniia pri rassledovanii dorozhno-transportnykh proisshestvii* [Use of three-dimensional modeling in the investigation of road accidents]. *Prikladnaia informatika* [Applied Informatics], 2009, no. 2(20). Retrieved from: <http://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-trehmernogo-modelirovaniya-pri-rassledovanii-dorozhno-transportnykh-proisshestviy#ixzz4VBOeg7bl> (accessed 10.11.2017) [in Russian].
12. Bezrukov Yu.I. *Pravovye i takticheskie problemy osmotra mesta DTP pri proizvodstve po delam ob administrativnykh pravonarusheniakh* [Legal and tactical problems of inspecting the place of an accident in the process of proceedings on administrative offenses]. Retrieved from: <http://xn—7sbbaj7auwnffhk.xn—plai/article/13427> (accessed 10.11.2017) [in Russian].
13. Prokofieva E.V., Barinova O.A., Prokofieva O.Yu. *Primenenie metoda 3D modelirovaniia pri osmotre mesta soversheniia krazhi* [Application of 3D modeling method when inspecting the place of theft]. *Iuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika* [Legal Science and Law Enforcement Practice], 2016, no. 1(35). Retrieved from: <http://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-metoda-3d-modelirovaniya-pri-osmotre-mesta-soversheniya-krazhi#ixzz4VBPgT93Y> (accessed 10.11.2017) [in Russian].
14. Piskunov E.V. *Ispol'zovanie 3 d-tehnologii v kriminalistike i sudebnoi ekspertize. (referativnyi obzor)* [Use of 3 d-technologies in criminal investigation and forensics. (abstract review)]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 4: Gosudarstvo i pravo. Referativnyi zhurnal* [Social and Humanitarian Sciences. Domestic and foreign literature. Series 4: State and Law. Abstract journal], 2014. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/2014-04-042-ispolzovanie-3-d-tehnologii-v-kriminalistike-i-sudebnoy-ekspertize-referativnyy-obzor> KiberLeninka: <https://cyberleninka.ru/article/n/2014-04-042-ispolzovanie-3-d-tehnologii-v-kriminalistike-i-sudebnoy-ekspertize-referativnyy-obzor> (accessed 10.11.2017).

R.A. Konygin, L.A. Shestakova*

USE OF COMPUTER THREE-DIMENSIONAL MODELING IN THE CRIMINAL PROCEEDINGS OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article is devoted to the problem of today of application of 3-d technologies in the criminal procedure of the Russian Federation. In the article the content of notions «modeling method» and «3-d modelling» is revealed. The authors come to the conclusion that simplicity and availability of modern means of 3-d scanning and modelling allows to simulate events that can't with sufficient completeness be reconstructed by an investigator and by an expert-criminalist. As an example we view situations of road accidents, computer crimes, legalization of money laundering et al. In the article foreign practice of the use of 3-d modelling in the investigation and considering criminal cases at court is analyzed. The authors come to the conclusion that in the countries of common law legislator admitted the presentation of evidences at court by means of 3-d models as not violating the adversarial principle and the principle of equality of parties. The authors of the article carried out analysis of modern means of 3-d scanning and modelling concerning their availability and applicability for solving problems of the criminal procedure. The obtained results allowed to come to the conclusion that existing software programs don't allow to apply their results as independent forms of evidence on a criminal case. The conclusion is formulated that the use of 3-d modelling in the process of proving on criminal cases and their considering at court can be viewed as acceptable if consider that modelling is not an independent evidence but is used as a means of presentation of other evidences existing at court.

Key words: preliminary investigation, trial, criminalistics, expert, specialist, 3D modeling, animation, modeling, reconstruction.

* Konygin Ruslan Anatolyevich (stargazerfromfairytale@gmail.com), third-year student at the Faculty of Law, Shestakova Lyubov Alexandrovna (lyuboshestakova@yandex.ru), Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

К ВОПРОСУ О ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХ, СОДЕРЖАЩИХ ЦИФРОВУЮ ИНФОРМАЦИЮ

В статье проанализированы понятия «цифровая информация» и «электронное доказательство», сделан вывод о том, что информация не является электронной, т. к. по своей сути представлена в цифровой форме, а не в электронной. Такой вывод основан на результатах анализа вопросов кодирования и декодирования информации, передаваемой в цифровой форме.

Автор приходит к выводу о том, что использование термина «электронное доказательство» некорректно, т. к. информация, содержащаяся в таких доказательствах представлена в цифровой форме, а следовательно, речь идет о доказательствах, содержащих цифровую информацию. Предложено авторское определение доказательств, содержащих цифровую информацию, в котором отмечено, что такие доказательства должны быть облечены в материальную форму (например, распечатаны на принтере (другом копировальном или печатном устройстве) и приобщены к материалам дела). Проанализированы статьи уголовно-процессуального кодекса РФ, регулирующие предмет доказывания, вещественные доказательства, иные документы.

Ключевые слова: цифровая информация, доказательства, цифровые доказательства, вещественные доказательства.

В настоящее время компьютерные и иные аппаратные средства стали неотъемлемой частью нашей жизни. С каждым годом не просто растет количество субъектов, использующих аппаратные средства, но и изменяется их возраст и социальный статус. Так, если в конце 1990-х – начале 2000-х годов основными пользователями аппаратных средств являлись люди молодого и среднего возраста (16–36 лет), имеющие высшее или среднее образование; сейчас возрастные рамки настолько размыты, что их можно определить как 4–65 лет; род деятельности, образование, пол никак не влияют на использование и применение компьютеров и иных аппаратных средств в повседневной жизни человека. С одной стороны, это объясняется «доступностью» таких средств, с другой – это требование времени (эпохи). Происходит расширение границ общения в «виртуальную среду», увеличивается не только количество людей, использующих их, но и количество преступлений, совершенных с их использованием, либо преступлений внутри самой «виртуальной среды» (например, электронных платежных систем, различных социальных сетей, онлайн-игр и т. д.) [1, с. 3; 2, с. 5–7].

Буквально пять-семь лет назад можно было ограничить компьютерные преступления от иных видов преступлений, теперь это сделать все труднее, все чаще так называемые «простые», «некомпьютерные» преступления совершаются с использованием аппаратных средств, программных продуктов и т. д. Более того, при расследовании преступлений все чаще используются специальные программы, аппаратные средства, специальных технических программные комплексы. Например, при расследовании краж, разбоев, грабежей отслеживают сигналы пеленгования мобильных телефонов в сети мобильного оператора с целью поиска свидетелей либо проверки местонахождения подозреваемых. Таким образом, в уголовном процессе и в криминалистике растет количество «цифровой информации», с которой сталкивается следователь, дознаватель, адвокаты, и иные участники уголовного процесса. В научной литературе все чаще обсуждается тема «электронных доказательств» [3, с. 10–15; 4, с. 2]. За последнее время защищены несколько диссертаций по специальностям 12.00.12 – Криминалистика, оперативно-розыскная деятельность, судебная экспертиза; 12.00.09 – Уголовный процесс по вопросам, связанным с использованием цифровой информации, электронных доказательств и т. п. [5; 6].

Прежде чем перейти к анализу вопроса относительно доказательств, содержащих цифровую информацию, попробуем разобраться с основными понятиями.

1. В литературе достаточно часто употребляется термин «электронное доказательство», однако его использование является некорректным. Ни информация, ни доказательства, не могут быть электронными, т. к. этим термином пытаются показать форму такой информации, а она является *цифровой* (курсив мой. – Н.О.). Это обусловлено особенностями передачи информации в компьютерных сетях. Цифровые технологии основаны на методах кодирования и передачи информации: для ее передачи

* © Олиндер Н.В., 2017

Олиндер Нина Владимировна (olindernv@yandex.ru), кафедра уголовного процесса и криминалистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

используется двоичный код шифровки (т. е. 0 и 1), который позволяет информацию не только передавать, но и распознавать при получении ее адресатами.

Информация — от латинского «*informatio*» — разъяснение, изложение, осведомленность. В различных науках выделены различные классификации информации. И если в философии информация делится на объективную (которая отражает явления природы и человеческого общества) и субъективную (которая создается людьми и отражает их взгляды на объективные явления), то в информатике (откуда и было заимствовано понятие «цифровая, электронная») — на аналоговую (информацию, получаемую и передаваемую органами чувств: свет, звук, тепло, вкус, запах) и цифровую (передаваемую с помощью двоичного кода). Другими словами, если цветам присвоить номера, а музыке — ноты и зашифровать это двоичным кодом, то получаем цифровую информацию. Единицей измерения цифровой информации является *binary digit* (двоичная цифра) — бит, т. е. физическое состояние носителя информации: намагниченный сегмент, ненамагниченный (есть «отверстие» 0 — нет «отверстия» 1). Выбор одного из двух возможных вариантов позволяет различить логическую истину или ложь, следовательно, последовательностью битов можно закодировать любое изображение, текст, звук и т. д.

Таким образом, по нашему мнению, для обозначения информации, создаваемой, передаваемой или получаемой посредством компьютерных сетей, необходимо употреблять термин «цифровая информация», так же как и в криминалистике — «цифровой след», хотя в настоящее время применимо понятие «виртуальный след» [7, с. 94–119].

2. Теперь перейдем к размышлениям на тему «Электронное доказательство». Есть оно или нет? Как было сказано выше, в течение 2015–2017 годов были защищены диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук по рассматриваемой тематике в рамках научной специальности 12.00.09 — Уголовный процесс. Два автореферата были обсуждены на кафедре уголовного процесса и криминалистики Самарского университета, по которым автор принимал участие в подготовке отзывов:

1) Оконенко Р.И. «Электронные доказательства» и проблемы обеспечения прав граждан на защиту тайны личной жизни в уголовном процессе: сравнительный анализ законодательства США и РФ), (Москва).

2) Кувычков С.И. Использование в доказывании по уголовным делам информации, представленной в электронном виде (Нижний Новгород).

В представленных авторефератах предпринята попытка систематизации информации о предмете исследования, сделаны определенные выводы о возможности (или ее отсутствии) использования «электронных» доказательств в уголовном процессе. На наш взгляд, в работах остались не рассмотрены вопросы понятийного аппарата, не рассмотрен вопрос самого понятия «электронное». В большинстве случаев, процессуалисты, а порой и криминалисты в своих работах просто заимствуют термин «электронное», не задумываясь о его значении в информатике. Как было сказано выше, правильнее употреблять термин «цифровое». В связи с этим информация, которая имеет доказательственное значение для расследования преступления, и которая выражена в цифровой форме, и будет являться цифровой информацией.

Для рассмотрения вопроса относительно цифровой информации, которая может выступать доказательством, необходимо обратиться к ст. 73, 74, 81, 84 УПК РФ.

Статья 73 УПК РФ устанавливает перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу (предмет доказывания), к которым относит: событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства); виновность лица, совершившего преступление; обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого; характер и размер вреда, причиненного преступлением; обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния; обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание; обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности; обстоятельства, подтверждающие, что имущество, подлежащее конфискации, получено преступным путем. Любое из перечисленных обстоятельств в наше время, когда все используют компьютеры и иные аппаратные средства, может быть представлено в цифровой форме. Именно поэтому многие авторы именно такие обстоятельства называют «электронными доказательствами». Но это неправильно по своей сути (о чем было сказано выше), и это находит подтверждение в последующих статьях УПК РФ, который не предусматривает такой вид доказательств, как электронные.

Статья 74 УПК РФ определяет доказательства как единство сведений и процессуального источника. В качестве доказательств УПК допускает: показания подозреваемого и обвиняемого; показания потерпевшего и свидетеля; заключение и показания эксперта; вещественные доказательства; протоколы следственных и судебных действий; иные документы. Проанализировав перечень доказательств и соотнеся их с возможностью облечения в цифровую форму, можно сделать вывод, что в качестве таковых могут выступать только два вида доказательств: вещественные доказательства и иные документы. В отношении и вещественных доказательств, и иных документов есть четкая регламентация УПК РФ.

Статья 81 УПК РФ к вещественным доказательствам относит:

- предметы, которые служили орудиями преступления (следовательно, это может быть программный продукт, вредоносная программа, с использованием которых совершено преступление);
- предметы, на которые были направлены преступные действия; деньги, ценности и иное имущество, полученное в результате совершения преступления (в т. ч. электронные платежные средства, «виртуальная» собственность);

– иные предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления (в т. ч. специальные программы для считывания цифровой информации).

Что касается иных документов, то ст. 84 УПК РФ устанавливает следующее: «...иные документы допускаются в качестве доказательств, если изложенные в них сведения имеют значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию». Пункт 2 указанной статьи устанавливает, что документы могут содержать сведения, зафиксированные *как в письменном, так и в ином виде*. Следовательно, любая информация, имеющая отношение к делу, выраженная в цифровой форме, будет являться иным документом.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что доказательства, содержащие цифровую информацию, – это вещественные доказательства, которые представлены в виде документов, имеющих цифровую форму (иные документы), которые облечены в материальную форму с помощью специальных аппаратных средств и программных продуктов (распечатаны на принтере, скопированы на носитель цифровой информации и т. д.).

Библиографический список

1. Дикова Н.В. Особенности расследования преступлений, совершенных с использованием электронных платежных средств и систем: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Воронежский государственный университет. Воронеж, 2011. 23 с.
2. Олиндер Н.В. Преступления, совершенные с использованием электронных платежных средств и систем: криминалистический аспект: монография. М. : Издательство «Русайнс», 2014. 124 с.
3. Зигура Н.А. Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. 20 с.
4. Бикмеев Р.Г., Бурганов Р.С. Собираение электронных доказательств в уголовном судопроизводстве // Аналитический портал Отрасли права. 2016. URL: <http://xn--7sbbaj7auwnffhk.x-plai/article/19070> (дата обращения: 18.12.2017).
5. Оконенко Р.И. «Электронные доказательства» и проблемы обеспечения прав граждан на защиту тайны личной жизни в уголовном процессе : сравнительный анализ законодательства США и РФ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА). М., 2014. 20 с.
6. Кувычков С.И. Использование в доказывании по уголовным делам информации, представленной в электронном виде: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Нижегородская Академия МВД России. Нижний Новгород, 2016. 22 с.
7. Мещеряков В.А. Преступления в сфере компьютерной информации: основы теории и практики расследования. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002. 253 с.

References

1. Dikova N.V. *Osobennosti rassledovaniia prestuplenii, sovershennykh s ispol'zovaniem elektronnykh platezhnykh sredstv i sistem: Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata iuridicheskikh nauk* [Features of investigation of crimes committed with the use of electronic payment means and systems: author's abstract of Candidate's of Law thesis]. Voronezh: Voronezhskii gosudarstvennyi universitet, 2011, 23 p. [in Russian].
2. Olinder N.V. *Prestupleniia, sovershennye s ispol'zovaniem elektronnykh platezhnykh sredstv i sistem: kriminalisticheskii aspekt. Monografiia* [Crimes committed with the use of electronic payment instruments and systems: kriminalisticheskii aspekt. Monograph]. M.: Izdatel'stvo «Rusains», 2014, 124 p. [in Russian].
3. Zigura N.A. *Komp'iuternaia informatsiia kak vid dokazatel'stv v ugovnom protsesse Rossii: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk* [Computer information as a form of evidence in criminal proceedings of Russia: author's abstract of Candidate's of Law thesis]. Chelyabinsk, 2010, 20 p. [in Russian].
4. Bikmaev R.G., Burganov R.S. *Sobiranie elektronnykh dokazatel'stv v ugovnom sudoproizvodstve* [Gathering of electronic evidence in criminal legal proceedings]. *Analiticheskii portal Otrasi prava* [Analytical portal Branches of law], 2016. Retrieved from: <http://xn--7sbbaj7auwnffhk.xn-plai/article/19070> (accessed 18.12.2017) [in Russian].
5. Okanenok R.I. *«Elektronnye dokazatel'stva» i problemy obespecheniia prav grazhdan na zashchitu tainy lichnoi zhizni v ugovnom protsesse : sravnitel'nyi analiz zakonodatel'stva SShA i RF): Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata iuridicheskikh nauk* [«Electronic evidences» and the problems of ensuring rights of citizens for protection of privacy in the criminal process: comparative analysis of legislation of the USA and Russia): author's abstract of Candidate's of Law thesis]. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 2014, 20 p. [in Russian].
6. Kulichkov S.I. *Ispol'zovanie v dokazyvanii po ugovnym delam informatsii, predstavlennoi v elektronnom vide: Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata iuridicheskikh nauk* [Use in proving criminal cases of the information presented in electronic form: author's abstract of Candidate's of Law thesis]. Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia. Nizhny Novgorod, 2016, 22 p. [in Russian].
7. Meshcheryakov V.A. *Prestupleniia v sfere komp'iuternoii informatsii: osnovy teorii i praktiki rassledovaniia* [Crimes in the sphere of computer information: fundamentals of the theory and practice of investigation]. Voronezh: Izd-vo Voronezh. gos. un-ta, 2002, 253 p. [in Russian].

*N.V. Olinder**

ON THE ISSUE OF EVIDENCES CONTAINING DIGITAL INFORMATION

The article analyzes the concept of «digital information» and «electronic evidence», it is concluded that information is not electronic, because, essentially represented in digital form rather than in electronic. This conclusion is based on the results of the analysis of questions of coding and decoding of information transmitted in digital form.

The author comes to the conclusion that the use of the term «electronic evidence» is incorrect, because the information contained in such evidence are presented in digital form, and therefore, we are talking about evidence containing digital information. A definition of evidence containing digital information, where it is stated that such evidence should be encapsulated in material form (e.g., printed (photocopy printed or other device), and attached to the case) is proposed. Articles of the criminal procedure code of the Russian Federation, regulating the subject of proof, evidence, and other documents are analyzed.

Key words: digital information, evidence, digital evidence, Weston proof.

* *Olinder Nina Vladimirovna* (olindernv@yandex.ru), Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

УДК 343.1

А.С. Таран*

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ И ИССЛЕДОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ

Правосубъектность редко выступает предметом изучения в рамках науки уголовного процесса. Появление новых информационных технологий расширяет возможности ученых во многих направлениях исследований, в том числе и в указанном. В изучении уголовно-процессуальной правосубъектности наиболее актуально исследование ситуаций выявления неправосубъектности субъектов уголовного процесса и отстранения их от участия в нем (отвода).

Отвод — относительно нечастое явление, он осуществляется далеко не по каждому уголовному делу. Интернет-ресурсы открывают перед нами доступ к достаточному количеству практического материала по отводам участников процесса. Можно выделить ряд источников (направлений поиска), по которым можно обнаружить необходимую информацию.

1. Информационные бесплатные справочно-правовые порталы, такие как *РосПравосудие.ру* и *Право.ру*; 2. Справочные правовые системы «Консультант+» и «Гарант»; 3. Официальные сайты судов различного уровня; 4. Личные сайты адвокатов и иных лиц, осуществляющих представление интересов участников уголовного процесса; 5. Видеоматериалы, выкладываемые различными пользователями сети Интернет.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовно-процессуальная правосубъектность, участники уголовного процесса, отвод.

Правосубъектность участников уголовного процесса нечасто выступает предметом научных исследований. Еще полвека назад в научной литературе отмечалась необходимость соответствующих разработок этой темы [1, с. 107], что и сейчас остается актуальным. Следует отметить, что появление новых информационных технологий расширяет возможности ученых во многих направлениях исследований, в том числе и в указанном.

Особенно значимо в изучении уголовно-процессуальной правосубъектности исследование ситуаций выявления неправосубъектности субъектов уголовного процесса и отстранения их от участия в нем (отвода).

Отвод — относительно нечастое явление, он осуществляется далеко не по каждому уголовному делу. Действительно, участники уголовного процесса достаточно часто прибегают к заявлению отвода как средству отстранения того или иного субъекта от производства по уголовному делу. Однако реально присутствие в уголовном процессе субъекта, не обладающего признаками, позволяющими в нем участвовать (неправосубъектного с точки зрения закона), — явление не столь распространенное. Соответственно, изучение практики на местном уровне не дало бы столько практического материала, сколько можно обнаружить посредством интернет-ресурсов. Следует выделить ряд источников (направлений поиска), по которым можно обнаружить необходимую информацию.

В частности, к таковым относятся информационные бесплатные справочно-правовые порталы, такие как *РосПравосудие.ру* и *Право.ру*. Эти интернет-ресурсы содержат широкую базу различных процессуальных документов, в том числе постановления, определения, приговоры, в которых так или иначе решается вопрос о правосубъектности участников уголовного процесса. Обилие представленных в них материалов таково, что можно обнаружить решения, в которых по одному делу был произведен отвод даже нескольких участников процесса. Так, например, благодаря этим информационным базам общественности стала доступна информация о ситуации осуществления отвода сразу нескольких адвокатов по не зависящим друг от друга основаниям. Так, по уголовному делу в отношении Ф.В.Б., Л.А.С., Ю.А.М., Ш.А.А., В.А.М. был произведен отвод адвоката-защитника Паулова П.С. по п. 1 ч. 1 ст. 72 УПК РФ как ранее участвовавшего в производстве по данному уголовному делу в качестве следователя, а также адвоката-защитника Кильмаева А.А., по п. 2 ч. 1 ст. 72 УПК РФ, являвшегося родным братом следователя Кильмаева Е.А., проводившего отдельные следственные действия по данному делу [2].

Значительное количество решений по отводу участников уголовного процесса содержится в широко известных всем нашим юристам-соотечественникам справочных правовых системах «Консультант+» и

* © Таран А.С., 2017

Таран Антонина Сергеевна (jjournal@mail.ru), кафедра уголовного процесса и криминалистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

«Гарант». Среди представленного в них значительного количества практического материала по отводам участников уголовного процесса также можно обнаружить дела, в которых производился отвод сразу нескольких лиц. Так, по делу Б., П., Ш. и С. в ходе судебного разбирательства был произведен отвод и адвоката-представителя потерпевшего Охлопкова Н.И., и защитника-адвоката Шкинтера А.К. на основании того, что первый являлся родственником следователя, ранее принимавшего участие в производстве по делу, а второй ранее участвовал в данном уголовном процессе в качестве следователя [3].

Весьма значимо изучение правоприменительной деятельности по отводам участников уголовного процесса путем обращения к официальным сайтам судов различного уровня. Это позволяет знакомиться не только с традиционно публикуемыми в печати решениями Верховного Суда РФ, но и с местной практикой различных регионов. Анализ судебных решений, затрагивающих уголовно-процессуальную правосубъектность, продемонстрировал нам очевидность различий в толковании законодательства, противоречия решений друг другу и другие недостатки.

Так, например, интересно расхождение в практике различных судов по вопросу о возможности обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ решения следователя (дознателя) об отводе адвокатов.

В частности, Судебная коллегия по уголовным делам Архангельского областного суда в кассационном определении от 29 августа 2006 г. отметила, что адвокат не вправе обжаловать решение о своем отводе в порядке ст. 125 УПК РФ, т. к. он не является ни участником процесса, ни заинтересованным лицом, т. е. «лицом, интересы которого нарушены обжалуемым решением» [4].

К выводу о том, что отвод конкретного адвоката от участия в деле рассмотрению в порядке ст. 125 УПК РФ не подлежит в принципе, независимо от субъекта такого обжалования, пришел Амурский областной суд. Благовещенский городской суд Амурской области оставил без удовлетворения жалобу В. о признании незаконным постановления следователя от 12 мая 2009 г. об отстранении адвоката К. от участия в производстве по делу. Кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Амурского областного суда постановление городского суда оставлено без изменения. Президиум этого же суда постановлением от 22 марта 2010 г. состоявшиеся судебные решения отменил, производство по жалобе прекратил, посчитав, что оснований для рассмотрения жалобы В. по существу у суда нет.

При этом он сослался на то, что в силу ч. 3 ст. 29 и ст. 125 УПК РФ в ходе досудебного производства по уголовному делу могут быть обжалованы в суд не любые действия (бездействие) и решения следователя, а лишь те, которые «способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию».

Постановление следователя (дознателя) об отводе адвоката данному условию, по мнению суда, не отвечает [5].

В то же время благодаря Интернету известна и противоположная практика. Так, адвокат Шангиреев С.Р. в порядке ст. 125 УПК РФ обжаловал в Зюзинский районный суд г. Москвы постановление следователя УФСКН России по г. Москве от 2 августа 2012 г. о своем отводе от защиты обвиняемого Ш. Постановлением Зюзинского районного суда г. Москвы от 13 августа 2012 г. жалоба была возвращена заявителю. При этом суд указал, что адвокат Шангиреев С.Р. не является участником уголовного судопроизводства, его жалоба не может быть предметом рассмотрения в порядке ст. 125 УПК РФ, поскольку постановление следователя УФСКН России по г. Москве не затрагивает конституционные права и законные интересы адвоката Шангиреева С.Р.

Московский городской суд не согласился с данным решением, указав, что «адвокат Шангиреев С.Р. действует в интересах обвиняемого Ш. и доводы заявителя о нарушении прав и законных интересов обвиняемого Ш. при вынесении процессуального решения об отводе адвоката Шангиреева С.Р. подлежали рассмотрению в порядке ст. 125 УПК РФ» [6]. Постановление Зюзинского районного суда г. Москвы было отменено, материалы жалобы отправлены Московским городским судом в тот же суд со стадии принятия решения.

По другому делу Верховным Судом Республики Карелии был отвергнут аргумент о том, что «при подаче жалобы Заранова не являлась участником уголовного судопроизводства, так как была отведена от защиты», как обоснование недопустимости обжалования ею решения следователя об отводе, изложенного и.о. прокурора Кемского района Кытковым А.В. в кассационном представлении на постановление судьи Кемского городского суда Республики Карелии от 28 апреля 2012 г. Последним была удовлетворена поданная в порядке ст. 125 УПК РФ жалоба адвоката Зарановой Т.В. на постановление начальника отделения № 3 СО МО МВД России «Кемский» Ч. об отводе адвоката З. [7].

В этой связи показательны метаморфозы Обзора судебной практики рассмотрения уголовных дел в апелляционном порядке за четвертый квартал 2013 г. Суда Ямало-Ненецкого автономного округа [8]. В качестве ориентира в нем было приведено его решение от 16 декабря 2013 г., которым постановление следователя об отводе адвоката было признано не подлежащим судебному обжалованию как не выходящее за рамки уголовно-процессуальных отношений, не нарушающее права и свободы заявителя и не затрудняющее ему доступ к правосудию. 5 февраля 2014 г. из обзора данное решение было исключено как противоречащее Определению Конституционного Суда Российской Федерации от 9 ноября 2010 года № 1573-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Дубининой Татьяны Николаевны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 69 и пунктами 1 и 3 части первой статьи 72 Уголовно-процессуального кодекса РФ» [9].

Другое направление получения информации о практике, затрагивающей проблемы правосубъектности участников уголовного процесса, — личные сайты адвокатов и иных лиц, осуществляющих представление интересов участников процесса.

Примером таких сайтов может служить сайт адвоката Валиуллина Рустама Рафаэлевича www.lawfulstate.ru.

Адвокат обнаружил достаточно интересные материалы об отводе 11 ноября 2008 г. следователем Р. Галимуллинским адвокатов С. Сидорковой и Р. Валиуллина в связи с тем, что они отказались от дачи подписки о неразглашении данных предварительного расследования. На сайте содержатся также постановление следователя от 11 ноября 2008 г. об отводе адвокатов и определение Набережночёрнинского городского суда от 17 ноября 2008 г., признавшего решение следователя не подлежащим отмене.

Решение суда неоспорно. Суд, в частности, прямо указал, что законом действительно не предусмотрена обязанность защитника давать подписку о неразглашении данных предварительного расследования, но дальнейшее участие защитника в уголовном судопроизводстве без выполнения этого требования следователя не представляется возможным, поскольку его в противном случае нельзя будет привлечь к ответственности за разглашение данных предварительного расследования, что «противоречит интересам государства в целом», а защитник не только вправе, но и обязан давать такую подписку только «в целях дальнейшего участия в уголовном судопроизводстве и защиты интересов своего подзащитного».

Суд отметил также, что УПК РФ не содержит такого основания для отвода адвоката, но «в то же время изложенное в соответствии общими принципами и назначением уголовного судопроизводства позволяет суду сделать однозначный вывод о законности отвода защитника» [10]. Таким образом, сайт адвоката Р.Р. Валиуллина представил достаточно интересный пример выхода суда за рамки ст. 72 УПК РФ и применения к требованиям правосубъектности участника процесса расширительного толкования.

Другой пример — сайт адвоката Г.Л. Казака, изложившего решение, по которому он был отведен 2 июня 2010 г. от участия в уголовном процессе на основании п. 3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ. Заметим, что адвокат представлял интересы свидетеля Ж.Е.С., однако в постановлении об отводе был назван следователем защитником подозреваемого. Обжалование этого решения в порядке ст. 125 УПК РФ со ссылкой на то, что Ж.Е.С. по закону подозреваемым не является и что УПК РФ не предусматривает отвод адвоката, представляющего интересы свидетеля, к отмене постановления следователя не привело [11].

В ряде случаев именно на личных сайтах правозащитники обнаруживают информацию о нарушении права участия в уголовном судопроизводстве.

Так, как следует из информации, изложенной гражданином А.А. Романовым, Санкт-Петербургский городской суд допустил его 10 февраля 2003 г. к участию в деле в качестве защитника по ходатайству подсудимого А.В. Телепина. Тот же суд 06.10.2004 отстранил его от участия в производстве по делу. В качестве основания данного решения суд указал на то, что поведение А. Романова не отвечает требованиям закона — он допускал некорректные и оскорбительные высказывания в адрес суда и других участников уголовного судопроизводства, своим поведением нарушал их конституционные права, совершал действия, направленные на умышленное затягивание рассмотрения дела без уважительной причины, приводящие к срыву заседаний, фактически защиту подсудимого не осуществлял. Примечательно при этом, что сам А.А. Романов в момент отстранения в зале суда не присутствовал, поскольку находился в другом городе, где участвовал в судебном заседании по другому делу. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, рассмотрев жалобу А.А. Романова, не увидела оснований для отмены решения, указав в своем определении от 16.12.2004: «Ссылка Романова на то, что он был занят в другом процессе, во внимание принята быть не может, поскольку он занят прежде всего в деле по обвинению Телепина» [12].

Интерес представляют также видеоматериалы, выкладываемые различными пользователями сети Интернет. Среди них можно выделить видеозапись судебного заседания, размещенную Общественной организацией «Росдержжава» на своем сайте rosderzhava.ru посредством видеохостинговой компании YouTube. Видеозапись запечатлела как адвоката Вяткина Д.А., отказавшегося покинуть зал судебного заседания до тех пор, пока суд не вынесет официального решения об отстранении его от производства по делу, пристав буквально вынес из зала судебного заседания. После чего судья Щур отчетливо произнесла: «Адвокат... по каким-то нам неизвестным причинам сейчас покинул здание суда». Впоследствии судья направил в Квалификационную коллегия Адвокатской палаты Санкт-Петербурга жалобу на адвоката. По результатам ее рассмотрения Денис Вяткин был исключен из реестра адвокатов и лишен адвокатского статуса. И только благодаря размещению указанного видео в Интернете и вмешательству общественности статус адвоката был восстановлен. В настоящий момент данный видеоролик набрал почти 215 тыс. просмотров [13].

Мы отметили ряд направлений изучения уголовно-процессуальной правосубъектности, которые открывает перед нами Интернет. Безусловно, благодаря современным информационным технологиям практика реализации института правосубъектности участников уголовного процесса становится более доступной для изучения и повышает возможности для исследований в этой сфере.

Библиографический список

1. Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1980. 252 с.
2. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Мордовия от 29 апреля 2013 г. Материал № 22-997/13. URL: <https://rospravosudie.com/court-verhovnyj-sud-respubliki-mordoviya-respublika-mordoviya-s/act-473808993>.
3. Определение Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 апреля 2008 г. № 74-О08-16. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Архангельского областного суда от 29 августа 2006 г. Дело № 22-к-2602 // Официальный сайт Архангельского областного суда.
5. Бюллетень Амурского областного суда. (1 квартал 2010 г.). URL: http://oblsud.tsl.ru/bul/bul_1_10.doc.
6. Кассационное определение Московского городского суда от 15 октября 2012 г. по делу № 22-13467/2012. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. Кассационное определение Верховного Суда Республики Карелия от 18 июня 2012 г. по делу № 22к-1236/2012 (извлечение). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
8. Официальный сайт суда Ямало-Ненецкого автономного округа. Обзор судебной практики рассмотрения уголовных дел в апелляционном порядке за четвертый квартал 2013 года. URL: http://oblsud.ynao.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=651.
9. Официальный сайт суда Ямало-Ненецкого автономного округа. Новости от 05.02.2014. URL: http://oblsud.ynao.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=653.
10. Определение Набережночелнинского городского суда от 17 ноября 2008 г. URL: <http://www.lawfulstate.ru/attack3postotkintergos.html>.
11. Казак Г.Л. Отвода адвоката. URL: <http://advokatkazak.ru/otvod-advokata>.
12. Романов А.А. Защитника — отстранить. URL: <http://www.romanovaa.ru/otstranit!>
13. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=VSnF77RarT8>.

References

1. Alekseev N.S., Daev V.G., Kokorev L.D. *Ocherk razvitiia nauki sovetskogo ugovornogo protsessa* [Essay on the development of the science of the Soviet criminal process]. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo universiteta, 1980, 252 p. [in Russian].
2. *Apeliatsionnoe opredelenie Sudebnoi kollegii po ugovornym delam Verkhovnogo suda Respubliki Mordoviia ot 29 apreliia 2013g. Material № 22-997/13* [The appellate ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Republic of Mordovia dated April 29, 2013. Material No. 22-997 / 13]. Retrieved from: <https://rospravosudie.com/court-verhovnyj-sud-respubliki-mordoviya-respublika-mordoviya-s/act-473808993> [in Russian].
3. *Opredelenie Sudebnoi Kollegii po ugovornym delam Verkhovnogo Suda RF ot 29 apreliia 2008g. № 74-O08-16* [Definition of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 29, 2008. № 74-O08-16]. Retrieved from legal reference system Consultant+ [in Russian].
4. *Kassatsionnoe opredelenie Sudebnoi kollegii po ugovornym delam Arkhangel'skogo oblastnogo suda ot 29 avgusta 2006g. Delo № 22-k-2602* [Cassation determination of the Judicial Board of Criminal Cases of the Arkhangelsk Regional Court dated August 29, 2006. Case No. 22-to-2602]. Retrieved from: Ofitsial'nyi sait Arkhangel'skogo oblastnogo suda [Official site of the Arkhangelsk Regional Court] [in Russian].
5. *Biulleten' Amurskogo oblastnogo suda. (1 kvartal 2010g.)* [Bulletin of the Amur Regional Court. (1 Quarter of 2010)]. Retrieved from: http://oblsud.tsl.ru/bul/bul_1_10.doc [in Russian].
6. *Kassatsionnoe opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 15 oktiabria 2012 g. po delu № 22-13467/2012* [Cassation determination of the Moscow City Court dated October 15, 2012 with regard to case No. 22-13467/2012]. Retrieved from legal reference system Consultant+ [in Russian].
7. *Kassatsionnoe opredelenie Verkhovnogo Suda Respubliki Kareliia ot 18 iunia 2012g. po delu № 22k-1236/2012 (izvlechenie)* [Cassation determination of the Supreme Court of the Republic of Karelia dated June 18, 2012 with regard to case No. 22k-1236/2012 (extract)]. Retrieved from legal reference system Consultant+ [in Russian].
8. *Ofitsial'nyi sait suda Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga. Obzor sudebnoi praktiki rassmotreniia ugovornykh del v apeliatsionnom poriadke za chetvertyi kvartal 2013 goda* [The official site of the court of the Yamal-Nenets Autonomous District. Review of the judicial practice of considering criminal cases on appeal for the fourth quarter of 2013]. Retrieved from: http://oblsud.ynao.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=651 [in Russian].
9. *Ofitsial'nyi sait suda Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga. Novosti ot 05.02. 2014g.* [Official website of the court of the Yamal-Nenets Autonomous District. News from 05.02.2014]. Retrieved from: http://oblsud.ynao.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=653 [in Russian].
10. *Opredelenie Naberezhnocherninskogo gorodskogo suda ot 17 noiabria 2008g.* [Definition of the Naberezhnye Chelny City Court dated November 17, 2008]. Retrieved from: <http://www.lawfulstate.ru/attack3postotkintergos.html> [in Russian].
11. Kazak G.L. *Otvoda advokata* [Lawyer's Dismissal]. Retrieved from: <http://advokatkazak.ru/otvod-advokata> [in Russian].
12. Romanov A.A. *Zashchitnika—otstranit'* [Defender-remove]. Retrieved from: <http://www.romanovaa.ru/otstranit!> [in Russian].
13. Retrieved from: <https://www.youtube.com/watch?v=VSnF77RarT8> [in Russian].

*A.S. Taran****INTERNET RESOURCES AND INVESTIGATION OF CRIMINAL PROCEDURAL PERSONALITY**

Legal personality rarely appears as a subject of study in the science of criminal process. The emergence of new information technologies expands the capabilities of scientists in many areas of research, including the one indicated. In the study of criminal procedural personality, the most relevant is the study of situations in which the subjects of the criminal process are found to be unsuitable and are excluded from participation in it (challenge).

Withdrawal is a relatively infrequent phenomenon, it is not carried out for every criminal case. Internet resources provide us with access to a sufficient amount of practical material on the eligibility of participants in the process. You can identify a number of sources (search directions), through which you can find the necessary information.

1. Informational free reference and legal portals, such as *RosPravosudi.ru* and *Pravo.ru*; 2. Legal reference systems *Consultant+* and *Garant*; 3. Official sites of courts of various levels; 4. Personal websites of lawyers and other persons carrying out representation of interests of participants in criminal proceedings; 5. Videos uploaded by various Internet users.

Key words: criminal process, criminal procedural personality, participants in criminal proceedings, challenge.

* *Taran Antonina Sergeevna* (jjournal@mail.ru), Department of Criminal Process and Criminology, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343

А.Н. Халиков*

ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА ПОЗНАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В статье обосновывается правовое значение любой поступающей в правоохранительные органы информации для раскрытия преступлений и их расследования. Только после поступления информации к органам уголовной юстиции она подлежит проверке и оценке. В частности, дается классификация информации, которая подлежит проверке при установлении обстоятельств преступления. К такой информации относятся: сведения, добытые до возбуждения уголовного дела; сведения, полученные в результате следственных и иных процессуальных действий в процессе предварительного расследования; сведения как результаты оперативно-розыскной деятельности; сведения, представленные стороной защиты; сведения, имеющиеся в действительности (материальные, идеальные, виртуальные следы), но не полученные субъектами уголовного судопроизводства в силу объективных или субъективных причин. Проведен анализ каждого из перечисленных видов информации.

Ключевые слова: доказательства, защита, информация, оперативно-розыскная деятельность, расследование, следователь, уголовное дело.

Информация о признаках преступления в уголовном судопроизводстве – это сведения об обстоятельствах, которые имели место в прошлом, необходимые для составления картины исследуемого уголовно наказуемого деяния во всех его чертах для использования в уголовном процессе с целью принятия уголовно-правового решения о наличии или отсутствии состава преступления. С точки зрения следователя, речь идет о необходимости получения *любой информации*, значимой для познания всех обстоятельств преступления. Конечно, это не означает, что такая информация формирует истину или даже пригодна для уголовного процесса. Однако это вопрос проверки и оценки информации, ее перехода от количественных показателей в качественные, и не относится к этапу получения новых сведений. Отсюда следует, что вопросы исследования информации с последующим ее процессуальным отбором и оценочной характеристикой не могут влиять на необходимость ее поступления в любом объеме [1, с. 160–161]. Представляется, что к такой информации не может быть применен термин «криминалистическая», так как ее правовое значение будет определено только по итогам проверки и оценки органами уголовной юстиции [2, с. 270].

В то же время сам процессуальный закон указывает, что по уголовному делу в качестве доказательств допускаются *любые сведения*, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определяемом УПК РФ, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию (ч. 1 ст. 74 УПК РФ). В данном положении говорится как о содержании (любые сведения), так и о форме сведений (соответствие УПК РФ), то есть той информации, которая должна иметь место в уголовном деле, или, иными словами, о сущности и явлении категории информации. Тем самым с позиций *содержания* информации, ее сущности – ею являются любые сведения, устанавливающие наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию, а также относящейся к позна-

* © Халиков А.Н., 2017

Халиков Аслям Наилевич (han010@yandex.ru), кафедра криминалистики, Институт права, Башкирский государственный университет, 450076, Российская Федерация, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.

нию преступления. С позиций правовой *формы* информации – это надлежащий порядок работы с получаемыми сведениями, основанный на требованиях УПК РФ. Форма получаемых сведений обязана соответствовать закону. В конечном итоге, только при оптимальном сочетании содержания и формы информация переходит в разряд доказательств [3, с. 100–105].

Информация имеет различную форму в зависимости от ее использования сторонами обвинения и защиты. Установленные уголовно-процессуальным законом критерии доказывания в полной мере распространяются только на обвинение. Правовые требования к порядку получения оправдательной информации носят гораздо более мягкий характер.

Традиционно правоприменители, особенно следователи, не анализируя часть 1 ст. 74 УПК РФ о наличии любых сведений, допускаемых в качестве доказательств, сразу обращаются к части 2, в которой перечисляются виды доказательств, которые можно использовать при расследовании уголовного дела. Причем речь идет о перечне доказательств, которые могут быть получены только после возбуждения уголовного дела и только сотрудниками органов расследования. Тем самым, форма информации сразу ограничивается до определенных в УПК РФ процессуальных действий, которые могут быть произведены только стороной обвинения. Это говорит о доступности уголовно-процессуальной информации в сфере обвинения, но, к сожалению, не о полноте информационного наполнения уголовного процесса в целом.

Более того, если мы обратимся к статье ч. 2 ст. 15 УПК РФ, регламентирующей принцип состязательности сторон, то увидим, что функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо. Это означает, что недопустима ситуация, когда всю информацию по уголовному делу доминирующе добывает только сторона обвинения при отсутствии у нее обязанности собирать оправдывающие доказательства или иную информацию, которая противоречила бы обвинительному направлению в уголовном процессе. Заметим, что на данное противоречие неоднократно обращалось внимание в научной литературе [4, с. 76]. Однако следственная практика остается неизменной, что в практической деятельности ведет к постоянному нарушению прав и интересов участников уголовного судопроизводства, к примеру, в стабильном отказе в ходатайствах стороной защиты.

Вместе с тем, широкое понимание информации требует перестройки всей информационной модели уголовного процесса с целью приведения ее в соответствие действительности, особенно когда речь идет о преступлениях, имеющих множество не выявленных и не установленных обстоятельств [5, с. 270–279]. Тем самым с разумных позиций информации при расследовании уголовного дела следует изначально понимать вне правовых рамок, в которых, как мы указали, больше доминирует обвинительный уклон, а в целом в виде общего информационного потока получаемых сведений по уголовному делу. Иными словами, поступление информации не может быть ограничено при расследовании уголовного дела правовыми рамками в нынешнем их понимании, так как требуется обязательное фиксирование любых поступающих сведений. Только после этого полученные сведения подлежат исследованию с проверкой и оценкой всей их совокупности. Более того, построение версий при расследовании уголовного дела исходит из целой информационной картины (или следственной ситуации [6, с. 26]) процесса расследования, поскольку широта познания неочевидных обстоятельств не может быть ограничиваема только доказательствами по делу [7, с. 145–152].

Объективная картина *системы информации о преступлении* в досудебном производстве будет выглядеть следующим образом:

- 1) сведения, добытые при доследственной проверке до возбуждения уголовного дела;
- 2) сведения, полученные в результате следственных и иных процессуальных действий в процессе предварительного расследования;
- 3) сведения как результаты оперативно-розыскной деятельности;
- 4) сведения, представленные стороной защиты;
- 5) сведения, имеющиеся в действительности (материальные, идеальные, виртуальные следы), но не полученные субъектами уголовного судопроизводства в силу объективных или субъективных причин.

Перечисленные виды информации мы относим к системе, как единому целому, когда без какого-либо ее элемента данная система будет неполной, а следовательно не качественной и не выполняющей функции познания явлений материального мира. Из этого вытекает равноправие всех перечисленных частей или элементов информационной системы уголовного судопроизводства, несмотря на различное качество информационного наполнения искомых обстоятельств. Внешняя надежность или доброкачественность информации не может характеризовать ее как ~~виде~~-абсолют и не может быть оценена с применением сравнительного критерия «лучше» или «хуже» по сравнению с другими видами информации. В связи с чем каждый элемент в системе уголовно-процессуальной информации требует ~~практически~~ одинаковой проверки и оценки, включая даже не приобретенную, но имеющуюся в действительности информацию. Соответственно, в силу нашей позиции о необходимости получения и использования всей имеющейся информации, или любых сведений по уголовному делу, как того требует закон, нам необходимо рассмотреть каждый из элементов представленной информационной системы уголовного судопроизводства.

I. Сведения, добытые при доследственной проверке до возбуждения уголовного дела.

Как известно, традиционное понимание доказательств, определяемых в качестве любых сведений по уголовному делу, на основе которых устанавливаются обстоятельства, подлежащие доказыванию –

собираение которых допускалось за небольшими исключениями только в ходе расследования уголовного дела — было изменено Федеральным законом РФ от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ, внесшим радикальные дополнения в статью 144 УПК РФ. В настоящее время закон расширил временной период собирания доказательств, указав в части 1–2 статьи 144 УПК РФ, что *«Полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений статей 75 и 89 настоящего Кодекса»*.

Указанная информация, полученная в надлежащем порядке согласно требованиям УПК РФ, вошла в систему доказывания по уголовному делу. Данный элемент информационной системы в уголовном процессе стал полноправной частью общего познавательного процесса, и вошел в общую процессуальную систему доказывания обстоятельств уголовного дела. Конечно, информация до возбуждения уголовного дела на этапе доследственной проверки формируется исключительно стороной обвинения.

Не вдаваясь в известную дискуссию о необходимости сохранения стадии возбуждения уголовного дела, новеллы об использовании полученных сведений до возбуждения уголовного дела в системе доказывания — это первый шаг к отмене стадии возбуждения уголовного дела. Но для этого необходимо изменять всю систему доказывания или информационного обеспечения современного уголовного процесса, что требует ее радикальной трансформации.

II. Сведения, полученные в результате следственных и иных процессуальных действий в процессе предварительного расследования.

Конечно, это основной элемент содержания информационной системы уголовного судопроизводства, формируемый стороной обвинения, в основном следователем или дознавателем. Но в данном случае его не следует абсолютизировать, поскольку информацию в данном случае добывает сторона обвинения в условиях действия принципа презумпции невиновности. В информационной системе уголовного процесса данный элемент по своему потенциалу наиболее обеспечен силовыми, техническими и процессуальными возможностями, которые нередко подавляют или уничтожают другие элементы этой системы. Посредством злоупотреблений органов предварительного расследования информационная система уголовного процесса утрачивает объективный характер и способна превратиться в свою противоположность — в криминальную систему, нарушающую цели правосудия. Поэтому рассматриваемый элемент информационной системы, исходя из философского закона единства и борьбы противоположностей, может быть эффективным только при существовании противоположного системного элемента — информации со стороны представителей защиты, а в целом при наличии других элементов рассматриваемой системы.

III. Сведения как результаты оперативно-розыскной деятельности.

В количественном выражении сведения, полученные в результате оперативно-розыскной деятельности — это самый большой элемент в силу самой природы оперативной работы, которая способна и вправе вбирать в себя весь имеющийся объем информации. Заметим, что оперативно-розыскная информация — это не информация для избранных; как писал С.С. Овчинский, — это разновидность социальной информации, специфичной по цели получения, методам получения и режиму использования, обеспечивающему конспирацию, возможность проверки сообщаемых сведений и их применение только заинтересованными оперативными работниками и следственными аппаратами [8, с. 41].

Исходя из необходимости получения всей совокупности имеющейся информации в оперативных органах по расследуемому преступлению, мы весьма скептически относимся к понятию «результаты оперативно-розыскной деятельности». Результаты оперативно-розыскной деятельности в ст. 5 УПК РФ определяются как «сведения, полученные в соответствии с федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда».

В данном случае мы имеем понятие результаты, как конечный продукт оперативно-розыскного процесса, формируемый в сфере деятельности оперативно-розыскных органов. С одной стороны, это в определенной степени гарантирует качество представляемой информации. С другой стороны, данный фактор ограничивает возможности следователя в получении всех имеющихся сведений по уголовному делу. Соответственно, — при необходимости следователь или суд вправе истребовать весь объем информации по уголовному делу из оперативно-розыскных органов, разумеется с обеспечением конспирации и безопасности всех лиц, задействованных в оперативной работе [9 с. 34].

IV. Сведения, предоставляемые стороной защиты.

Информация, предоставляемая стороной защиты самая нежелательная для органов расследования, а нередко и суда. Такая информация противопоставляется позиции обвинения. Она может быть отвергнута по следующим причинам:

- масштабность и общественная опасность преступления;
- влияние средств массовой информации;
- информация, предоставляемая стороной обвинения из результатов следственных и процессуальных действий;
- результаты оперативно-розыскной деятельности;
- мнение системного руководства по правоохранительной деятельности;
- страх утери должности и связанных с этим благ.

Разумеется, перечисленные факторы, особенно относимые к информационным составляющим, должны приниматься во внимание при проверке и оценке доводов защиты. Однако в большинстве случаев данные факторы существуют в действительности, и ведут к отторжению информации защиты. В данном случае, не входя глубоко в анализ причин такого положения, следует назвать их основанием недостатка системы правоохранительных органов и суда.

V. Сведения, имеющиеся в действительности (материальные, идеальные, виртуальные следы), но не полученные субъектами уголовного судопроизводства в силу объективных или субъективных причин.

В данном случае речь идет не об отсутствии сведений о возможности получения информации, которая практически всегда имеет место при расследовании преступлений. Мы говорим о другом – об информации, которая существует, но по различным причинам, больше негативного толка, не может присутствовать в информационной системе уголовного процесса. Приведем пример имевший место в действительности: адвокату для установления алиби подзащитного нужно истребовать информацию о соединениях между абонентами и указателем местонахождения подозреваемого (ст. 186.1 УПК РФ), о чем он направляет ходатайство следователю об истребовании сведений у оператора связи. Следователь отказывает в ходатайстве, догадываясь, что результаты такой информации будут не в пользу обвинения. Тем самым, информация имеется, но процедура ее получения закреплена за следователем. Такое же положение может иметь место, если информация имеется у оперативных работников, но последние в силу различных причин не желают ее представлять.

Таким образом, в целях борьбы с преступностью, и, что еще более значимо, обеспечения прав, интересов и свобод человека, следует объективно подходить к системному пониманию существа информации в уголовном судопроизводстве. Как констатируется в работах, посвященных информационному обществу, «Информация существует. Чтобы существовать, она не нуждается в том, чтобы ее воспринимали. Чтобы существовать, она не нуждается в том, чтобы ее понимали. Она не требует умственных усилий для своей интерпретации. Чтобы существовать, ей не требуется смысл. Она существует» [10, с. 35].

Как видно, мы не стали при наших суждениях соотносить понятие информации с категорией доказательств и доказывания, хотя в уголовном процессе трудно отделить одно от другого. В то же время мы показываем лишь значение информации для познания преступления и в целом ее роль для уголовного процесса. Следующий шаг – это преобразование информации в систему доказывания, что требует дальнейших исследований при объективном понимании информации в сфере процессуального познания.

Проанализировав информационную систему познания преступления, мы пока лишь можем констатировать, что ее применение – это будущее нашего уголовного судопроизводства. Для использования всех элементов рассматриваемой информационной системы необходим независимый следователь, независимый суд и независимое гражданское общество. Ни того, ни другого, ни третьего пока нет. Все элементы рассмотренной информационной системы могут быть использованы только в рамках состязательной системы предварительного расследования, избавленной от обвинительного уклона. Кроме этого, есть и субъективные причины отказа от использования всех элементов информационной системы, к которым относятся недостаток профессиональной грамотности, незнание методов и способов анализа поступающих сведений.

Библиографический список

1. Терехович В.Н., Ниманде Э.В. Сущность истинностного и ценностного в криминалистическом познании // Библиотека криминалиста. 2012. № 2. С. 160–164.
2. Писарев Е.В. Криминалистическая информация как информационная основа доказывания по уголовному делу // Библиотека криминалиста. 2015. № 3. С. 267–271.
3. Адаменко И.Е., Зинченко И.А. Доказательства и источники доказательств в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. 2013. № 1. С. 100–105.
4. Головкин Л.В. О Проблемах российского уголовного процесса // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2014 № 1. С. 75–80.
5. Лаврухин С.В. Скрытие преступления и его место в механизме поведения преступника // Библиотека криминалиста. 2017. № 5. С. 270–280.
6. Драпкин Л.Я. Основы теории следственных ситуаций. Свердловск. 1975. 164 с.
7. Бахтеев Д.В. О роли логических следствий в проверке следственных версий // Библиотека криминалиста. 2017. № 6. С. 145–153.
8. Овчинский С.С. Оперативно-розыскная информация: монография / под ред. А.С. Овчинского и В.С. Овчинского. М.: Инфра-М, 2017. 413 с.
9. Бедняков Д.И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений. М.: Юридическая литература, 1991. 208 с.
10. Уэбстер Ф. Теории информационного общества / под ред. Е.Л. Вартановой. М.: Аспект Пресс, 2004. 400 с.

References

1. Terekhov V.N., Nimande E.V. *Sushchnost' istinnostnogo i tsennostnogo v kriminalisticheskom poznanii* [The essence of truth and value in forensic knowledge]. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyi zhurnal* [Criminalist's Library. Scientific Journal], 2012, no. 2, pp. 160–164 [in Russian].
2. Pisarev E.V. *Kriminalisticheskaia informatsiia kak informatsionnaia osnova dokazyvaniia po ugovnomu delu* [Forensic information as an information basis for proving in a criminal case]. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyi zhurnal* [Criminalist's Library. Scientific Journal], 2015, no. 3, pp. 267–271 [in Russian].
3. Adamenko I.E., Zinchenko I.A. *Dokazatel'stva i istochniki dokazatel'stv v ugovnom protsesse* [Evidences and sources of evidence in criminal proceedings]. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyi zhurnal* [Criminalist's Library. Scientific Journal], 2013, no. 1, pp. 100–105 [in Russian].
4. Golovko L.V. *O Problemakh rossiiskogo ugovnogo protsessa* [On the Problems of the Russian Criminal Process]. *Vestnik iuridicheskogo fakul'teta Iuzhnogo federal'nogo universiteta* [Vestnik of the Law Faculty of Southern Federal University], 2014, no. 1, pp. 75–80 [in Russian].
5. Lavrukhin S.V. *Sokrytie prestupleniia i ego mesto v mekhanizme povedeniia prestupnika* [Concealment of the crime and its place in the mechanism of conduct of the offender]. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyi zhurnal* [Criminalist's Library. Scientific Journal], 2017, no. 5, pp. 270–280 [in Russian].
6. Drapkin L.Ya. *Osnovy teorii sledstvennykh situatsii* [Basics of the theory of investigative situations]. Sverdlovsk, 1975, 164 p. [in Russian].
7. Bakhteev D.V. *O roli logicheskikh sledstvi v proverke sledstvennykh versii* [On the role of logical consequences in the verification of investigative versions]. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyi zhurnal* [Criminalist's Library. Scientific Journal], 2017, no. 6, pp. 145–153 [in Russian].
8. Ovchinskiy S.S. *Operativno-rozysknaia informatsiia: monografiia /pod red. d.t.n. A.S.Ovchinskogo i d.iu.n. V.S.Ovchinskogo* [Operational-search information: monograph. A.S. Ovchinskiy, V.S. Ovchinskiy (Eds.)]. M.: Infra-M, 2017, 413 p. [in Russian].
9. Bednyakov. D.I. *Neprintsessual'naia informatsiia i rassledovanie prestuplenii* [Non-procedural information and investigation of crimes]. M.: Iuridicheskaya literatura, 1991, 208 p. [in Russian].
10. Webster F. *Teorii informatsionnogo obshchestva. Pod red. E.L. Vartanovoi* [Theories of the Information Society. E.L. Vartanova (Ed.)]. M.: Aspekt Press, 2004, 400 p. [in Russian].

*A.N. Khalikov**

INFORMATION SYSTEM OF COGNITION OF CRIME

The article justifies the legal significance of any information coming to law enforcement agencies for the disclosure of crimes and their investigation. Only after the information is received by the criminal justice authorities, it is subject to verification and evaluation. In particular, the classification of information that is subject to verification in establishing the circumstances of the crime is given. Such information includes: information obtained prior to the initiation of a criminal case; information obtained as a result of investigative and other procedural actions in the process of preliminary investigation; information, as the results of operational-search activity; information provided by the defense; information actually available (material, ideal, virtual traces), but not received by the subjects of criminal proceedings for objective or subjective reasons. Each of these types of information has been analyzed.

Key words: evidences, protection, information, operational-investigative activity, investigation, investigator, criminal case.

* Khalikov Aslyam Nailevich (han010@yandex.ru), Department of Criminalistics, Institute of Law, Bashkir State University, 32, Validy Str., Ufa, 450076, Republic of Bashkortostan, Russian Federation.

УДК 343.98

А.М. Хлус*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И МЕТОДЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ВЫЯВЛЕНИЯ КОРРУПЦИИ В ДАННОЙ СФЕРЕ

В статье рассматривается нормативный порядок проведения государственных закупок в Республике Беларусь. Акцентировано внимание на проблемах при осуществлении процедур государственных закупок и возникающих в связи с этим коррупционных рисках. Предложены меры, направленные на снижение коррупции. Препятствием для преступлений в сфере государственных закупок, по мнению автора, является выявление и устранение условий, способствующих коррупции. Для этой цели необходимо проведение экспертизы нормативных правовых актов (их проектов), регламентирующих сферу закупок. Автор считает, что наиболее эффективным методом, обеспечивающим выявление коррупционных рисков, является криминалистический анализ.

Ключевые слова: государственные закупки, процедура, виды процедуры, коррупция, коррупционный риск, криминалистическая экспертиза, криминалистический анализ.

Государственные закупки в Республике Беларусь представляют собой «приобретение товаров (работ, услуг) полностью или частично за счет бюджетных средств и (или) средств государственных внебюджетных фондов получателями таких средств» [1]. Процесс проведения государственных закупок характеризуется следующим:

их предметом являются товары, работы и услуги;

в качестве субъектов выступают государственный орган, заказчик (организатор), а также иные участники и лица, не являющиеся участниками процедуры государственных закупок;

широкая вариативность форм проведения: открытый либо закрытый конкурс, электронный аукцион, процедура запроса ценовых предложений, процедура закупки из одного источника, а также биржевые торги;

различие в источниках финансирования: частично или полностью из средств республиканского или местного бюджетов, из средств государственных целевых бюджетных, внебюджетных или инновационных фондов.

Государственные закупки осуществляются в определенном порядке, регламентированном нормами права. Их процедура включает следующие этапы:

1) размещение на официальном сайте в сети Интернет информации о государственных закупках, к которой относятся сведения о годовых планах государственных закупок [2]. Там же размещаются приглашения, в которых дается описание предмета закупки, его ориентировочная стоимость, а также дата окончания приема предложений;

2) подготавливаются и подаются предложения участниками государственных закупок. Разъясняются конкурсные документы, вносятся в них изменения и дополнения. Срок для подготовки и подачи предложений определяется законом Республики Беларусь «О государственных закупках товаров (работ, услуг)» в зависимости от вида процедуры государственной закупки. При открытом конкурсе этот срок составляет не менее тридцати календарных дней со дня размещения приглашения на официальном сайте. При закрытом конкурсе — не менее тридцати календарных дней со дня направления приглашения поставщикам. При проведении электронного аукциона — не менее двадцати календарных дней со дня размещения приглашения на официальном сайте либо не менее десяти рабочих дней, если ориентировочная стоимость государственной закупки не превышает 3000 базовых величин. При процедуре запроса ценовых предложений — не менее десяти рабочих дней со дня размещения приглашения на официальном сайте. При проведении процедуры закупки из одного источника срок подготовки и подачи предложений определяется заказчиком по своему собственному усмотрению, подача предложений участниками государственных закупок осуществляется в форме электронного документа либо на бумажных носителях, которые в закрытом конверте направляются заказчику [1];

3) производится оценка участников, их предложений, и принимается решение по результатам процедуры государственных закупок. Эту оценку и сравнение предложений осуществляет комиссия, которая формируется заказчиком. Он же определяет задачи и полномочия комиссии. Созданная комиссия подотчетна заказчику. В ее составе работники заказчика, специалисты в области предмета государственной закупки под председательством руководителя заказчика или иного работника заказчика [3];

* © Хлус А.М., 2017

Хлус Александр Михайлович (hlus.home@mail.ru), кафедра криминалистики, Белорусский государственный университет, 220030, Республика Беларусь, г. Минск, пр. Независимости, 4.

4) по итогам проведения процедуры государственных закупок возможно обжалование принятых решений. Жалобы подаются в Министерство антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь в письменном виде. В течение трех рабочих дней жалоба принимается к рассмотрению. Срок ее рассмотрения не может превышать тридцати календарных дней. По результатам рассмотрения жалобы принимается одно из следующих решений:

- 1) разрешить заключение договора;
- 2) признать жалобу необоснованной;
- 3) прекратить процедуру государственной закупки и провести повторную процедуру;

4) отменить незаконное решение. Решение уполномоченного органа по государственным закупкам может быть обжаловано в суд в порядке искового производства. В результате процедура закупки может быть признана судом недействительной. Это влечет за собой недействительность заключенного договора;

5) заключается договор поставки товаров для государственных нужд между заказчиком и участником-победителем на условиях, указанных в предложении участника и документах, представляемых участнику для подготовки предложения;

6) информация об итогах проведения процедуры государственных закупок размещается на официальном сайте. Это должно быть сделано в течение трех рабочих дней;

7) составляется справка о процедуре государственной закупки, и формируются дела по итогам проведения процедуры государственных закупок. Справка о процедуре государственной закупки составляется заказчиком в течение пяти рабочих дней со дня заключения договора. Заказчик ведет дело по процедурам государственных закупок и хранит его в течение пяти лет, в дело должны быть включены документы, предоставляемые участнику для подготовки предложения, приглашения, протоколы заседаний комиссий, предложения, договор, справка [1].

Нередко сделки, совершаемые в сфере государственных закупок в Беларуси, — это закупки из одного источника. Законодательство позволяет переводить закупки с одним поставщиком в закрытую процедуру. Если происходит признание открытого конкурса несостоявшимся два раза подряд, то заказчик вправе по своему усмотрению провести процедуру закупки из одного источника [4, п. 1.19]. В то же время непрозрачность процедур закупок из одного источника мешает контролировать расход бюджетных средств [5, с. 45]. Законодательство в части закупок из одного источника содержит риски для возможных манипуляций, махинаций и коррупции при проведении государственных закупок. Это подтверждается наличием выявленных коррупционных схем.

Публичность и открытость размещенных на сайте по государственным закупкам данных не означает полной подотчетности процедур государственных закупок и не повышает доверия к заказчикам. Отсутствие полной прозрачности и подотчетности вместе с законодательными ограничениями по обжалованию закупок вне конкуренции и ответственности заказчиков создают условия для коррупционных проявлений. Говоря об этих схемах, в Республике Беларусь можно выделить несколько таковых:

первая схема связана с созданием узкой спецификации товара или услуги, под которую подходит только один заведомо выбранный поставщик, а вторая организация выступает в тендере в роли статиста и позволяет выбранному поставщику победить;

вторая схема связана с учетом ценового фактора, т. е. если цена на товар или услугу белорусского производителя выше по сравнению с другими предложениями от иностранных производителей, то победу одержит белорусский поставщик, при этом очень часто импортные товары выдаются за отечественные, а поставщик выигрывает конкурс, имея «прибыль», равную разнице между ценой товаров или услуг белорусского производителя и ценой на эти же товары или услуги иностранного производителя [6].

Снизить коррупционные риски и тем самым сэкономить бюджетные средства целесообразнее не столько через преследование и наказание «нечистых на руку» представителей государственных структур и предприятий, сколько минимизацией таких возможностей. В этих целях необходимо:

предусмотреть нормативные требования для участия в процедуре государственных закупок. В этих целях законодательно необходимо, например, установить определенный перечень требований, которым должен соответствовать поставщик;

добавить в законодательство норму о запрете участия в процедуре государственных закупок аффилированных лиц, т. е. таких лиц, которые имеют реальную возможность оказывать воздействие на деятельность других лиц, имеющих отношение к сфере государственных закупок;

предусмотреть обязанность заказчика предоставлять данные о недобросовестных поставщиках, т. е. направлять в Министерство антимонопольного регулирования и торговли документы, содержащие сведения о недобросовестности поставщика;

установить ответственность поставщиков за недостоверные сведения, благодаря которым данный поставщик был выбран победителем, и предусмотреть аннулирование договора с заказчиком, запрет на его участие в последующих тендерах на определенный срок, а также имущественную ответственность поставщика;

установить ответственность заказчиков и поставщиков товаров и услуг за иные неправомерные деяния, предусмотрев как административную, так и уголовную ответственность;

перевести значительную часть процедур в электронный формат, когда не будет существовать непосредственного контакта между заказчиком и поставщиком, что позволит знать и контролировать направления траты бюджетных средств;

сделать все процедуры максимально прозрачными путем огласки максимального количества сведений о процедуре, т. к. прозрачность государственных закупок является своего рода профилактикой коррупции.

Проанализировав законодательство в сфере государственных закупок и соглашаясь с мнением других ученых и специалистов, можно сделать вывод, что конкуренция через аукционы и открытость, которая дает обществу возможность следить за тратой бюджетных средств, позволят сэкономить до 20–25 %, в число которых включаются потери, связанные со взяточничеством и коррупцией, а также потери, связанные с закупкой некачественного или неподходящего товара, работы, услуги, расходуемых через государственные закупки средств налогоплательщиков, и обеспечить в рамках государственных закупок приобретение товаров и услуг надлежащего качества по наиболее низкой цене [7].

Министерством антимонопольного регулирования и торговли Беларуси разработано, однако не реализовано предложение искать поставщиков для государственных закупок не с минимальной ценой, от которой отталкиваются с предложениями, а с максимально возможной суммой, которую заказчик готов потратить за услугу, работу или продукт. И если хотя бы один участник торгов предложит цену, которая укладывается в указанные рамки, то процедуру будут считать конкурентной без перехода в формат закрытой сделки с одним поставщиком. Но законодательством определен иной путь, следуя которому упрощается механизм согласования проведения процедуры закупки из одного источника [4, п. 1.19]. Это стало причиной резкого снижения конкуренции и одновременно роста коррупционных проявлений.

С принятием указа полномочия по согласованию применения процедуры закупки из одного источника в том случае, когда открытый конкурс признается несостоявшимся, перешли от Министерства антимонопольного регулирования и торговли к самому заказчику [4, п. 1.19].

Это открыло широкие возможности для манипуляций с обоснованием необходимости проведения процедуры закупки из одного источника через исключение конкурирующих предложений. Для этого закупщики готовят слишком узкие спецификации в отношении предмета закупки, естественно, не получают двух и более предложений и признают процедуру несостоявшейся. Этот шаг впоследствии привел к значительному росту коррупционных издержек, связанных с проведением этого вида процедуры закупки.

Сфера государственных закупок остается одной из наиболее подверженных коррупционным рискам. Противоправные деяния в этой сфере высоколатентны, причиняют значительный ущерб экономике, противодействуют развитию конкуренции, что негативно влияет на экономический рост государства и общества. Тема государственных закупок — одна из самых коррупционноремких в любой стране. Это атмосфера, в которой чиновник тратит не свои заработанные деньги.

Деятельность по противодействию коррупции в сфере государственных закупок необходимо вести по следующим направлениям: прогнозирование, профилактика (предупреждение), выявление и расследование преступлений в сфере экономики.

Этап прогнозирования и профилактики преступлений в сфере государственных закупок предполагает проведение анализа по следующим направлениям: во-первых, анализу должны подлежать нормы правовых актов (их проекты), имеющие отношение к сфере государственных закупок; во-вторых, предметом анализа должны являться также общественные отношения, возникающих или изменяющиеся на их основе принятых норм правовых актов.

Препятствием для преступлений в сфере государственных закупок является разработка и принятие адекватных экономической ситуации в государстве нормативных правовых актов. Они должны быть стабильны, т. е. способны обеспечивать функционирование системы (в данном случае речь идет об экономике), не иметь тенденции к постоянному изменению, находиться в равновесии с реальной действительностью. Они должны соответствовать высокому уровню юридической техники, т. е. должны быть в первую очередь понятными и исключающими возможность разного толкования. При этом в нормативном правовом акте следует исключить возможности использования на его основе ситуаций, влекущих за собой противоправную деятельность. Последнее представляет существенную проблему разработки нормативных правовых актов. Ее решение возможно с помощью разработанного криминалистической наукой метода криминалистического анализа.

Криминалистический анализ является эффективным методом, используемым в правоохранительной деятельности. Он обеспечивает реализацию системного подхода к исследованию. Системный же подход к исследованию объектов криминалистики имеет разновидности: системно-структурный, системно-функциональный, системно-исторический (генезисный), системно-коммуникационный, системно-прогностический [8, с. 53].

Данный метод способствует выявлению в нормативном правовом акте условий, на основе которых прогнозируется возможность совершения противоправных действий. Это, в свою очередь, дает возможность внесения изменений в нормативный правовой акт. На этой же основе можно разработать адекватные выявленным дефектам меры профилактики.

Как метод познания криминалистический анализ применяется в ходе проведения криминологической экспертизы проекта правового акта (либо действующего правового акта). Такую экспертизу в нашей республике проводит Научно-практический центр Генеральной прокуратуры Республики Беларусь.

В соответствии с пунктом 2 Положения о порядке проведения криминологической экспертизы криминологическая экспертиза представляет собой исследование содержания проекта правового акта (правового акта) в целях выявления в нем норм, применение которых может повлечь (повлекло) возникновение криминоген-

ных последствий в различных сферах общественных отношений (возникновение рисков криминогенного характера).

Основными задачами криминологической экспертизы правового акта экономического характера являются: 1) прогнозирование возможности возникновения рисков криминогенного характера в процессе применения правовых актов в сфере экономики; 2) внесение предложений об устранении выявленных в проектах правовых актов (правовых актах) недостатков, способствующих возникновению криминогенных рисков (в том числе и коррупционного характера) в сфере экономики; 3) формирование предусмотренного в правовых актах системно согласованного правового регулирования, исключающего возникновение в сфере экономики рисков криминогенного характера [9, с. 64–68].

В ходе проведения криминологических экспертиз в Беларуси анализу подвергаются в первую очередь возможности криминальных проявлений. По нашему мнению, криминологическая экспертиза не должна ограничиваться выявлением реальных или возможных факторов, влекущих за собой только преступные последствия. Особенно это значимо, когда касается такого явления, как коррупция. Дело в том, что понятие «коррупция», содержащееся в законодательстве, имеет ограничительное толкование. Согласно статье 1 Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» (далее Закон о борьбе с коррупцией), коррупция – это умышленное использование государственным должностным или приравненным к нему лицом либо иностранным должностным лицом своего служебного положения и связанных с ним возможностей в целях противоправного получения имущества или другой выгоды в виде работы, услуги, покровительства, обещания преимущества для себя или для третьих лиц, а равно их подкуп путем предоставления им имущества или другой выгоды в виде работы, услуги, покровительства, обещания преимущества для них или для третьих лиц с тем, чтобы они совершили действия или воздержались от их совершения при исполнении своих служебных (трудовых) обязанностей, а также совершение указанных действий от имени или в интересах юридического лица, в том числе иностранного [10]. Акцент в этой формулировке сделан на преступную деятельность. В действительности коррупция имеет множество различных негативных проявлений некриминального характера. В словаре по криминологии, например, коррупция понимается как негативное социально-политическое явление, представляющее совокупность аморальных действий, дисциплинарных проступков, гражданско-правовых, административных правонарушений, преступлений [11, с. 51]. На это же указывает Модельный закон 2003 г. В части 2 ст. 2 данного закона говорится, что за коррупционное правонарушение устанавливается гражданско-правовая, дисциплинарная, административная или уголовная ответственность [12].

Криминологическую экспертизу, на наш взгляд, необходимо проводить на стадии подготовки нормативного правового акта. В ходе ее проведения должны прогнозироваться возможности возникновения рисков как коррупционных преступлений, так и рисков совершения иных правонарушений, не являющихся уголовно наказуемыми, но создающих условия для коррупции. Следует заметить, что в сфере государственных закупок совершаются не только криминальные деяния, но и деяния, подпадающие под действие норм об административной и дисциплинарной ответственности.

В статье 25 Закона о борьбе с коррупцией перечислены правонарушения, создающие условия для коррупции [10]. Некоторые из них упоминаются в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) [13] в качестве административных правонарушений. Субъектами административной ответственности в данном случае выступают государственные должностные или приравненные к ним лица. К числу таких правонарушений относятся, например:

отказ в предоставлении информации физическим или юридическим лицам, умышленное несвоевременное ее предоставление или предоставление неполной либо недостоверной информации (ст. 9.6. КоАП);

нарушение установленного законодательными актами порядка рассмотрения обращений граждан (индивидуальных предпринимателей) и юридических лиц, совершаемое в личных, групповых и иных внеслужебных интересах (ст. 9.13. КоАП);

делегирование полномочий на государственное регулирование предпринимательской деятельности либо на контроль за ней лицу, осуществляющему такую деятельность, если это не предусмотрено законодательными актами (ст. 23.81 КоАП);

нарушение установленного порядка проведения конкурсов, аукционов (ст. 23.83 КоАП), процедур закупок (ст. 11.16 КоАП) и др.

Перечисленные административные правонарушения не признаются коррупционными правонарушениями. Считается, что они создают только условия для коррупции. По-нашему мнению, это неверный подход. Дело в том, что условие – это та среда, в которой возникает явление (в рассматриваемом нами случае – коррупция), существует и развивается.

Правонарушения, в том числе и коррупционные, являются следствием определенных причин, которые формируются в определенных условиях.

Наличие административных правонарушений коррупционной направленности определяет возможность принятия соответствующих мер противодействия развитию коррупции и коррупционных преступлений в сфере государственных закупок. В связи с этим необходимо на законодательном уровне решить ряд проблем, упомянутых нами ранее [14, с. 256–260].

Применять метод криминалистического анализа необходимо и на этапе выявления преступлений в сфере государственных закупок. Его главным содержанием в этом случае является разработка и осуществление познавательных процедур, направленных на наиболее полное изучение общественных отношений, складывающихся в процессе экономической деятельности между субъектами экономических отношений, порядка формирования и обеспечения материальных ресурсов потенциальных субъектов хозяйствования. В первую очередь анализу должна быть подвергнута деятельность, приносящая доходы субъекту хозяйствования с учетом положений нормативного правового акта [15].

На этом этапе также целесообразно применение субъектно-функционального анализа преступления, являющегося разновидностью криминалистического анализа.

Данный метод разработан для целей исследования функций, осуществляемых для достижения преступного результата. Реализация этого метода позволяет исследовать сознательные волевые действия, проявления функций человека в наступивших вредных последствиях преступления.

Субъектно-функциональный анализ, по мнению А.В. Дулова, позволяет:

- 1) выявить совокупность функций человека, способствующих совершению преступления;
- 2) изучить возможности совершения определенной функции конкретным лицом;
- 3) изучить особенности выполнения функции при совершении преступления конкретным лицом;
- 4) установить психологические, профессиональные особенности, навыки, свойства, состояние человека в момент совершения преступления через анализ механизма, результата его действий;
- 5) выделить такую совокупность взаимосвязанных действий человека, которые не могут быть произведены без подготовки и которые характеризуют реализацию заранее разработанного способа совершения преступления [8, с. 57–58].

По нашему мнению, направления применения данного метода должны быть расширены. Так, например, выявляя признаки хищения, следует проанализировать имущественное положение должностного лица. Это позволяет установить несоответствие его декларируемых доходов с расходами, имевшими место в контролируемый период. Кроме того, криминалистическому анализу необходимо подвергнуть имущественное положение родных и близких родственников проверяемого лица.

В заключение следует сделать следующие выводы:

во-первых, сфера государственных закупок требует тщательного подхода к разработке соответствующих нормативных правовых актов, призванных урегулировать общественные отношения;

во-вторых, наиболее эффективным методом, обеспечивающим прогнозирование, выявление и раскрытие преступлений (правонарушений) коррупционной направленности в сфере государственных закупок, является криминалистический анализ.

Библиографический список

1. О государственных закупках товаров (работ, услуг): закон Республики Беларусь, 13.07.2012, № 419-3 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. Минск, 2017.
2. Национальный Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр маркетинга и конъюнктуры цен Респ. Беларусь. Минск, 2012. URL: <http://www.icetrade.by> (дата обращения: 24.10.2017).
3. О некоторых мерах по реализации закона Республики Беларусь «О государственных закупках товаров (работ, услуг)»: постановление Совета Министров Республики Беларусь, 22.08.2012, № 778: в редакции от 27.01.2016 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электрон. ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. Минск, 2017.
4. О некоторых вопросах государственных закупок товаров (работ, услуг): указ Президента Республики Беларусь, 31.12.2013, № 590, в редакции от 03.06.2016 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. Минск, 2017.
5. Погуляев М. Проблемы правового регулирования отношений в сфере закупок и предупреждения коррупции // Законность и правопорядок. 2013. № 3. С. 45–47.
6. Пособие по поиску нарушений и коррупции в сфере государственных закупок в Беларуси // VIPART [Электронный ресурс]. Минск, 2017. URL: <http://sympa-by.eu/sites/default/files/library/guidelines.pdf> (дата обращения: 26.10.2017).
7. Ковалкин В. Как обустроить Беларусь. Цена коррупции / В. Ковалкин // Naviny.by Белорусские новости [Электрон. ресурс]. Минск, 2017. URL: <http://naviny.by/article/20170523/1495533900-vladimir-kovalkin-kak-obustroit-belarus-cena-korrupcii> (дата обращения: 26.10.2017).
8. Метод криминалистического анализа / А.В. Дулов, Г.И. Грамович, А.В. Лапин [и др.] // Криминалистика: учеб. пособие / под ред. А.В. Дулова. Минск: НКФ «Экоперспектива», 1996. 415 с.
9. Хлус А.М. Криминологическая экспертиза нормативных правовых актов как условие недопущения коррупционных рисков // Юстыцыя Беларусі. 2013. № 7. С. 64–68.
10. О борьбе с коррупцией: Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г. № 305-3 // Эталон — Беларусь Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2015.
11. Криминология: Словарь / под общ. ред. В. П. Сальникова. СПб.: Издательство «Лань»; Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 1999. 256 с. (Серия «Учебники для вузов, специальная литература»).
12. О модельном законе «Основы законодательства об антикоррупционной политике»: постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств, 15 нояб. 2003 г., № 22-15 // Информ. Бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ. 2004. № 33.

13. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях. Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2011. 496 с.

14. Хлус А.М. Административные коррупционные правонарушения: теоретические и прикладные проблемы // Верховенство права: человек в государстве : сб. науч. ст., докладов преподавателей, ученых, практиков — участников Междунар. очно-заочной науч.-практ. конф., 20 апреля 2017 г. : в 2 ч. : Ч. 1 [Электронное издание] / науч. ред. Е.В. Федорова; Ижевский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). 2017. С. 256–260.

15. Хлус А.М. Возможности криминалистической науки в обеспечении противодействия экономической преступности [Электронный ресурс] // ИБ «КонсультантПлюс». Комментарии Законодательства Белорусский Выпуск / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2015.

References

1. *O gosudarstvennykh zakupkakh tovarov (rabot, uslug): zakon Respubliki Belarus'*, 13.07.2012, № 419-3 [On public procurement of goods (works, services): Law of the Republic of Belarus, 13.07.2012, № 419-3]. Retrieved from *Konsul'tant Plus: Belarus'. Tekhnologiya 3000* [ConsultantPlus: Belorussia. Technology 3000]. LLC "YurSpektr", National Center of Legal Information of the Republic of Belarus. Minsk, 2017 [in Russian].

2. *Natsional'nyi Internet-portal Respubliki Belarus' [Elektronnyi resurs]* [National Internet-portal of the Republic of Belarus [Electronic resource]. National Center of Marketing and Conjuncture of Prices of the Republic of Belarus. Minsk, 2012. Retrieved from: <http://www.icetrade.by>. Accessed 24.10.2017 [in Belorussian].

3. *O nekotorykh merakh po realizatsii zakona Respubliki Belarus' «O gosudarstvennykh zakupkakh tovarov (rabot, uslug): postanovlenie Soveta Ministrov Respubliki Belarus'», 22.08.2012, № 778: v redaktsii ot 27.01.2016* [On some measures to implement the law of the Republic of Belarus "On public procurement of goods (works, services)": Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus, 22.08.2012, № 778: revised as of January 27, 2013]. Retrieved from *Konsul'tant Plus: Belarus'. Tekhnologiya 3000* [ConsultantPlus: Belorussia. Technology 3000]. LLC "YurSpektr", National Center of Legal Information of the Republic of Belarus. Minsk, 2017 [in Russian].

4. *O nekotorykh voprosakh gosudarstvennykh zakupok tovarov (rabot, uslug): ukaz Prezidenta Respubliki Belarus'», 31.12.2013, № 590, v redaktsii ot 03.06.2016* [On some issues of public procurement of goods (works, services): Decree of the President of the Republic of Belarus, December 31, 2013, No. 590, as amended on 03.06.2016]. Retrieved from *Konsul'tant Plus: Belarus'. Tekhnologiya 3000* [ConsultantPlus: Belorussia. Technology 3000]. LLC "YurSpektr", National Center of Legal Information of the Republic of Belarus. Minsk, 2017 [in Russian].

5. Pogulyaev M. *Problemy pravovogo regulirovaniia otnoshenii v sfere zakupok i preduprezhdeniia korruptsii* [Problems of legal regulation of relations in the sphere of procurement and prevention of corruption]. *Zakonnost' i pravoporiadok* [Legality and the rule of law], 2013, no. 3, pp. 45–47 [in Russian].

6. *Posobie po poisku narushenii i korruptsii v sfere gosudarstvennykh zakupok v Belarusi* [Manual on the search for violations and corruption in the sphere of public procurement in Belarus]. *BIPART [Electronic resource]*. Minsk, 2017. Retrieved from: <http://sympa-by.eu/sites/default/files/library/guidelines.pdf>. Accessed: 26.10.2017 [in Russian].

7. Kovalkin V. *Kak obustroit' Belarus'. Tsena korruptsii* [How to equip Belarus. The price of corruption]. *Naviny.by Belorusskie novosti [Elektron. resurs]* [Naviny.by Belarusian news [Electronic resource]]. Minsk, 2017. Retrieved from: <http://naviny.by/article/20170523/1495533900-vladimir-kovalkin-kak-obustroit-belarus-cena-korruptcii>. Accessed 26.10.2017 [in Russian].

8. Dulov A.V., Gramovich G.I., Lapin A.V. [et al.] *Metod kriminalisticheskogo analiza* [Forensic analysis method]. In: *Kriminalistika: ucheb. posobie. Pod red. A.V. Dulova* [Criminalistics: textbook. A.V. Dulov (Ed.)]. Minsk: NKF «Ekoperspektiva», 1996, 415 p. [in Russian].

9. Hlus A.M. *Kriminologicheskaya ekspertiza normativnykh pravovykh aktov kak uslovie nedopushcheniia korruptsionnykh riskov* [Criminological examination of normative legal acts as a precondition for avoiding corruption risks]. *Iustitsiya Belarusi*, 2013, no. 7, pp. 64–68 [in Russian].

10. *O bor'be s korruptsiei: Zakon Resp. Belarus', 15 iuliia 2015 g. № 305-Z* [On Combating Corruption: The Law of the Republic of Belarus, July 15, 2015 № 305-3]. *Etalon — Belarus*. National Center of Legal Information of the Republic of Belarus. Minsk, 2015 [in Russian].

11. *Kriminologiya: Slovar'. Pod obshchei red. V.P. Sal'nikova. Seriya «Uchebniki dlia vuzov, spetsial'naia literatura»* [Criminology: Dictionary. V.P. Salnikov (Ed.). Series «Textbooks for universities, special literature»]. SPb.: Izdatel'stvo «Lan'»; Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii, 1999, 256 p. [in Russian].

12. *O model'nom zakone «Osnovy zakonodatel'stva ob antikorrupsionnoi politike»: postanovlenie Mezhparlamentskoi Assamblei gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv, 15 noiab. 2003 g., № 22-15* [On the Model Law «Fundamentals of Legislation on Anti-Corruption Policy»: Resolution of the Interparliamentary Assembly of the Member Nations of the Commonwealth of Independent States, November, 15, 2003, № 22-15]. *Inform. Biulleten' Mezhparlamentskoi Assamblei SNG* [Information Bulletin of the IPA CIS], 2004, no. 33 [in Russian].

13. *Kodeks Respubliki Belarus' ob administrativnykh pravonarusheniiah. Protsessual'no-ispolnitel'nyi kodeks Respubliki Belarus' ob administrativnykh pravonarusheniiah* [Code of the Republic of Belarus on Administrative Offenses. Procedural and Executive Code of the Republic of Belarus on Administrative Offenses]. Minsk: Nats. tsentr pravovoi inform. Rесп. Belarus', 2011, 496 p. [in Russian].

14. Hlus A.M. *Administrativnye korruptsionnye pravonarusheniia: teoreticheskie i prikladnye problemy* [Administrative Corruption Offenses: Theoretical and Applied Problems]. In: *Verkhovenstvo prava: chelovek v gosudarstve: sb. nauch. st., dokladov prepodavatelei, uchenykh, praktikov — uchastnikov Mezhhdunar. ochno-zaochnoi nauch.-prakt. konf., 20 apreliia 2017 g.: v 2 ch.: Ch. 1 [Elektronnoe izdanie]* / nauch. red. E.V. Fedorova; Izhevskii institut (filial) VGUiu (RPA Miniusta Rossii) [Rule of Law: Man in the State:

Collection of research articles, lectures by teachers, scientists, practitioners - participants of the International research and practice conference with face-to-face and virtual participation, April 20, 2017: in 2 Parts: Part 1 [Electronic edition]. E.V. Fedorova (Ed.)). Izhevsk Institute (branch) of the VGUYU (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 2017, pp. 256–260 [in Russian].

15. Hlus A.M. *Vozmozhnosti kriminalisticheskoi nauki v obespechenii protivodeistviia ekonomicheskoi prestupnosti* [Possibilities of forensic science in providing counteraction to economic crime]. Retrieved from IB "Konsul'tantPlus. Kommentarii Zakonodatel'stva Belorusskii Vypusk". ООО "IurSpektr" [IB "ConsultantPlus. Comments to the Legislation. Belarusian Edition". LLC "YurSpektr"]. Minsk, 2015 [in Russian].

*A.M. Hlus**

LEGAL REGULATION OF STATE PROCUREMENT IN THE REPUBLIC OF BELARUS AND METHODS OF CRIMINALISTIC DETECTION OF CORRUPTION IN THIS SPHERE

The article deals with regulatory procedure for public procurement in the Republic of Belarus. Attention is focused on problems in the implementation of public procurement procedures and the resulting corruption risks. Measures aimed at reducing corruption are proposed. The obstacle for crimes in public procurement, in the author's opinion, is the identification and elimination of conditions conducive to corruption. For this purpose, it is necessary to conduct an examination of regulatory legal acts (their projects) regulating the scope of procurement. The author believes that the most effective method for detecting corruption risks is forensic analysis.

Key words: public procurement, procedure, types of procedure, corruption, corruption risk, criminological expertise, forensic analysis.

*Hlus Alexander Mikhailovich (hlus.home@mail.ru), Department of Criminalistics, Belarusian State University, 4, Nezavisimosti avenue, Minsk, 220030, Republic of Belarus.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

УДК 343

*Ж. Миладинович-Богавац**

НАРУШЕНИЯ ПРАВ ДЕТЕЙ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ: КИБЕРОПАСНОСТЬ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

В статье 16 Конвенции о правах ребенка ООН гарантировано, что каждый ребенок будет защищен от незаконного вмешательства в осуществление его права на личную жизнь, семейную жизнь, неприкосновенность жилища, тайну корреспонденции или от незаконного посягательства на его честь и репутацию; у ребенка есть право на законную защиту от такого вмешательства или посягательства. В киберпространстве присутствуют многочисленные злоупотребления правами детей. Кроме того, целевая группа для многочисленных мошенников именно малолетние лица. В данной статье будут представлены примеры киберугроз для несовершеннолетних, их функционирование, способы защиты, правовая регулатива и деятельность международных организаций, сети 24/7 контакт-центра и государственных органов с целью их искоренения.

Ключевые слова: права ребенка, кибербезопасность, киберугрозы.

1. Права провозглашены Конвенцией о правах ребенка

Всеобщая декларация прав человека подтвердила, что детям принадлежат особая забота и помощь. Один из основных пунктов Конвенции о правах ребенка обозначен в преамбуле: «Ребенка необходимо полностью подготовить к самостоятельной жизни и воспитывать в соответствии с идеалами, провозглашенными в Уставе ООН, особенно в духе мира, достоинства, терпимости, свободы, равноправия и взаимопомощи. «Конвенция о правах ребенка ООН в первой статье определяет термин «ребенок». Конвенция считает ребенком каждого несовершеннолетнего человека, если в соответствии с законом ребенок не достигает совершеннолетия заранее. После определения термина «ребенок» в статье 2 Конвенции установлено, что стороны Конвенции будут уважать и обеспечивать права, определенные Конвенцией. Каждый ребенок должен обладать всеми указанными в ней правами и свободами, несмотря на разницу по таким признакам, как раса, цвет кожи, пол, язык, религия, политические или иные убеждения, национальное или социальное происхождение, имущественное положение, рождение или иные характеристики его родителей или законного опекуна. С этой целью стороны договора предпримут все подходящие меры, чтобы обеспечить защиту прав ребенка от всех видов дискриминации или наказания, основанных на статусе, деятельности, высказанном мнении, взглядах или убеждениях. Центральным правом Конвенции считается право на жизнь. Государства подтверждают, что каждый ребенок своим рождением имеет право на жизнь. Участники конвенции обеспечат в максимально возможной степени выживание и развитие ребенка. Наряду с указанным в статье 13 Конвенции о правах ребенка гарантируется, что ребенок обладает законным правом на свободу выражения; право охватывает свободу искать, получать и передавать информацию и идеи любого рода, независимо от границ, в устной, письменной или печатной форме, в форме произведений искусства или с помощью других средств по выбору ребенка. В целях обеспечения несомненно-го обладания правом на информацию и свободу выражения ребенка предусматривается, что допустимо применение и определенных ограничений, но только необходимых и предусмотренных законом:

* © Миладинович-Богавац Живанка, 2017

Миладинович-Богавац Живанка (pravni@ius.bg.ac.rs), юридический факультет, Белградский университет, 11000, Сербия, Белград, Студенческий пер., 1.

в целях уважения прав или достоинства других, защиты национальной безопасности или публичного порядка (*ordre public*), публичного здоровья или морали.

В статье 14 гарантировано право ребенка на свободу мнения, совести, вероисповедания, поэтому государства-участники Конвенции будут уважать права и обязанности родителей и в соответствующих случаях законных опекунов руководить ребенком в осуществлении его права методом, согласующимся с развивающимися способностями ребенка. Свобода вероисповедания или убеждений может быть предметом только таких ограничений, которые определены законом и потребностью защиты публичной безопасности, порядка, здоровья или морали и основных прав и свободы других. Одним из фундаментальных прав, гарантированных Конвенцией в статье 16, является то, что ни один ребенок не может быть объектом произвольного или незаконного вмешательства в осуществление его права на личную жизнь, семейную жизнь, неприкосновенность жилища или тайну корреспонденции; незаконного посягательства на его честь и репутацию, что в течение последних 2 десятилетий часто нарушается в киберпространстве.

В части 2 статьи 16 гарантируется право на законную защиту против такого вмешательства или нападения. Статья 17 Конвенции о правах ребенка признает важную роль средств массовой информации и обеспечивает, чтобы ребенок имел доступ к информации и материалам из различных национальных и международных источников, особенно к такой информации и материалам, которые направлены на содействие социальному, духовному и моральному благополучию, а также здоровому физическому и психическому развитию ребенка. С этой целью государства-участники будут поощрять: средства массовой информации к распространению информации и материалов, полезных для ребенка в социальном и культурном отношениях, и в духе статьи 29; международного сотрудничества в области подготовки, обмена и распространения такой информации и материалов из различных культурных, национальных и международных источников; выпуска и распространения детской литературы; средства массовой информации к уделению особого внимания языковым потребностям ребенка, принадлежащего к какой-либо группе меньшинств или коренному населению; разработку надлежащих принципов защиты ребенка от информации и материалов, наносящих вред его благополучию.

Киберпространство представляет собой глобально связанную сеть и информационно-коммуникационную структуру. В повседневной жизни часто используется термин «Интернет» вместо «киберпространство». Это искусственное образование, которое является следствием общественных потребностей и технологических новшеств, оно дает многочисленные возможности, в частности, в информационном обществе — возможность высказывания, обеспечивая свободу. Можем определить киберпространство как электронное средство информации компьютерной сети, в котором осуществляется онлайн-коммуникация. Это место функционирования компьютерных программ. Киберпространство обеспечивает успешное поддержание общественных связей.

2. Способы злоупотреблений правами детей в киберпространстве

В киберпространстве из всех прав, гарантированных Конвенцией о правах ребенка ООН, чаще всего злоупотребляется правом статьи 16, которая гарантирует, что ни один ребенок не будет подвергнут произвольному или незаконному вмешательству в осуществление его права на личную жизнь, семейную жизнь, неприкосновенность жилища или тайну корреспонденции; незаконному посягательству на его честь и репутацию; у ребенка есть законное право защиты против такого вмешательства или нападения.

Большое преимущество оскорбителей — анонимность и возможность осуществления многочисленных тактик, с помощью которых они осуществляют свои преступные намерения. В киберпространстве, виртуальной реальности происходит нарушение детской приватности в смысле невозможности ребенка контролировать свою секретную информацию и определять ее судьбу (открыть или скрыть). Это основное человеческое право распространяется одновременно и на секретность коммуникации — нет наблюдения за коммуникацией индивида и за сокрытием информации, нет манипуляции информацией о индивиде. Нарушение прав ребенка на секретность и домогательство в киберпространстве имеет особенности. В кибермире иногда только одно отрицательное поведение, нарушителя в киберпространстве может вызвать повторение виктимизации жертвы в более длинном периоде времени. Так, например, одну компрометирующую фотографию можно электронным путем в течение определенного периода времени переслать разным лицам, а это в ракурсе кибержертвы может быть понято как повторная виктимизация. Это дальше приводит нас к факту, что онлайн-коммуникацию характеризует постоянность в высказывании, так что злонамеренные текстуальные сообщения, электронная почта или фотографии, однажды отосланные в киберпространство, сложно уничтожаются. Миллионы наблюдателей могут такой материал сбросить на своем телефоне или компьютере, а потом переслать другим пользователям. Далее это значит, что психологическое унижение в киберпространстве, как и большинство традиционных форм унижения, случается в присутствии других лиц, выполняющих роль наблюдателя или свидетеля, с той разницей, что в гонении в киберпространстве публика может постоянно увеличиваться с течением времени и нельзя уточнить, сколько лиц нарочно или случайно включено в это отрицательное событие. Популярные приложения имеют доступ к информации о GPS-локации, благодаря чему могут открыть, где ребенок живет и проводит большинство времени. Это тоже можно объявить на фальшивом профиле, что может причинить беспокойство детям и в реальном мире. Это явление публичного объявления данных может тоже иметь широкую аудиторию, чей объем зависит от злонамеренности обидчика. В случае открытия личных данных о жертве (подлинное имя, адрес, фо-

тография, рабочее место, школа, друзья, родственники) на веб-сайте или форуме, а затем фальшивое представление в цели объявления материала это может нанести большой вред, тяжелые отрицательные последствия. В самом начале любой формы психологического злоупотребления в киберпространстве первые последствия проявляются в форме раздражительности, бессонницы, атипичной аритмии, проблем с концентрацией и пищеварительной системой. После определенного периода времени, более длинного или более короткого, в зависимости от психического состояния личности, которая терпит гонение в киберпространстве, она начинает сомневаться в своей компетентности, чувствует себя разочарованной, исключенной из окружающей среды, что приводит к перерыву участия в различных формах общественной жизни [1]. Такой способ не только грозит здоровью ребенка, но его дальнейшему развитию и интеграции в общество. Можно сделать вывод, что несовершеннолетние — особо ранимая часть популяции и что их доверием из-за их недостатка опыта и наивности можно легко пользоваться. Несовершеннолетние по причине своей любознательности и из-за желания быть принятыми в обществе, гонителям часто „передают материал в руки“, которым последние пользуются для последующего шантажа.

С этим связана одна из проблем, появляющихся между молодыми школьниками, — т. н. „sexting“, который подразумевает обмен сексуально эксплицитными сообщениями и фотографиями с мобильных телефонов или через социальные сети, которые могут вызвать отрицательные эмоциональные последствия. „Sexting“ может привести к киберзлоупотреблению или шантажу, потому что главным аргументом киберзлоупотребителя для шантажа пользуются неприличным содержанием, несмотря на то, идет ли речь о коммуникации или об эксплицитных картинах. „Sexting“ можно пользоваться для шантажа, имеющего противоположные цели, чаще всего пользуясь следующим сценарием: девушка до этого становится приятелем жертвы, которой чаще всего выступает подросток, не имеющий соответствующего опыта, на “Фейсбуке”, с целью вовлечь позже жертву в разговор через скайп с помощью веб-камеры. Чаще всего этот план подразумевает, что в течение разговора женщина снимает свою одежду и таким способом провоцирует жертву сделать то же. Жертва не понимает, что весь разговор тайно снимается, а ситуация осложняется, если «разговор» пойдет так, чтобы жертва осмелилась сделать определенные сексуальные действия. Потом следует шантаж с угрозой, что компрометирующие фотографии и видеозапись получит семья, друзья жертвы или они будут опубликованы в Интернете, если не будет выплачена определенная сумма денег. После этого жертва киберпреступников — несовершеннолетний, эмоционально ранимый, становится все более и более замкнутым, чтобы избежать конфликта, а это приводит к дальнейшему чувству безысходности. Таким способом жертва киберобидчика постепенно удаляется из реальной жизни и чаще опаздывает с выполнением своих ежедневных обязанностей и продолжает бездельничать. Появляются и физические симптомы, такие как хроническая усталость, головная боль или апатия. Часто эти симптомы представляют дополнительную загрузку и таким способом становятся причиной апатии и потери жизненных интересов.

Наряду с этими последствиями подростки в киберпространстве могут встретиться с опасностями, которые могут лишить их жизни. Самый актуальный пример — онлайн-игра „Голубой кит“, которая унесла десятки жизней во всем мире. Эта игра мотивирует молодых людей сделать ряд вызовов в течение 50 дней. Она относится к молодежи и выглядит так: в течение 50 дней игры детям задаются разные задачи — сначала менее опасные, как, например, просмотр ужасов, потом самоповреждение голубого кита на руке, и все оканчивается задачей покончить с собой в последний день этой болезненной „игры“.

Кибербезопасность больше нельзя рассматривать отдельно от безопасности в реальном мире. Ущерб, который будет причинен в результате кибернападения, очень реальный и вызывает тяжелые последствия и в физическом мире. Все-таки из-за последствий, связанных с технологией, способами, и тем, что жертвы этих нападений — дети, вопрос кибербезопасности требует особого внимания всех занимающихся Интернетом.

3. Способы превенции и меры защиты ребенка в киберпространстве

Как мы видим из приведенных примеров, опасность для детей в киберпространстве представляет глобальную проблему, которая превосходит границы всех государств мира, чьи глобальные последствия отражаются не только на угрозе индивиду как пользователю электронных технологий, но и на его окружающей среде, семье и обществе в целом. С этим связаны меры защиты, необходимые со стороны родителя несовершеннолетнего, школьных учреждений, государства через контакт-центры и социальные сети, представляющие самое удобное место и средство этих противозаконных действий. Роль родителей преимущественно в превенции этого негативного влияния имеет существенное значение. Родители должны разговаривать с детьми и знать об их деятельности в Интернете. Школы должны организовать как можно больше семинаров о пользовании информационными технологиями, которые помогут ученикам узнать и о потенциально опасных ситуациях [2].

Государство, тоже с помощью институции, через одну централизованную систему должно предпринять меры против этого глобального вызова. Основание контакт-центров как единственного места для советов и заявок необходимо, чтобы лица под угрозой, родители и преподаватели могли получать советы из области безопасности в Интернете, т. е. заявить о проблеме? которую заметили [3]. Меры превенции необходимы и в социальных сетях. Чтобы жертва объявила о домогательстве на “Фейсбуке”, необходимо щелкнуть на *”Report/Block”* в нижней левой части на *Timeline* — в профиле обидчика. Щелчком на эту опцию появляется меню с вопросом, почему привязались на профиль и в каком свойстве — личном или знакомого. В конце необходимо согласиться с правилами “Фейсбука”. По полученной заявке администраторы “Фейсбука” реаги-

руют — профиль нарушителя заблокируют. “Фейсбук” тоже основал сервис, который обеспечивает пользователям этой социальной сети отчитывать друзей, которые на страницах своих профилей объявляют содержание суицидальных намерений и с помощью опции “Report Suicidal Content” докладывают о суицидальном содержании. Таких подростков можно будет спасти, если найти их в реальности.

Конвенция о правах детей в статье 19 прописывает меры защиты: „Государства-участники принимают все необходимые законодательные, административные, социальные и просветительские меры с целью защиты ребенка от всех форм физического или психологического насилия, оскорбления или злоупотребления, отсутствия заботы или небрежного обращения, грубого обращения или эксплуатации, включая сексуальное злоупотребление, со стороны родителей, законных опекунов или любого другого лица, заботящегося о ребенке. Такие меры защиты, в случае необходимости, включают эффективные процедуры для разработки социальных программ с целью предоставления необходимой поддержки ребенку и лицам, которые о нем заботятся, а также для осуществления других форм предупреждения и выявления, сообщения, передачи на рассмотрение, расследования, лечения и последующих мер в связи со случаями жестокого обращения с ребенком, указанными выше, а также, в случае необходимости, для возбуждения судебной процедуры”.

Конвенция Организации Объединенных Наций о правах ребенка, принятая в 1989 году, содержит ряд мер, направленных на защиту детей. Она не определяет понятия “детская порнография” и не содержит положений, объявляющих противозаконным распространение детской порнографии в режиме “онлайн”. Однако статья 34 призывает государства-члены к предотвращению эксплуатации детей в съемках порнографических материалов. Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, не только обращается к проблеме детской порнографии в общем, но и в явной форме говорит о роли Интернета в распространении подобных материалов.

Проблема нарушения прав детей в киберпространстве сложна и требует всестороннего подхода. В этом смысле значительна роль Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 55/63, которая призывает государства к принятию необходимых мер по борьбе с киберпреступностью на региональном и международном уровнях. Эти меры включают в себя создание законов, направленных на устранение возможных зон для укрытия преступников, злоупотребляющих информационными технологиями; развитие международного сотрудничества правоохранительных органов в расследовании случаев трансграничного преступного использования информационных технологий и судебном преследовании в этой связи; совершенствование обмена информацией; усиление безопасности данных и компьютерных систем; обучение сотрудников правоохранительных органов специфике борьбы с киберпреступлениями; обеспечение режимов взаимной помощи и повышение осведомленности населения об угрозе киберпреступности [4–8].

С другой стороны, Резолюция 56/121 подчеркивает необходимость международного сотрудничества в борьбе с преступным использованием информационных технологий. Она придает большое значение роли Организации Объединенных Наций и других международных и региональных организаций. Резолюция также призывает государства учитывать достижения Комиссии по предупреждению преступности и уголовному правосудию при разработке национального законодательства.

Вывод

Из вышеприведенных примеров можем сделать вывод, что злоупотребление правами ребенка в киберпространстве имеет широкие масштабы. Одна из причин этого явления — наивность и легкое доверие несовершеннолетнего, который в социальных сетях ведет себя более свободно, чем в реальной жизни. Желание приобрести популярность и как можно больше «виртуальных друзей» многих несовершеннолетних пользователей приводит к статусу жертв домогательства и злоупотреблений. Все это может привести к трагичным последствиям, а отрицательные последствия отражаются не только на индивиде под угрозой, но и на его окружающих и семье и общество в целом. Наряду с нормативными предписаниями Конвенции о правах детей один из способов прекратить это явление — информировать детей, что должны сделать родители, образовательные учреждения и в средствах массовой информации.

Библиографический список

1. Марко Герке. Понимание киберпреступности: Явление, задачи, законодательный ответ. URL: <http://www.itu.int/ITUUD/cyb/cybersecurity/legislation.html>, ITU 2014.
2. Kowalski, R. M., Limber, S. P., Agatston, P. W., *Cyber Bullying: Bullying in the Digital Age*, John Wiley & Sons, ISBN: 978-14443-21-88-3, 2010.
3. Жигович О.Н. <https://upk1.schools.by/pages/kiberbullig-kak-ostanovit-nasilie-v-kiberprostranstve>, 2016.
4. Международное законодательство. URL: <https://www.lawmix.ru/abro/10716/56216>
5. Миладинович-Богавец Ж. Уголовное дело по факту мошенничества как модель осуществления киберкриминала: докторская диссертация, 2016.
6. URL: <https://www.informacija.rs/Clanci/Tinejdzeri-oprez-Sajber-predatori-vrebaju.html>, 2012.
7. URL: <https://www.informacija.rs/Vesti/Proradio-broj-19833-za-prijavu-zlostavljanja-dece-na-internetu.html>, 2017.
8. Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, сорок четвертая сессия, Дополнение №49 (A/44/49), стр. 230–239. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml.

References

1. Marko Gerke. *Ponimanie kiberprestupnosti: Iavlennie, zadachi, zakonodatel'nyi otvet* [Understanding of cybercrime: Phenomenon, tasks, legislative response]. Retrieved from: <http://www.itu.int/ITUUD/cyb/cybersecurity/legislation.html>, ITU, 2014 [in Russian].
2. Kowalski R.M., Limber S.P., Agatston P.W. *Cyber Bullying: Bullying in the Digital Age*. John Wiley & Sons, ISBN: 978-14443-21-88-3, 2010 [in English].
3. Zhigovich O.N. Retrieved from: <https://upk1.schools.by/pages/kiberbullig-kak-ostanovit-nasilie-v-kiberprostranstve>, 2016 [in Russian].
4. Mezhdunarodnoe zakonodatel'stvo [International legislation]. Retrieved from: <https://www.lawmix.ru/abro/10716/56216> [in Russian].
5. Miladinovich-Bogavatz Zh. *Ugolovnoe delo po faktu moshennichestva kak model' osushchestvleniia kiberkriminala: doktorskaia dissertatsiia* [Criminal case on fraud as a model for the implementation of cybercriminal: Doctoral thesis], 2016 [in Russian].
6. Retrieved from: <https://www.informacija.rs/Clanci/Tinejdzeri-oprez-Sajber-predatori-vrebaju.html>, 2012 [in Serbian].
7. Retrieved from: <https://www.informacija.rs/Vesti/Proradio-broj-19833-za-prijavu-zlostavljanja-dece-na-internetu.html>, 2017 [in Serbian].
8. *Ofitsial'nye otchety General'noi Assamblei, sorok chetvertaia sessiia, Dopolnenie №49 (A/44/49)* [Official Records of the General Assembly, forty-fourth session, Supplement No. 49 (A/44/49)], pp. 230–239. Retrieved from: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml [in Russian].

Zh. Miladinovich-Bogavats*

VIOLATIONS OF CHILDREN'S RIGHTS IN CYBERSPACE-CYBERSECURITY AND LEGAL REGULATIONS

According to Article 16 of the UN Convention on the Rights of the Child, it is guaranteed that every child will be protected from unlawful interference with the exercise of his right to privacy, family life, inviolability of home, correspondence, or unlawful attacks on his honor and reputation, there is a right to legitimate protection from such interference or assault. In cyberspace there are numerous abuses of children, especially in view of the fact that children use social networks where there are numerous risks of fraud, both abuse of their identity, and content that is in the networks. The target group of numerous fraudsters is juvenile persons. This article will provide examples of cyberthreats for minors, their functioning, ways of protection, legal regulations and activities of international organizations, 24/7 contact center networks and government agencies with the aim of eradicating them.

Key words: child rights, cybersecurity, cyberthreats.

* Zhivanka Miladinovich-Bogavats (pravni@ius.bg.ac.rs), Faculty of Law, University of Belgrade, 1, Studentski trg., Belgrade, 11000, Serbia.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

УДК 340

*М.В. Мельникова**

ИНФОРМАТИЗАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Конституция Российской Федерации устанавливает право и свободу получения и распространения информации. Информатизация современного общества выдвигает на первый план вопросы формирования в современной России единого информационного пространства. Не остается в стороне и сфера образования. Рассматриваются проблемы и перспективы развития информационной составляющей в вузах при подготовке будущих юристов. К выпускникам юридических факультетов в современных условиях предъявляются повышенные требования: умение быстро ориентироваться в сложившейся ситуации, правильно найти решение вопроса, грамотно используя компьютерные технологии и информационные возможности. Порождаемые информатизацией общества проблемы в сфере образования определяют основные направления при подготовке будущих практикующих юристов — это в первую очередь формирование информационно-правовой культуры выпускника.

Ключевые слова: юридическое образование, информационно-юридическое мировоззрение, информационное общество, информатизация образования, правосознание, правовая культура, информационная культура, информационные правоотношения, информационно-образовательная среда.

Переход развития современного общества на новый уровень — информационный — определяет направления изменения всех социальных сфер, в том числе и сферы высшего образования. Сложившаяся за долгие годы система образования в России стремительно адаптируется к новым возможностям, предлагаемым прогрессом в сфере информационных технологий.

Стремительное качественное обновление общества выдвигает на первый план решение задачи — формирование в России единого информационно-правового пространства, обеспечивающего правовую информированность всех структур общества и каждого гражданина в отдельности. Часть 5 ст. 29 Конституции Российской Федерации закрепляет основы этого развития [1]. Статья 4 Федерального закона «Об информатизации, информационных технологиях и о защите информации» перечисляет основные социальные и правовые характеристики информатизации общества, к ним относятся: высокая информационная культура граждан государства, органов власти, иных общественных структур; обеспечение правовой и информационной защиты в обществе [2] и др. Подобным образом государство определяет для себя основные направления деятельности в процессе информатизации общества. Государству важно обеспечить информационную безопасность всех субъектов информационных правоотношений и воспитать информационно грамотных членов общества.

Информатизация — это масштабный процесс, затрагивающий все сферы общественной жизни, направленный на удовлетворение потребности людей в информации, а также на построение мощной телекоммуникационной инфраструктуры [5, с. 23–26].

Информатизация образования (от лат. informatio — *разъяснение, изложение*) — процесс обеспечения сферы образования методологией разработки и оптимального использования современных информационных технологий, направленных на реализацию психолого-педагогических целей обучения и воспитания. Это важный процесс, который предполагает совершенствование управления системой образова-

* © Мельникова М.В., 2017

Мельникова Марина Витальевна (mv-melnikova@mail.ru), кафедра государственно-правовых дисциплин, Самарский юридический институт ФСИН России, 443022, Российская Федерация, г. Самара, ул. Рыльская, 24 в.

ния, методов и форм обучения, направленных на формирование умений и навыков студентов самостоятельно искать и анализировать информацию.

Использование компьютерных технологий позволяет решать задачи развития личности обучающегося в современных условиях информатизации общества, создавать и использовать в образовательной сфере компьютерные тестирующие методики контроля и оценки уровня знаний обучающихся. В связи с этим в системе высшего образования Российской Федерации сегодня проходят процессы совершенствования его организации, структуры и содержания учебных планов и программ. Особенно существенны перемены в средствах и технологиях обучения [6, с. 86 – 87].

В новых условиях обучения изменилось и представление о требованиях, предъявляемых к выпускникам вузов, в том числе и выпускникам-юристам. Важным ценностным качеством выпускника вуза в современном информационном обществе является его информационная культура, под которой следует понимать умение грамотно использовать весь спектр информационных технологий в своей повседневной деятельности юриста, которому зачастую приходится принимать решения в условиях неопределенности фактических обстоятельств. Поэтому важно развивать у студентов – будущих юристов способность самостоятельно анализировать обстоятельства дела, опираясь на понимание общих закономерностей развития общества, а также способность прогнозировать возможные последствия принимаемых решений. В этом и будет заключаться высокий уровень не только информационной, но и правовой культуры выпускника-юриста.

Использование информационных технологий в учебном процессе приводит к изменению познавательного потенциала выпускника. Будущий юрист должен уметь находить необходимую информацию в различных электронных базах данных, справочных поисковых системах; уметь анализировать подобранную информацию и выбирать адекватные формы ее представления, а также уметь использовать полученные данные при решении конкретных задач. Для юриста важно уметь быстро сориентироваться и выбрать из большого объема информации необходимые сведения.

Наиболее значимым достижением информационных технологий, облегчившим жизнь каждого юриста, является создание электронных справочно-правовых систем. Накопленный значительный объем бумажной информации становилось все сложнее систематизировать в условиях динамичности развития общественных отношений. Появляются правовые порталы, представляющие собой автоматизированные системы оперативной информации (сводок), судебных актов и т. д. Например, официальный Интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) является сегодня в Российской Федерации органом официального опубликования нормативных правовых актов федерального уровня. Согласно ст. 9.1 Федерального закона «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания», официальный интернет-портал правовой информации является сетевым изданием и входит в государственную систему правовой информации, функционирование которой обеспечивает Федеральная служба охраны Российской Федерации [3].

Информатизация правовой системы в целом и системы образования имеют те же черты, что и информатизация любой иной предметной области. В то же время имеются и особенности. Здесь нужно учитывать юридические и социальные функции права (регулятивную, охранительную, информационную и др.), а также различные виды юридической деятельности: правотворческую, правоприменительную, правоохранительную.

Применение интернет-ресурсов в правовой подготовке будущих юристов имеет большие возможности: это и интернет-конференции, поиск информации правового содержания, учебно-исследовательская деятельность и др. К иным формам можно отнести электронные учебники и учебные пособия, справочно-поисковые системы «КонсультантПлюс», «Гарант», компьютерное тестирование по правовым дисциплинам.

Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки юриспруденция (уровень бакалавриата) [4] содержит нормы о том, что каждый должен быть обеспечен индивидуальным неограниченным доступом к одной или нескольким электронно-библиотечным системам (электронным библиотекам) и к электронной информационно-образовательной среде организации. Функционирование электронной информационно-образовательной среды обеспечивается соответствующими средствами информационно-коммуникационных технологий и квалификацией работников и должно соответствовать законодательству Российской Федерации.

При целенаправленном применении информационных технологий в ходе правового обучения и воспитания обучающихся происходит интеграция знаний из предметов информатики и права, формируются твердые навыки работы с компьютерной техникой.

Постоянное использование компьютерных технологий на занятиях должно способствовать формированию у обучающихся устойчивого интереса к обучению юридическим дисциплинам. Использование возможности электронных ресурсов в процессе изучения права создает благоприятные условия не только для формирования общекультурных и профессиональных компетенций будущих юристов, но и личностных качеств. Психолого-педагогические и информационно-технические возможности мультимедиа способствуют лучшему пониманию, осмыслению и запоминанию информации, так как включается в действие не только словесно-логическая, но и наглядно-образная память.

Таким образом, целью информатизации юридического высшего образования является повышение качества общеправовой подготовки будущих практических работников.

Тем не менее, несмотря на явные преимущества информационных технологий в современной образовательной среде, следует отметить и основные проблемы, которые возникают в связи с этим. Во-первых,

в отношении обучающихся — это возможное снижение способностей к самостоятельному творческому мышлению и желание найти готовый ответ на смоделированную фактическую ситуацию, что препятствует формированию юридического мировоззрения. Юридическое мировоззрение определяет формирование и профессионального уровня правосознания и правовой культуры будущего юриста.

Во-вторых, в отношении преподавателей вуза — это чрезмерное увлечение мультимедийными технологиями без соответствующей методической подготовки, что может приводить к педагогическим ошибкам, снижающим эффективность их применения. Наиболее типичными ошибками являются: перегруженность занятия демонстрациями и отсутствие учебно-воспитательной работы преподавателя и, как следствие, преобладание пассивного восприятия учебной информации обучающимися.

Таким образом, в условиях информационного общества возникает потребность формирования нового типа культуры личности — информационной культуры. Очевидно, что данный тип культуры является частью общей культуры. Это способность и готовность личности к освоению нового образа жизни, определяемого новыми ценностями информационного общества. Полагаю, что совокупность информационного и юридического мировоззрения можно рассматривать как определяющий фактор формирования профессионального уровня правосознания и правовой культуры будущих юристов, позволяющих обеспечить самостоятельную компетентную профессиональную деятельность. Соответственно, информационно-юридическое мировоззрение — это система взглядов юриста на государственно-правовые явления и информационные общественные отношения, включающая в себя ценности, идеалы и принципы познания и профессиональной деятельности, формирование которого в период обучения в вузе непременно скажется на качестве правовой подготовки будущих юристов.

Библиографический список

1. Конституция РФ от 12.12.1993 г. (с изменен. 21.07.2014 г.) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.
3. Федеральный закон от 14.06.1994 № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» (ред. от 01.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 8. Ст. 801.
4. Приказ Министерства образования и науки РФ № 1511 от 01.12.2016 г. «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата)». Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 12.11.2017 г.).
5. Зверева Ю.С. Информатизация образования // Молодой ученый. 2016. № 6.3. С. 23–26.
6. Коломейченко А.С. Инновационные образовательные технологии высшей школы // Актуальные вопросы в научной работе и образовательной деятельности Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 31 января 2013 г.: в 13 ч. Тамбов, 2013. С. 86–87.

References

1. *Konstitutsiia RF ot 12.12.1993 g. (s izmenen. 21.07.2014 g.)* [The Constitution of the Russian Federation dated 12.12.1993 (as amended 21.07.2014)]. «*Sobranie zakonodatel'stva RF*» [Collected Legislation of the Russian Federation], 2014, no. 31, Article 4398 [in Russian].
2. *Federal'nyi zakon ot 27.07.2006 № 149-FZ «Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiiakh i o zashchite informatsii» (red. ot 29.07.2017)* [Federal law dated 27.07.2006 № 149-FZ «On information, information technologies and protection of information» (last updated 29.07.2017)]. «*Sobranie zakonodatel'stva RF*» [Collected Legislation of the Russian Federation], 2006, no. 31 (1 part), Article 3448 [in Russian].
3. *Federal'nyi zakon ot 14.06.1994 № 5-FZ «O poriadke opublikovaniia i vstupleniia v silu federal'nykh konstitutsionnykh zakonov, federal'nykh zakonov, aktov palat Federal'nogo Sobraniia» (red. ot 01.07.2017)* [Federal law dated 14.06.1994 № 5-FZ «On procedure of publication and entry into force of Federal constitutional laws, Federal laws, acts of chambers of the Federal Assembly» (last updated 01.07.2017)]. «*Sobranie zakonodatel'stva RF*» [Collected Legislation of the Russian Federation], 1994, no. 8, Article 801 [in Russian].
4. *Prikaz Ministerstva obrazovaniia i nauki RF № 1511 ot 01.12.2016 g. «Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego obrazovaniia po napravleniiu podgotovki 40.03.01 Iurisprudentsiia (uroven' bakalavriata)»* [Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation № 1511 dated 01.12.2016 «On establishing Federal State Educational Standard of Higher Education in the direction of training 40.03.01 Law (undergraduate level)». Retrieved from legal reference system «Consultant Plus» (accessed 12.11.2017) [in Russian].
5. Zvereva Yu.S. *Informatizatsiia obrazovaniia* [Informatization of education]. *Molodoi uchenyi* [Young Scientist], 2016, no. 6.3, pp. 23–26 [in Russian].
6. Kolomeychenko S.A. *Innovatsionnye obrazovatel'nye tekhnologii vysshei shkoly* [Innovative educational technologies in higher educational institutions]. In: *Aktual'nye voprosy v nauchnoi rabote i obrazovatel'noi deiatel'nosti. Sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 31 ianvaria 2013 g.: v 13 chastiakh* [Current issues in research and educational activities. Collection of scientific works on the materials of the International research and practical conference, January 31, 2013: in 13 parts]. Tambov, 2013, pp. 86–87 [in Russian].

*M.V. Melnikova****COMPUTERIZATION OF LEGAL EDUCATION: CHALLENGES AND OPPORTUNITIES**

Constitution of the Russian Federation establishes the right and freedom of getting and distribution of information. Informatization of modern society brings to the forefront the issues of formation in modern Russia of common information space. The sphere of education don't stand aside. The issues and prospects of development of piece of information in the institutions of higher education in the formation of future lawyers are viewed. To the graduates of law faculties in modern conditions heightened requirements are presented: ability to keep all their wits about the situation, find the right solution to the problem, properly using computer technologies and information possibilities. Generated by the informatization of society problems in the sphere of education define the basic directions at preparing future practicing lawyers – this, primarily, formation of information and legal culture of a graduate.

Key words: legal education, information and legal world, information society, Informatization of education, legal consciousness, legal culture, information culture, information relationship, information educational environment.

* *Melnikova Marina Vitalyevna* (mv-melnikova@mail.ru), Department of State and Legal Disciplines, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 24 v, Rylskaya St., Samara, 443022, Russian Federation.

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

УДК 343.9

*Е.А. Гамбарова****К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ
В РАБОТЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ**

Появление новых коммуникационных инструментов и виртуализация общественных отношений вносит некоторые изменения в стратегию и тактику расследования преступлений, обязывает сотрудников следственных органов искать новые подходы к работе в сложившихся обстоятельствах.

Информация занимает центральное место в познавательной деятельности следователя, поэтому поиск оптимальных путей получения сведений является важным направлением в криминалистике. Большие возможности для работы сотрудников правоохранительных органов с информацией предоставляет сеть Интернет, в частности социальные сети.

Ежегодно наблюдается рост числа активных пользователей социальных сетей. С каждым днем в виртуальном пространстве накапливается все больше информации, которую можно использовать в работе следователя. В ряде зарубежных стран мониторинг социальных сетей и другие способы работы с виртуальным пространством стали неотъемлемой частью работы правоохранительных органов. В статье анализируется международный опыт использования информации из сети Интернет в познавательной деятельности, рассматриваются основные способы сбора сведений о личности с использованием социальных сетей, представлен определенный алгоритм действий для более эффективной работы следователя с социальными сетями.

Ключевые слова: социальные сети, следователь, безопасность и неприкосновенность частной жизни, расследование преступлений, киберрасследование, личность, цифровые доказательства, Facebook.

В настоящее время необходимо отметить изменение подхода граждан к способам и формам общения, обороту информации и т. п., отчасти это обусловлено развитием глобальной сети Интернет и виртуальных отношений. Все больший оборот набирает общение посредством социальных сетей и мессенджеров [1, с. 29–31]. Рост популярности социальных медиа (социальных сетей, мессенджеров, он-лайн компьютерных игр и пр.), широкое распространение «виртуальных» баз данных, он-лайн банкинга, облачного хранения и других инструментов, используемых с целью более удобного и быстрого построения коммуникаций и получения/предложения услуг, не только приводит к необходимости нормативного регулирования данных отношений, но и обуславливает создание новых подходов к работе с виртуальным пространством в криминалистике [1, с. 29–31].

Особенно ярко виртуализация общественных отношений проявляется в значительном росте количества пользователей социальных сетей, их активности в социальных сетях — как посредством общения друг с другом через личные сообщения, так и размещения различных фотографий и записей о себе, о

* © Гамбарова Е.А., 2017

Гамбарова Евгения Александровна (egambarova@yandex.ru), кафедра уголовного процесса и криминалистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

своих близких, о своих интересах, а также схожих со своими мыслей в открытом доступе в сети Интернет, на своей страничке в социальных сетях.

Одной из примечательных особенностей сети Интернет является то, что информация в социальных сетях имеет свойство накапливаться и храниться достаточно долгий период времени. Именно это свойство может стать основой для работы с ней следователя, дознавателя или оперативного работника. Информация занимает центральное место в познавательной деятельности следователя, поиск путей более быстрого и полного получения информации (в том числе из социальных сетей) является важным направлением в криминалистике.

В США, например, социальные сети активно используют при расследовании преступлений и считают ценным инструментом для поиска и сбора информации об интересующих событиях и людях.

В России использование социальных сетей при расследовании и профилактике преступлений не получило широкого распространения. Причинами этого следователи называют¹: сложность поиска информации (76 %), длительность по времени (34 %), трудности процессуального оформления поиска и использования такой информации (91 %).

Частично информация из социальных сетей используется специальными отделами органов расследования и дознания; адвокатами или иными участниками уголовного процесса. Методика работы с социальными сетями для следователей не разработана и не получила признания в научных кругах. В связи с этим представляется целесообразным ее разработка и внедрение в практику правоохранительных органов.

О необходимости использования информации из социальных сетей в расследовании говорит действующий следователь по особо важным делам Республики Беларусь, к.ю.н. Ю.Ф. Каменецкий [2, с. 77]. В своей диссертации «Методика первоначального этапа расследования хищений путем злоупотребления служебными полномочиями в бюджетной сфере» он пишет, что «Упреждение противодействия со стороны расхитителя и его коррупционных связей напрямую увязано с аналитической работой по установлению социальных и родственных связей расхитителей, принятию мер превентивного характера. Одним из эффективных способов поисковой деятельности следователя, наряду с классическими мерами, является мониторинг общедоступных в глобальной компьютерной сети Интернет социальных сетей «ВКонтакте», «Одноклассники», «Фейсбук» в кругу друзей и др. Проведенное исследование через поиск в сети Интернет показывает, что в настоящее время в социальных сетях в общем доступе под реальными анкетными данными размещается информации 31,1% расхитителя. Данное направление поисковой деятельности следователя представляется весьма перспективным». Таким образом, мониторинг общедоступных сведений в социальных сетях позволяет не только оперативно установить социальные связи, материальное и семейное положение. При помощи информации, зафиксированной на фотографиях (дружеские отношения, места отдыха, наличие собственности, автотранспорта, образ жизни), можно выдвинуть версии о финансовом положении и достатке, имуществе, подлежащем аресту, и др. [2, с. 77]

Известный американский адвокат Бенджамин Райт в своей статье *Social Media and the Changing Role of Investigators* [3] пишет о методах расследования преступлений со сбором доказательств из социальных сетей. Он считает, что работа с доказательствами из социальных сетей очень сильно отличается от работы с традиционными доказательствами, появляются новые правовые и процедурные проблемы, которые нельзя игнорировать и необходимо изучать.

Пол Гилл, Эмили Углу, Лаура Конвей, Эми Торнтон, Миа Блум, Джон Хорган в своей статье «Использование Интернета террористами в цифрах [4]», опубликованной в журнале *Criminology & Public Policy* достаточно подробно рассматривают вопрос об использовании информации из сети Интернет террористами при планировании атак, авторы немного затрагивают вопрос об использовании социальных сетей при планировании террористических атак, вербовки и общения. Однако оставляют без внимания тот момент, как выглядит страница потенциального террориста, возможно ли, анализируя определенные страницы (с совокупностью определенного контента), сделать вывод о том, что человеку следует уделить дополнительное внимание, отнести его к зоне риска в целях криминальной профилактики, или как, анализируя страницу в социальной сети уже известного террориста, найти его сообщников и людей лояльных к нему.

Farhood Norouzizadeh Dezfouli, Ali Dehghantanha, Brett Eterovic-Soric & Kim-Kwang Raymond Choo своей статье *Investigating Social Networking applications on smartphones detecting Facebook, Twitter, LinkedIn and Google+ artefacts on Android and iOS platforms* в журнале *Australian Journal of Forensic Sciences* пишут о том, как информация из социальных сетей может быть использована злоумышленниками [5]. В этой статье подробно расписано, какая информация может быть добыта о пользователе с помощью социальных сетей и как может быть использована в преступных целях. В рамках нашего исследования нам необходимо было узнать, что в социальных сетях можно найти о человеке.

Олиндер Н.В., Гамбарова Е.А. в своей статье «О результатах эксперимента «Поиск и восприятие информации о личности в сети Интернет и ее использование при расследовании преступлений» [1, с. 29–31], сравнивая способы сбора информации о личности с помощью традиционного опроса и мониторинга социальных сетей, приходят к выводу о необходимости использования социальных сетей в работе следователя.

Marc Dupuisa, Samreen Khadeera, Joyce Huangb в своей статье “I Got the Job!”: An exploratory study examining the psychological factors related to status updates on Facebook [6], опубликованной в журнале *Computers in Human Behavior*, исследуют не только фактические данные о пользователях в социальных сетях, но и анализируют психологические характеристики пользователей социальных сетей, просматривая статусы пользователей в Facebook.

Представляется целесообразным разработать методику наиболее эффективного получения и обработки информации из социальных сетей для следователей. Для этого в научно-образовательной лаборатории криминалистики и судебных экспертиз кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского университета проводился эксперимент с целью выяснить, какую информацию можно получить о личности из открытых источников, не прибегая к использованию специальных знаний.

Эксперимент заключался в том, чтобы участники (субъекты) смогли найти информацию об определенных людях (объектах) по заданным параметрам (место жительства лица, место учебы лица, вхождение в состав учредителей, наличие имущества, наличие задолженностей и штрафов, участие в судебных процессах, путешествия и деловые поездки, досуг, состав семьи, близкие друзья). Отдельным условием было поиск информации в «открытых» источниках.

В результате эксперимента выяснилось, что 67 % участников нашли информацию о городе проживания, но конкретный адрес удалось найти только 5,7 % участников. Тем не менее этот факт показывает, что в результате анализа информации из социальных сетей можно получить сведения о конкретном адресе человека в открытом доступе. Место работы и учебы смогли обнаружить 79 % участников. Вхождение в состав учредителей, акционеров, наличие статуса ИП и т. д. нашли 22 % участников эксперимента, наличие информации об имуществе смогли найти только 10 % участников, и информация была собрана не в полном объеме. Задолженности, штрафы и кредиты нашли менее 2 % участников, участие в судебных процессах (в качестве стороны) – менее 1 %, путешествия и деловые поездки смогли найти более половины участников эксперимента – 50,6 %, информацию о родителях смогли найти 29,5 % участников эксперимента, о супругах – более половины участников (52,5 %); о братьях и сестрах – 19 %, о друзьях – в среднем 20,9 %. Здесь речь идет только о полной и достоверной информации. Выполнение работ по поиску и обработке информации (в том числе определении ее достоверности) заняло также в среднем 2, 5 часа.

Таким образом, в ходе эксперимента были выявлены определенные параметры («маячки»), которые находятся в свободном доступе в социальных сетях и могут быть доступны любому пользователю: адрес, место проживания, место учебы, места отдыха, деловые поездки и проч. Было выявлено, что на поиск информации о личности в социальных сетях в среднем потрачено 2,5 часа.

С одной стороны, эксперимент показал, как много информации о личности хранится в социальных сетях, что является негативным фактором, так как снижен уровень защиты персональных данных (хотя эти данные размещают сами субъекты – свободно, по своему желанию). С другой стороны, такая «открытость» информации может помочь в работе следственных органов при расследовании преступлений. Например, при сборе информации о возможных участниках ОПГ, при подготовке к отдельным следственным действиям (допрос, очная ставка) или в целом при планировании расследования отдельных видов преступлений.

В результате работы над исследуемой темой разработан следующий алгоритм действий для сбора информации о личности в сети Интернет, который может быть использован в работе следователя.

Объект исследования: страницы социальных сетей лица, о котором собирают информацию («ВКонтакте», Instagram, Facebook и т. п.).

Субъект исследования: следователь, дознаватель, оперативный работник.

Методы исследования: наблюдение, сравнение, анализ, моделирование.

Для поиска информации необходим следующий алгоритм действий:

1. Использование поисковой системы, установленной на компьютере субъекта исследования (компьютер должен быть подключен к сети Интернет). Вбить в поисковую строку браузера известную информацию об объекте (фамилия, имя, год рождения, место работы и др.).

2. Первые несколько ссылок в большинстве случаев обеспечивают переход к профилю на сайте организации, сотрудником которой является объект изучения, к персональной странице в социальной сети («ВКонтакте», Facebook, Instagram) или иным профилям, где отмечен объект исследования. В любом из этих ресурсов может быть выложена личная информация (имя, фамилия, возраст, дата рождения, семейное положение, информация о членах семьи, место работы и должность, информация об образовании, место рождения и т. д.). Как правило, эта информация видна в шапке профиля.

3. Фиксируем полученную информацию, анализируем, делаем первые выводы (возраст, образование, место жительства, семейное положение, и проч.).

4. Проводим анализ фотографий на страницах социальных сетей с целью получения информации о личных, дружеских, рабочих контактах. Подтверждение информации возможно при проверке списка друзей, подписчиков, анализе комментариев на странице или под фотографиями объекта исследования и прочее.

5. Особое внимание необходимо уделять и отдельно фиксировать (например, создавая скриншот) «официальную информацию», например фотографию, которая может иметь идентификационные при-

знаки документов, удостоверяющих личность (паспорт, удостоверение, права), номер гос. регистрации ТС, кадастровые номера объектов недвижимости и прочее.

6. Анализ групп, сообществ, событий позволяет установить важные признаки психологического портрета личности: хобби, увлечения, социальную позицию, религиозные и политические взгляды.

7. Фотографии могут стать источником информации о материальном уровне, уровне дохода, возможных выездах за границу или другие города. Они же могут помочь в установлении места нахождения объекта в определенное время (в особенности если объект размещает фотографию с привязкой к местности, либо сам «прикрепляет местоположение» к фотографии, ставит хештеги и т. д.).

8. В случае если информации на странице данного объекта недостаточно – следует обратиться к страничкам его родственников (при наличии информации о таковых) и их друзей.

9. Пользователи нескольких социальных сетей часто связывают свои страницы в различных социальных сетях или размещают на одной страничке адресные ссылки на другие профили. Это дает субъекту исследования дополнительные возможности по поиску информации об объекте исследования.

10. Делаем анализ всей информации, которую удалось получить по страницам в социальных сетях.

11. Повторно вводим фамилию, имя объекта исследования и смотрим информацию по профессиональным сообществам, упоминаниям в прессе, публикациям, участию в мероприятиях и т. д. Например, лицо является членом благотворительной организации, посещает определенные мероприятия или в силу профессиональной деятельности дает интервью, участвует в конференциях и т. д.

12. Проводим проверку по ключевым моментам (ФИО, дата рождения, город) по официальным порталам (например, на сайте www.kadastrmap.ru можно по адресу посмотреть собственность на земельный участок, кадастровую стоимость и пр.). В процессе поиска и исследования информации рекомендовано делать записи, схемы, зарисовки, с целью получения более полной картины.

Приведенный выше алгоритм действий позволит следователю работать с социальными сетями при сборе необходимых сведений о личности, более эффективно осуществлять поиск, анализ и оценку подобной информации.

Примечания

¹ Согласно опросу следователей Самарской области.

Библиографический список

1. Олиндер Н.В., Гамбарова Е.А. О результатах эксперимента «поиск и восприятие информации о личности в сети Интернет и ее использование при расследовании преступлений» // Эксперт-криминалист. 2017. № 4. С. 29–31.

2. Каменецкий Ю.Ф. Методика первоначального этапа расследования хищений путем злоупотребления служебными полномочиями в бюджетной сфере: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12. Минск, 2016. 196 с.

3. Social Media and the Changing Role of Investigators. URL: <https://www.forensicmag.com/article/2012/12/social-media-and-changing-role-investigators> (дата обращения: 11.11.2017).

4. Terrorist Use of the Internet by the Numbers. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/1745-9133.12249/full> (дата обращения: 11.11.2017).

5. Investigating Social Networking applications on smartphones detecting Facebook, Twitter, LinkedIn and Google+ artefacts on Android and iOS platforms. URL: <https://www.researchgate.net> (дата обращения: 10.11.2017).

6. “I Got the Job!”: An exploratory study examining the psychological factors related to status updates on Facebook. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0747563217301668> (дата обращения: 12.09.2017).

References

1. Olinder N.V., Gambarova E.A. *O rezul'tatakh eksperimenta «poisk i vospriiatie informatsii o lichnosti v seti internet i ee ispol'zovanie pri rassledovanii prestuplenii»* [On the results of the experiment “search and perception of information on the Internet and its use in the investigation of crimes”]. *Ekspert-kriminalist* [Expert-Criminalist], 2017, no. 4, pp. 29–31 [in Russian].

2. Kamenetsky Yu.F. *Metodika pervonachal'nogo etapa rassledovaniia khishchenii putem zloupotrebleniia sluzhebnyimi polnomochiiami v biudzhethoi sfere: dis. ... kand. iurid. nauk: 12.00.12* [Method of the initial stage of investigation of plunders by abusing office powers in the budgetary sphere: Candidate's of Law thesis: 12.00.12]. Minsk, 2016, 196 p. [in Russian].

3. *Social Media and the Changing Role of Investigators*. Retrieved from: <https://www.forensicmag.com/article/2012/12/social-media-and-changing-role-investigators> (accessed 11.11.2017) [in English].

4. *Terrorist Use of the Internet by the Numbers*. Retrieved from: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/1745-9133.12249/full> (accessed 11.11.2017) [in English].

5. *Investigating Social Networking applications on smartphones detecting Facebook, Twitter, LinkedIn and Google+ artefacts on Android and IOS platforms*. Retrieved from: <https://www.researchgate.net> (accessed 10.11.2017) [in English].

6. *"I Got the Job!": An exploratory study examining the psychological factors related to status updates on Facebook*. Retrieved from: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0747563217301668> (accessed 12.09.2017) [in English].

*E.A. Gambarova**

TECHNIQUE OF USING SOCIAL NETWORKS IN THE WORK OF AN INVESTIGATOR

The emergence of new communication tools and the virtualization of social relations makes some changes in the strategy and tactics of crime investigation, compels investigators to seek new approaches to work in the circumstances.

Information is central to the cognitive activity of the investigator, so the search for optimal ways of obtaining information is an important area in forensic science. Large opportunities for law enforcement officers with information provides the Internet, particularly social networks.

Every year, an increasing number of active users of social networks. Every day in the virtual space accumulates more and more information that can be used in the investigator. In some foreign countries, the monitoring of social networks and other ways of working with the virtual space has become an integral part of law enforcement. The article analyzes the international experience of the use of information from the Internet in educational activities, discusses the main ways of collecting information about the personality with the use of social networks represented a certain algorithm of actions for more effective work of the investigator with the social networks.

Key words: social networking, investigator, security and privacy, crime investigation, cyber-investigation, personality, digital evidence, Facebook.

* *Gambarova Evgenia Alexandrovna* (egambaeova@yandex.ru), Department of Criminal Procedure and Forensic Science, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 347

РЕЦЕНЗИЯ
НА МОНОГРАФИЮ ЯКУШЕВА ПАВЛА АЛЕКСЕЕВИЧА «СПОРЫ О ДЕТЯХ:
ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА»

В рецензии оцениваются актуальность исследуемой темы, содержание, достоинства и недостатки монографии. Отмечается, что тема этой работы весьма актуальна как для юридической науки, так и для правоприменительной практики, поскольку в нашем обществе по-прежнему сохраняют свою остроту проблемы, связанные с обеспечением защиты семьи и детства. В монографии на основе анализа закона, литературы и практики глубоко и интересно рассмотрен широкий круг вопросов, охватывающих основные проблемы, возникающие при разрешении споров о детях. При этом автором проводится мысль о том, что главным в таких спорах является ребенок, и никакое самое юридически совершенное решение суда не заменит добровольного соглашения родителей о его судьбе. В монографии выявлены основные проблемы, возникающие при разрешении судами споров о детях и проведении примирительных процедур, и предложены пути их решения в интересах ребенка, заслуживающие поддержки. В качестве замечания указывается на то, что некоторые значимые вопросы в работе не нашли отражения.

Ключевые слова: споры о детях, ребенок, родители, права, орган опеки и попечительства, суд, примирительные процедуры.

Тема монографии «Споры о детях: традиционные ценности и судебная практика», подготовленной кандидатом юридических наук, доцентом П.А. Якушевым, является актуальной для юридической науки и правоприменительной практики. Государство, устанавливая в Конституции Российской Федерации гарантии защиты семьи и детства, проводит последовательную политику по формированию среды, комфортной и доброжелательной для жизни детей, а также по предупреждению угроз осуществления прав детей. Вместе с тем сохраняют свою остроту проблемы, связанные с распространением семейного неблагополучия, нивелированием традиционных семейных ценностей, насаждением стереотипов образа жизни, в котором семья рассматривается как препятствие для самореализации и достижения целей, жестоким обращением с детьми, сохранением значительного числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, низкой эффективностью работы органов опеки и попечительства, отсутствием семейной медиации и др. Не всегда «дружественно» к ребенку и правосудие: порой дела, связанные с воспитанием детей, рассматриваются формально, без надлежащего внимания к глубинным сторонам семейного конфликта и без скрупулезного анализа соответствия принимаемого судебного постановления интересам ребенка. В этой связи исследование, предпринятое П.А. Якушевым в рецензируемой монографии, направленное на выявление проблем, возникающих при рассмотрении судами споров о детях, и обоснование путей их решения в интересах ребенка, является актуальным и востребованным.

При этом обоснование рекомендаций по правильному разрешению споров о детях, которое бы обеспечивало максимальный учет их интересов, автор осуществляет через призму взаимодействия семейного законодательства, сложившейся судебной практики и традиционных семейных ценностей. Именно традиционным ценностям, по мнению автора, во многих случаях принадлежит ведущая регулятивная роль в сфере семейных отношений, которые далеко не всегда могут быть урегулированы нормами права.

Автором последовательно решены следующие задачи, поставленные во введении к монографии:

исследованы основные категории дел по спорам о детях с детальным анализом в рамках каждой категории субъектного состава, предмета доказывания, процессуальных особенностей рассмотрения дел, действий лиц, участвующих в деле, и суда;

выявлены типичные ошибки, допускаемые при рассмотрении споров о детях как судами, так и лицами, участвующими в деле;

предложены пути по оптимизации судебной практики и совершенствованию действующего законодательства;

исследуемые явления и предметы проанализированы с позиций традиционных семейных ценностей, определено их место в системе регуляторов семейных отношений и выявлены формы взаимодействия с правовыми нормами.

Монография состоит из трех разделов: «Общие положения», «Отдельные категории дел по спорам о детях», «Мировые соглашения, процедуры медиации по спорам о детях».

В первом разделе рассматриваются общие вопросы, связанные с предъявлением искового заявления по спорам о детях, а также участием органов опеки и попечительства в рассмотрении дел этой категории.

Второй раздел посвящен анализу основных категорий дел по спорам о детях: об определении места жительства ребенка при раздельном проживании родителей; об осуществлении родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка; об устранении препятствий к общению с ребенком его близких родственников; о лишении родительских прав; об ограничении родительских прав; о восстановлении в родительских правах; об отмене ограничения родительских прав; об отобрании ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью.

В третьем разделе рассматриваются примирительные процедуры в спорах о детях.

Через все содержание монографии автор красной нитью проводит мысль о том, что судьям, специалистам органов опеки и попечительства, работникам прокуратуры, представителям спорящих сторон и самим родителям при возникновении любого спора о детях необходимо помнить, что главный в таком споре — ребенок, и никакое самое юридически совершенное решение суда не заменит добровольного соглашения родителей о его судьбе.

Заслуживают поддержки предложения автора по оптимизации участия органов опеки и попечительства в рассмотрении споров о детях.

Практический интерес имеет анализ юридически значимых обстоятельств в спорах об определении места жительства ребенка и об осуществлении родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка, а также сформулированные автором требования, которым должны соответствовать резолютивные части решений судов по указанным делам, в целях исполнения судебных постановлений в интересах ребенка.

Верными являются выводы и суждения автора о том, что суд не вправе отказать в определении места жительства ребенка, если придет к выводу об отсутствии оснований для удовлетворения требований истца об определении места жительства ребенка с ним при отсутствии встречного иска (в такой ситуации суд должен в любом случае определить место жительства ребенка, это не будет являться выходом за пределы исковых требований); о возможности определения места жительства ребенка по иску одного из родителей с другим родителем; о возможности определения места жительства ребенка на будущее время при определенных обстоятельствах.

Что касается дел об осуществлении родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка, то научный и практический интерес имеют, в частности, следующие выводы автора:

порядок общения родителя с ребенком определяется на будущее время — до совершеннолетия ребенка, если в исковом заявлении не указано иное;

учитывая возраст ребенка, его длительное разлучение с одним из родителей, суд вправе назначить различный порядок общения на первые месяцы после вступления решения в законную силу и на последующее время (даже если истец просит установить единый порядок общения на все будущее время);

если в исковом заявлении истец просит определить порядок общения с ребенком с установлением различной частоты, продолжительности и (или) места встреч в зависимости от возраста ребенка, то суд вправе установить различный порядок общения для разных возрастных периодов ребенка;

определение возможности общения родителя с ребенком исключительно в присутствии другого родителя и по месту жительства ребенка допускается только в интересах последнего при наличии существенных оснований, которые должны быть приведены в решении суда;

в резолютивной части решения по делу об определении порядка осуществления родительских прав не следует устанавливать возможность общения с ребенком по соглашению между родителями (или по согласованию с одним из родителей) без указания конкретных времени, места, продолжительности общения.

Анализируя дела о лишении и ограничении родительских прав, автор исходит из того, что центральное место как в системе традиционных ценностей, так и среди принципов объективного семейного права занимает приоритет воспитания ребенка в семье. В работе приводятся рекомендации по гармонизации

зации институтов ограничения и лишения родительских прав и традиционных семейных ценностей. При этом подробно проанализированы положения постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав».

Также в работе с учетом правоприменительной практики проанализирован институт внесудебного отобрания ребенка у родителей при угрозе его жизни и здоровью.

Автор обоснованно поддерживает меры, принимаемые судами, направленные на побуждение сторон к заключению мировых соглашений, поскольку они способствуют установлению дружественных отношений между сторонами и, следовательно, отвечают интересам детей и позволяют разрешить спор, не травмируя психику и здоровье ребенка, проживающего с одним из родителей. Однако, как верно отмечает автор, мировые соглашения не должны утверждаться формально: требования законодательства о необходимости выяснения мнения ребенка должно соблюдаться также и при утверждении судом мирового соглашения. Кроме того, при утверждении данного соглашения подлежат исследованию составленный органом опеки и попечительства акт обследования условий жизни ребенка и лица, претендующего на его воспитание, а также мнение органа опеки и попечительства.

Достоинством монографии является и исследование истории развития анализируемых социально-правовых институтов и явлений, а также осуществление анализа зарубежного законодательства.

В целом следует отметить следующие достоинства монографии П.А. Якушева: использование в работе большого массива судебных актов, примеров из правоприменительной практики, которыми автор подтверждает свою позицию по ряду вопросов; многосторонний критический анализ имеющихся в литературе точек зрения по различным спорным вопросам; логичное, четкое и структурно-выдержанное изложение материала; конструктивные предложения, которые можно использовать в правотворческой деятельности и правоприменении; доступный язык изложения материала; научность и обоснованность выводов, сделанных автором; методологический, междисциплинарный характер отдельных результатов исследования.

Вместе с тем, как и любая творческая работа, монография П.А. Якушева не лишена некоторых недостатков, спорных и дискуссионных моментов. Так, автору следовало бы уделить больше внимания исследованию процессуальных проблем рассмотрения дел о преодолении несогласия или получении согласия отсутствующего ответчика на совершение истцом юридически значимых действий в интересах ребенка (например, на выезд несовершеннолетнего из Российской Федерации). Кроме того, в работе не получили освещение вопросы обеспечения доступа детей к международному правосудию, а также проблемам межгосударственного взаимодействия при рассмотрении споров о детях.

Приведенные недостатки не снижают общей высокой оценки монографического исследования П.А. Якушева, его теоретической и практической значимости, ценности полученных автором результатов, существенного вклада автора в науку.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что монография кандидата юридических наук, доцента Якушева Павла Алексеевича «Споры о детях: традиционные ценности и судебная практика» в отечественной юридической науке является первым комплексным монографическим исследованием проблем, связанных с взаимодействием права и традиционных семейных ценностей при рассмотрении споров о детях, и свидетельствует о существенном вкладе автора в науку семейного и гражданского права. Монография будет полезна судьям, работникам органов опеки и попечительства, адвокатам, медиаторам, студентам и преподавателям юридических высших учебных заведений, в связи с чем рекомендуется к опубликованию большим тиражом в качестве научного труда.

Рецензия утверждена на заседании кафедры гражданского и предпринимательского ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» (протокол № 4 от 9 ноября 2017 года).

*Кафедра гражданского и предпринимательского права,
Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева*

*Department of Civil and Business Law,
Samara National Research University*

REVIEW
**ON THE MONOGRAPH OF YAKUSHEV PAVEL ALEKSEEVICH “DISPUTES ABOUT CHILDREN:
TRADITIONAL VALUES AND JUDICIAL PRACTICE”**

The review assesses the relevance of the topic, the content, merits and demerits of the monograph. It is noted that the topic of this work is very relevant both for the legal science and for law enforcement practice, because the problems related to the protection of the family and childhood still remain acute in our society. In the monograph on the basis of the analysis of law, literature and practice, a wide range of issues covering the main problems arising in the resolution of disputes about children are deeply and interestingly considered. At the same time, the author holds the idea that the child is the main one in such disputes, and no most legally perfect court decision will replace the parents' voluntary agreement on his fate. The monograph identifies the main problems that arise when the courts resolve disputes about children and conduct conciliation procedures, and suggests ways to solve them in the interests of the child, deserving support. As an observation, it is pointed out that some significant issues in the work have not been reflected.

Key words: disputes about children, child, parents, rights, body of guardianship and trusteeship, court, conciliation procedures.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Таран Антонина Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева. Тема кандидатской диссертации: «Международно-правовые нормы и судебная практика, как источники уголовно-процессуального права РФ» (2000 г.). Автор четырех монографий (в том числе одна — в соавторстве), около 100 статей, свыше 30 учебников, учебных и учебно-методических пособий.

Область научных интересов: уголовный процесс, источники уголовно-процессуального права, субъекты уголовного процесса, уголовно-процессуальная прорасубъектность.

Луканов Александр Сергеевич, доцент, доцент кафедры информатики и вычислительной математики, факультета математики, Института информатики, математики и электроники, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева. Тема канд. дис.: «Исследование напряженно-деформированного состояния затвердевающих и нарастаемых сред». Автор свыше 30 научных работ.

Область научных интересов: теория баз данных, сетевые технологии, программное обеспечение для мобильных устройств, распределенные информационные системы, облачные технологии, теория преподавания информационных технологий.

Волков Владислав Эдуардович, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного и административного права ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева». Тема канд. дис.: Конституционные основания правового регулирования компетенции муниципальных образований (защ. в 2007 г.). Автор 33 научных работ.

Область научных интересов: конституционное право, избирательное право, информационное право.

Чердымова Елена Ивановна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и культурологии Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева. Тема канд. Диссертации: «Социально-психологическое исследование модели соотношения экологической установки и экологического поведения школьников» (защ. в 1999 г.). Автор и соавтор 103 научных работ, в т.ч. монографий «Основы формирования экологического сознания личности» (2010); «Экологическое сознание (теоретические и эмпирические исследования)» (2011); «Модель интеграции экологической и профессиональной подготовки студентов в процессе обучения в вузе» (2012); «Экологическое намерение личности» (2013); «Организационно-психологическое сопровождение формирования экопрофессионального сознания студентов» (2013).

Область научных интересов: экологическая психология, психология сознания, психология личности, социальная психология, психодиагностика.

Борисова Мария Олеговна, преподаватель кафедры социологии и культурологии Самарского национального исследовательского университета.

Область научных интересов: экологическая психология, психология сознания, психология личности, социальная психология, психодиагностика.

Перемышлина Екатерина Сергеевна, преподаватель кафедры социологии и культурологии Самарского национального исследовательского университета.

Область научных интересов: экологическая психология, психология сознания, психология личности, социальная психология, психодиагностика.

Пешнова Елизавета Игоревна, преподаватель кафедры социологии и культурологии Самарского национального исследовательского университета

Область научных интересов: экологическая психология, психология сознания, психология личности, социальная психология, психодиагностика.

Щукина Анастасия Николаевна, преподаватель кафедры социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева.

Область научных интересов: экологическая психология, психология сознания, психология личности, социальная психология, психодиагностика.

Данилина Ирина Викторовна, заместитель начальника Службы юридического сопровождения эфира, АНО «ТВ-Новости». Автор и соавтор 15 научных работ и публикаций, в том числе коллективной монографии «Гражданское законодательство и судебная практика: проблемы взаимодействия (монография)» (отв. ред. д.ю.н., проф. В.Л. Слесарев).

Область научных интересов: авторское право, право интеллектуальной собственности, информационное право.

Долинская Владимира Владимировна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ. Тема канд. дис.: «Правовое регулирование организации и деятельности акционерных обществ». Тема докт. дис.: «Основные положения и тенденции акционерного права». Автор свыше 500 научных публикаций, из них свыше 50 книг.

Область научных интересов: гражданское право (понятийный аппарат, источники права, правовой статус и правосубъектность, субъекты правоотношений, юридические лица, объекты прав, ценные бумаги, осуществление и защита прав, основные договоры в сфере предпринимательской деятельности); право корпораций (понятийный аппарат, источники права, правовой статус и правосубъектность, субъекты правоотношений, корпорации, органы юридического лица, квазиправосубъектные образования, корпоративное управление, корпоративная конфликтология, экстраординарные сделки); социальное право (медицинское право, образовательное право, права инвалидов).

Замотаева Татьяна Борисовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент, заведующая кафедрой гражданского права и гражданского процесса Самарская государственная областная академия (Наяновой). Тема канд. дис.: «Деньги — как объект гражданских прав». Автор около 100 научных работ и публикаций.

Область научных интересов: договорные обязательства (в том числе денежные) и обязательства вследствие причинения вреда.

Крюкова Елена Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и пред-

принимательского права Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева. Тема канд. дис.: «Прекращение прав на жилые помещения» (защ. в 2006 г.). Автор и соавтор более 60 научных работ, в т. ч. монографии «Прекращение прав на жилые помещения в связи со сносом жилого дома»; учебных пособий «Коммерческий наем», «Специализированный жилищный фонд», Договор найма жилого помещения: понятие, содержание и виды; Товарищество собственников жилья (2009; 2011; 2016; 2017).

Область научных интересов: гражданское право, жилищное право.

Рузанова Валентина Дмитриевна, доцент, зав. кафедрой гражданского и предпринимательского права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева. Тема канд. дис.: «Правовой режим основных и оборотных фондов производственных объединений в промышленности». Автор более 250 научных работ, в том числе монографий: «Проблемы эффективности применения гражданского законодательства: монография. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская академия права», 2004 (в соавт.). «Значение принципа добросовестности для формирования гражданско-правовой законодательной системы» в монографии «Принципы гражданского права и их реализация» (под ред. Т.П. Подшивалова, С.Г. Демидовой. М.: Проспект, 2017, в соавт.). «Особенности правового регулирования отношений в сфере актов гражданского состояния» в монографии «Теоретические и практически проблемы регистрации актов гражданского состояния (Тверской государственный университет); Тверское региональное отделение Ассоциации юристов России. Тверь: издатель А.Н. Кондратьев, 2017, в соавт.).

Область научных интересов: проблемы гражданского, семейного и жилищного права.

Поваров Юрий Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Самарского университета. Тема канд. дис.: «Предприятие как объект гражданских прав» (защ. в 2000 г.). Автор и соавтор более 200 научных работ, в т. ч. учебника для магистров «Акционерное право России» (2009, 2011, 2013).

Область научных интересов: корпоративное право, юридические факты.

Королева Анна Николаевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процессуального и предпринимательского права Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева. Тема канд. дис.: «Аудиторский финансовый контроль» (защ. в 2005 г.). Автор и соавтор 60 научных работ.

Область научных интересов: правовое регулирование на энергетических рынках, коммерческое право, финансовая деятельность, аудит, проблемы вступления в ВТО.

Свиридов Владимир Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского процессуального и предпринимательского права Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева. Тема кандидатской диссертации: «Правовое регулирование коллективного изобретательского творчества». Автор и соавтор более 60 научных работ и публикаций.

Область научных интересов: гражданское, финансовое, коммерческое, предпринимательское, налого-

вое, информационное, инновационное право, право интеллектуальной собственности.

Татарнинова Светлана Сергеевна, старший преподаватель кафедры гражданского процессуального и предпринимательского права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева. Автор и соавтор 17 научных работ и публикаций.

Область научных интересов: предпринимательское право; коммерческое право; антимонопольное (конкурентное) право; защита конкуренции; защита прав предпринимателей.

Репин Максим Евгеньевич, кандидат юридических наук, начальник смены дежурной части отдела полиции № 5 Управления МВД России по г. Н. Новгороду. Тема канд. дис.: «Выявление и раскрытие преступной деятельности в сфере агропромышленного комплекса». Автор и соавтор 54 научных работ и публикаций.

Область научных интересов: раскрытие преступлений в сфере реализации приоритетных национальных проектов; некоторые особенности раскрытия компьютерных преступлений; некоторые проблемы обеспечения информационной безопасности в условиях глобального общества; противодействие коррупционным правонарушениям в бюджетной сфере.

Свобода Иво, доктор права, кандидат наук, преподаватель Высшей школы регионального развития. Автор и соавтор более 25 научных работ.

Область научных интересов: угрозы безопасности, безопасность страны.

Магдалена Иосифовна Крайникова, PhD, доктор права, кандидат наук, преподаватель криминалистики, Академия полицейского корпуса в Братиславе (Словакия).

Область научных интересов: угрозы безопасности, безопасность страны.

Хилота Вадим Владимирович, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Гродненского государственного университета им. Я. Купалы, Республика Беларусь, кандидат юридических наук, доцент. Является автором 11 монографий (из них 2 в соавторстве) и более чем 500 научных статей.

Область научных интересов: уголовное право (имущественные преступления, преступления в сфере экономики, должностные преступления).

Малолеткина Наталья Сергеевна, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин СЮИ ФСИН России, кандидат юридических наук. Тема кандидатской диссертации: «Условное осуждение — форма реализации уголовной ответственности: проблемы сущности и исполнения». Автор 40 научных работ и публикаций, в том числе монографии «Условное осуждение — форма реализации уголовной ответственности: проблемы сущности и исполнения».

Область научных интересов: наказания не связанные с лишением свободы.

Бедняков Иван Львович, доцент, начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики, Самарский юридический институт ФСИН России. Тема кандидатской диссертации: «Обыск: проблемы эффективности и доказательственного значения». Автор и соавтор 51 научной работы и публикации.

Область научных интересов: досудебное производство по уголовным делам, производство следственных действий.

Кубанов Валерий Викторович, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Самарский юридический институт ФСИН России. Тема канд. дис.: «Организация и использование криминалистических учетов огнестрельного оружия и следов его применения при расследовании преступлений». Автор и соавтор 48 научных работ и публикаций.

Область научных интересов: криминалистическая техника, использование специальных знаний в расследовании преступлений, судебная экспертиза.

Казаклова Александра Викторовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, Уральский государственный юридический университет. Тема кандидатской диссертации: «Особенности уголовного судопроизводства по делам о террористическом акте». Автор 30 научных работ, в том числе монографии «Особенности уголовного судопроизводства по делам о террористическом акте».

Область научных интересов: уголовно-процессуальная форма.

Шестакова Любовь Александровна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева. Тема канд. дис.: «Реализация концепции ювенальной юстиции в производстве по делам несовершеннолетних в Российской Федерации: генезис, современность и перспективы». Автор 39 научных работ и публикаций, в том числе монографии: Шестакова Л.А. Реализация концепции ювенальной юстиции в производстве по делам несовершеннолетних в Российской Федерации. Москва, Россия: Юрлитинформ, 2016. 280 с.

Область научных интересов: уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальная политика, производство по делам несовершеннолетних, восстановительное правосудие, ювенальная юстиция, экономия уголовной репрессии, медиация, компромисс, ювенальная юстиция, несовершеннолетние.

Коныгин Руслан Анатольевич, студент 3-го курса юридического факультета, кафедра теории государства и права и международного права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева. Автор и соавтор 5 научных работ и публикаций.

Область научных интересов: уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальная политика, уголовно-процессуальное право, международное космическое право.

Олиндер Нина Владимировна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева. Тема канд. дис.: «Особенности расследования преступлений, совершенных с использованием электронных платежных средств и систем» (защ. в 2011). Автор и соавтор более 60 научных работ, в т. ч. монографий «Криминалистическая характеристика и криминалистическая классификация преступлений, совершенных с использованием электронных платежных средств и систем» (2010); «Расследование преступлений, совершенных с использованием электронных платежных средств и систем» (в соавт. (2012); «Преступления, совершенные с использованием электронных платежных средств и систем: криминалистический аспект»

(2014); «Преступления, совершенные с использованием электронных платежных средств и систем: криминалистический аспект» — второе издание (2016).

Область научных интересов: вопросы расследования преступлений, совершенных с использованием электронных платежных средств и систем, методика расследования преступлений, криминалистическая тактика, использование специальных знаний при расследовании преступлений

Халиков Аслям Наилевич, профессор кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета, доктор юридических наук, доцент. Тема канд. дис.: «Особенности расследования получения взяток должностными лицами правоохранительных органов» (2005). Тема докт. дис.: «Теория и практика выявления и расследования должностных преступлений (криминалистический аспект)» (2012). Автор и соавтор более 270 научных публикаций, включая пять монографий и десять учебных пособий.

Область научных интересов: правовые основы оперативно-розыскной деятельности, философия права.

Хлус Александр Михайлович, кандидат юридических наук, доцент, докторант, доцент кафедры криминалистики Белорусского государственного университета. Тема докторской диссертации: «Проблемы криминалистического противодействия коррупции».

Область научных интересов: криминалистика, ОРД, уголовный процесс, судебная экспертиза.

Миладинович-Богавец Живанка, доктор юрид. наук, профессор, родилась в Белграде. Окончила Юридический факультет Белградского университета. Магистратуру закончила с средней оценкой 10 — отдел Публичное право на Юридическом факультете Университета в Белграде. В 2016 году закончила аспирантуру с темой «Уголовное дело обмана как форма осуществления сайбер криминала» получив оценку 10. Решением Сената Университета Никола Тесла стала доцентом. На Факультете бизнеса и на Юридическом факультете Университета Унион Никола Тесла в Белграде ведет курсы Уголовное и Международное уголовное право. Опубликовала многочисленные статьи в домашних и иностранных журналах. Участвовала на многочисленных международных конференциях.

Область научных интересов: сайбер криминал.

Мельникова Марина Витальевна, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин СЮИ ФСИН России. Тема канд. дис.: «Эволюция идей о гражданском обществе и правовом государстве и проблемы их реализации в России». Автор и соавтор 76 трудов, в том числе монографий: «Эволюция идей о гражданском обществе и правовом государстве и проблемы их реализации в России», «Теоретико-методологические аспекты познания гражданского общества».

Область научных интересов: теория государства и права, конституционное право, муниципальное право, методология юридической науки.

Гамбарова Евгения Александровна, магистр юриспруденции, ассистент кафедры уголовного процесса и криминалистики, старший учебный мастер научно-образовательной лаборатории криминалистики и судебных экспертиз. Автор и соавтор 10 научных работ и публикаций.

Область научных интересов: расследование преступлений, социальные сети, мессенджеры, следственные действия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Taran Antonina Sergeevna, Candidate of Laws, associate professor, assistant professor of the Department of Criminal Process and Criminalistics, Samara National Research University. Subject of Candidate's thesis: «International and legal norms and judicial practice as sources of criminal procedural law of the Russian Federation» (2000). Author of 4 monographs (including one in coauthorship), about 100 articles, more than 30 textbooks, teaching guides and study guides.

Research interests: criminal process, sources of criminal procedural law, subjects of criminal proceedings, criminal procedural legal personality.

Lukanov Alexander Sergeevich, associate professor, assistant professor of the Department of Mathematics, Informatics and Computational Mathematics, Faculty of Mathematics, Institute of Informatics, Mathematics and Electronics, Samara National Research University. Subject of Candidate's thesis: «Investigation of the stress-strain state of solidifying and expanding media». Author of more than 30 scientific works.

Research interests: database theory, network technologies, software for mobile devices, distributed information systems, cloud technologies, theory of information technology teaching.

Volkov Vladislav Eduardovich, Candidate of Law, assistant professor of the Department of State and Administrative Law, Samara National Research University. Subject of Candidate's thesis: «Constitutional grounds for the legal regulation of the competence of municipal entities» (2007). Author of 33 scientific works.

Research interests: constitutional law, electoral law, information law.

Cherdymova Elena Ivanovna, Candidate of Psychological Sciences, associate professor, assistant professor of the Department of Sociology and Cultural Studies, Samara National Research University. Subject of Candidate's thesis: «Socio-psychological study of the model of correlation of the ecological attitude and ecological behavior of schoolchildren» (1999). Author and coauthor of 103 scientific works including monographs: «Fundamentals of formation of ecological consciousness of an individual» (2010); «Ecological consciousness (theoretical and empirical research)» (2011); «Model of integration of environmental and professional training of students in the process of studying at a university» (2012); «Ecological intention of an individual» (2013); «Organizational and psychological support for the formation of eco-professional consciousness of students» (2013).

Research interests: ecological psychology, psychology of consciousness, personality psychology, social psychology, psychodiagnostics.

Borisova Maria Olegovna, Department of Sociology and Culturology, Samara National Research University.

Research interests: ecological psychology, psychology of consciousness, personality psychology, social psychology, psychodiagnostics.

Peremyshlina Ekaterina Sergeevna, Department of Sociology and Culturology, Samara National Research University.

Research interests: ecological psychology, psychology of consciousness, personality psychology, social psychology, psychodiagnostics.

Peshnova Elizaveta Igorevna, Department of Sociology and Culturology, Samara National Research University.

Research interests: ecological psychology, psychology of consciousness, personality psychology, social psychology, psychodiagnostics.

Shchukina Anastasia Nikolaevna, Department of Sociology and Culturology, Samara National Research University.

Research interests: ecological psychology, psychology of consciousness, personality psychology, social psychology, psychodiagnostics.

Danilina Irina Viktorovna, Deputy Head of the Legal Aid Service, ANO «TV-News». Author and coauthor of 15 scientific works and publications, including the collective monograph «Civil Legislation and Judicial Practice: Problems of Interaction (monograph) (Prof. V.L. Slesarev (Ed.)).

Research interests: copyright, intellectual property law, information law.

Dolinskaya Vladimira Vladimirovna, Doctor of Law, professor, professor of the Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL). Member of the Scientific Advisory Council under the Supreme Court of the Russian Federation. Subject of Candidate's thesis: «Legal regulation of organization and activities of joint-stock companies». Subject of Doctoral thesis: «Basic provisions and tendencies of joint-stock law». The author of more than 500 scientific publications, of which more than 50 books.

Research interests: civil law (conceptual apparatus, sources of law, legal status and legal personality, subjects of legal relations, legal persons, objects of rights, securities, implementation and protection of rights, basic contracts in the field of business); right of corporations (conceptual apparatus, sources of law, legal status and legal personality, subjects of legal relations, corporations, bodies of legal entity, quasi-legal entities, corporate governance, corporate conflictology, extraordinary transactions); social law (medical law, educational law, rights of disabled people).

Zamotaeva Tatyana Borisovna, Candidate of Laws, associate professor, assistant professor of the Department of Civil Law and Civil Process, Samara State Oblast Academy (Nayanova). Subject of Candidate's thesis: «Money as an object of civil rights». Author of about 100 scientific works and publications.

Research interests: contractual obligations (including monetary obligations) and liabilities as a result of causing harm

Kryukova Elena Sergeevna, Candidate of Laws, associate professor, assistant professor of the Department of Civil and Entrepreneurial Law, Samara National Research University. Subject of Candidate's thesis: «Termination of dwelling apartments rights» (2006). Author and coauthor of more than 60 scientific works including monographs: «Termination of dwelling apartments rights because of its demolition», educational guidances «Commercial rent», «Specific dwelling fond» «Tenancy agreement: concept, content and types»; «Homeowners association» (2009;2011; 2016; 2017)

Research interests: civil law, dwelling law.

Ruzanova Valentina Dmitrievna, associate professor, head of the Department of Civil and Entrepreneurial Law, Samara National Research University. Subject of Candidate's thesis: «Legal regime of fixed and circulating

funds of industrial associations in industry». Author of more than 250 scientific works including monographs: "Problems of effectiveness of civil law application: monograph. Saratov: izd-vo GOU VPO «Saratovskaya akademiya prava», 2004 (in coauthorship). "The importance of the principle of conscientiousness for the formation of the civil legal system" in the monograph "Principles of civil law and their implementation": monograph. T.P. Podshivalov, S.G. Demidova (Eds.). M.: Prospekt, 2017 (in coauthorship). "Peculiarities of legal regulation of relations in the sphere of acts of civil status" in the monograph "Theoretical and Practical Problems of Registration of Civil Status Acts": monograph. "Tver State University"; Tver Regional Department of the Association of Lawyers of Russia. Tver: izdatel' A.N Kondrat'ev, 2017 (in coauthorship).

Research interests: problems of civil, family and housing law.

Povarov Yuriy Sergeevich, Candidate of Laws, associate professor, associate professor of the Department of Civil and Entrepreneurial Law, Samara National Research University. Subject of Candidate's thesis: «Enterprise as the object of civil rights» (2000). Author and coauthor of more than 200 scientific works including textbook for masters «Company law of Russia» (2009, 2011, 2013).

Research interests: corporate law, legal facts.

Koroleva Anna Nikolaevna, Candidate of Law, assistant professor of the Department of Civil Procedural and Business law, Samara National Research University. Subject of Candidate's thesis: «Auditor financial control» (2005). Author and coauthor of 60 scientific works.

Research interests: legal regulation in the energy markets, commercial right, financial activity, audit, problems of accession to WTO.

Sviridov Vladimir Anatolievich, Candidate of Law, associate professor, assistant professor of the Department of Civil Procedural and Entrepreneurial Law, Samara National Research University. Subject of Candidate's thesis: «Legal regulation of collective inventive creativity». Author and coauthor of more than 60 scientific works and publications.

Research interests: civil, financial, commercial, entrepreneurial, tax, information, innovation law, intellectual property law.

Tatarinova Svetlana Sergeevna, senior lecturer of the Department of Civil Procedural and Business Law, Samara National Research University. Author and coauthor of 17 scientific works and publications.

Research interests: business law; commercial law; antitrust (competition) law; protection of competition; protection of entrepreneurs' rights.

Repin Maksim Evgenievich, Candidate of Laws, chief of the shift of the duty part of the police department No. 5 of the Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for N.Novgorod. Subject of Candidate's thesis: «Identification and disclosure of criminal activity in the sphere of agro-industrial complex». Author and coauthor of 54 scientific works and publications.

Research interests: disclosure of crimes in the implementation of priority national projects; certain features of the disclosure of computer crimes; some problems of information security in a global society; counteraction to corruption offenses in the budgetary sphere.

Svoboda Ivo, Doctor of Law, Candidate of Sciences, lecturer in the Higher school of regional development. Author and coauthor of more than 25 scientific works.

Research interests: threats to security, security of the country.

Krainikova Magdalena Iosifovna, PhD, Doctor of Law, Candidate of Sciences, lecturer of criminalistics, Akadémia Policajného zboru v Bratislave

Research interests: threats to security, security of the country.

Hilyuta Vadim Vladimirovich, assistant professor of the Department of Criminal Law, Criminal Process and Criminalistics, Yanka Kupala State University of Grodno, Republic of Belarus, Candidate of Laws, associate professor. Author of 11 monographs (among them 2 in coauthorship) and more than 500 scientific articles.

Research interests: criminal law (property crimes, economic crimes, official crimes).

Maloletkina Natalia Sergeevna, senior lecturer of the Department of State and Legal Disciplines, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Law. Subject of Candidate's thesis: «Conditional conviction is a form of realization of criminal responsibility: problems of essence and execution». Author of 40 scientific works and publications, including monograph «Conditional conviction is a form of realization of criminal responsibility: problems of essence and execution».

Research interests: non-custodial sentences.

Bednyakov Ivan Lvovich, associate professor, head of the Department of Criminal Process and Criminalistics, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Subject of Candidate's thesis: «Search: problems of efficiency and evidentiary value». Author and coauthor of 51 scientific works and publications.

Research interests: pre-trial proceedings in criminal cases, production of investigative actions.

Kubanov Valery Viktorovich, associate professor, assistant professor of the Department of Criminal Process and Criminalistics, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Subject of Candidate's thesis: «Organization and use of forensic accounts of firearms and traces of its use in the investigation of crimes». Author and coauthor of 48 scientific works and publications.

Research interests: criminalistic technique, use of special knowledge in the investigation of crimes, judicial examination.

Kazakova Alexandra Viktorovna, Candidate of Laws, assistant professor of the Department of Criminal Process, Ural State Law University. Subject of Candidate's thesis: «Features of criminal proceedings in cases of terrorist act». Author of 30 scientific monographs including monograph «Features of criminal proceedings in cases of terrorist acts».

Research interests: criminal procedural form.

Shestakova Lyubov Alexandrovna, Candidate of Laws, senior lecturer of the Department of Criminal Process and Criminalistics, Samara National Research University. Subject of Candidate's thesis: «Implementation of the concept of juvenile justice in the juvenile affairs in the Russian Federation: genesis, modernity and prospects». Author of 39 scientific publications including monograph Shestakova L.A. «Implementation of the concept of juvenile justice in the juvenile affairs in the Russian Federation». M.: Iurlitinform, 2016, 280 p.

Research interests: criminal procedure, criminal procedural policy, juvenile affairs, restorative justice, juvenile justice, economy of criminal repression, mediation, compromise, juvenile justice, minors.

Konygin Ruslan Anatolievich, 3rd year student of the Law Faculty, Department of the Theory of State and Law and International Law, Samara National Research University. Author and coauthor of 5 scientific works and publications.

Research interests: criminal procedure, criminal procedural policy, criminal procedural law, international space law.

Olinder Nina Vladimirovna, Doctor of Laws, professor of the Department of the Criminal Procedure and Criminalistics, Samara National Research University. Subject of Candidate's thesis: «Peculiarities of investigation of crimes committed with the use of electronic payment instruments and systems» (2011). Author and coauthor of more than 60 scientific works, including monographs «Forensic characterization and forensic classification of crimes committed with the use of electronic payment instruments and systems» (2010); «Investigation of crimes committed with the use of electronic payment instruments and systems» (coauthor. (2012); «Crimes committed with the use of electronic payment instruments and systems: forensic aspect» (2014); «Crimes committed with the use of electronic payment instruments and systems: forensic aspect» (2016) – second edition.

Research interests: investigation of crimes committed with the use of electronic payment instruments and systems, methods of crime investigation, forensic tactics, use of special knowledge in the investigation of crimes.

Khalikov Aslyam Nailevich, professor of the Department of Criminalistics of the Institute of Law, Bashkir State University, Doctor of Laws, associate professor. Subject of Candidate's thesis: «Features of the investigation of bribe taking by law enforcement officials» (2005). Subject of Doctoral thesis: «Theory and practice of revealing and investigating malfeasance (forensic aspects)» (2012). Author and coauthor of more than 270 scientific publications, including five monographs and ten teaching aids.

Research interests: legal foundations of operative-search activity, philosophy of law.

Hlus Alexander Mikhailovich, Candidate of Laws, associate professor, Doctoral Candidate, assistant

professor of the Department of Criminalistics, Belarusian State University. Subject of Doctoral thesis: «Problems of criminalistic counteraction of corruption».

Research interests: criminology, operational search activity, criminal procedure, judicial examination.

Zhivanka Miladinovich-Bogavats, Associate professor, Doctor, was born in Belgrade. Graduated from the Faculty of Law of the University of Belgrade. Graduated with an average grade of 10 – Department of Public Law at the Faculty of Law of the University of Belgrade. In 2016 she graduated from the postgraduate courses with the topic «Criminal case of deception as a form of implementation of cyber crime», having received an evaluation of 10. By the decision of the Nikola Tesla University Senate, became an associate professor. At the Faculty of Business and the Faculty of Law of Uniyn Nicola Tesla University in Belgrade conducts courses of Criminal and International Criminal Law. She has published numerous articles in home and foreign journals. She participated in numerous international conferences.

Research interests: cyber crimes.

Melnikova Marina Vitalievna, associate professor, professor of the Department of State and Legal Disciplines, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Subject of Candidate's thesis: «Evolution of ideas about civil society and the rule of law and the problem of their implementation in Russia». Author and coauthor of 76 works, including monographs: «Evolution of ideas about civil society and the rule of law and the problems of their implementation in Russia», «Theoretical and methodological aspects of cognition of civil society».

Research interests: theory of state and law, constitutional law, municipal law, methodology of legal science.

Gambarova Evgeniya Alexandrovna, Master of Jurisprudence, assistant lecturer of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, senior master of science and educational laboratory of criminalistics and forensic expertise. Author and coauthor of 10 scientific works and publications.

Research interests: investigation of crimes, social networks, messengers, investigative actions.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Для публикации научных работ в журнале «Юридический вестник Самарского университета» принимаются статьи, соответствующие научным требованиям, общему направлению журнала и представляющие интерес для достаточно широкого круга российской и зарубежной научной общественности.

Предлагаемый в статье материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написанным в контексте современной научной литературы, а также содержать очевидный элемент создания нового знания.

Все представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и направляются на **независимое (внутреннее) рецензирование**. Решение об опубликовании принимается редколлегией на основании рецензии.

Периодичность выхода журнала — **4 выпуска в год**.

Правила оформления

Текст статьи

- Статья предоставляется на русском или английском языке в печатном (формат А4) и электронном (по эл. почте) видах.
- Перед заглавием статьи проставляется шифр УДК.
- Название работы, список авторов в алфавитном порядке (ФИО, место работы, индекс и адрес места работы, должность, электронная почта), аннотация, ключевые слова, библиографический список должны быть представлены на русском и английском языках.
- Текст статьи должен быть набран в текстовом редакторе Word для Windows с расширением doc или rtf гарнитурой Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
- Объем основного текста не должен превышать 8–10 страниц.
- Рисунки и таблицы предполагают наличие названия и сквозную нумерацию.
- Библиографический список оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.05–2008 по порядку цитирования после основного текста. Допускается не более 20 источников.
- Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках, например [14, с. 28]. Ссылки на иностранные источники приводятся на языке оригинала.

Графика

- Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формат TIF.
- Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0–11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран гарнитурой Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы.

Формулы

- Единицы измерения следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- В статье приводятся лишь самые главные, итоговые формулы. Набор формул производится в редакторе формул Microsoft Equation с параметрами: обычный — 14, крупный индекс — 9, мелкий индекс — 7, крупный символ — 20, мелкий символ — 14.
- Вставка в текст статьи формул в виде графических объектов недопустима.
- Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Статьи, оформленные не по правилам, редколлегией рассматриваться не будут.

Редакция журнала